

**Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н.Миклухо-Маклая РАН**

**Российская ассоциация исследователей
женской и гендерной истории**

**Молодежные
уличные группировки:
введение в проблематику**

**Москва
ИЭА РАН
2009**

УДК 316.3
ББК 60.5
М 75

Работа над изданием велась при поддержке Программы фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России» в рамках проекта «Российская повседневность за десять веков в зеркале гендерных отношений: тенденции, динамика, перспективы изменений» (руководитель – д.и.н., проф. Н.Л. Пушкарева).

Составитель

Д.В. Громов

Ответственный редактор

Н.Л. Пушкарева

Молодежные уличные группировки: введение в проблему
М 75 матику / Сост. Д.В. Громов; отв. ред. Н.Л. Пушкарева. – М.:
Институт этнологии и антропологии РАН, 2009. – 340 с.

ISBN – 978-5-8396-0505-0

Сборник посвящен исследованию структур, состава, регионального своеобразия молодежных уличных группировок Советского Союза и стран постсоветского пространства, охватывает полвека их существования (1950–2000-е годы). Авторы статей проанализировали особенности повседневной жизни уличной среды в разных регионах, уделили внимание особенностям построения уличных компаний, уличному имиджу, нормированию поведения; подвергнуты анализу и детали межгрупповых конфликтов. Во второй части опубликована программа исследования молодежных уличных группировок, опросник, иные рабочие и вспомогательные материалы.

Для социальных антропологов, социологов и широких кругов читателей, интересующихся исследованиями молодежи.

УДК 316.3
ББК 60.5

ISBN – 978-5-8396-0505-0

© Громов Д.В., сост. 2009
© Коллектив авторов, 2009
© Институт этнологии и
антропологии РАН, 2009

Содержание

Пушкарева Н.Л. Новый проект по изучению молодежных группировок	5
Громов Д.В. Подростково-молодежные уличные группировки как объект этнографического исследования	8

Часть 1

Образы улицы

Ципурский Г.В. «Общества», «штабы», «клубы»: молодежное городское хулиганство в Советском Союзе «оттепельных» лет	73
Громов Д.В., Стивенсон С.А. Пацанские правила (на материалах московского региона, 1980–2000-е годы)	94
Белановский С.А. «Ждань» и «коммунары» (конец 1980-х годов)	124
Карбаинов Н.И. «Эй, хунхуз, куда идешь?! Здесь братва, и ты умрешь!»: «уличные войны» в Улан-Удэ	132
Шашкин А.В. Улица: свои и чужие (на материале молодежных группировок городов Среднего Поволжья)	149
Костерина И.В. Маскулинности скинхедов: экстремизм, мода, протест и гражданское участие	185
Беликов С.В., Громов Д.В. Скинхеды-наци Москвы: конструирование маскулинности	209

Часть 2
Рабочие, вспомогательные
и полевые материалы

Опросник для исследования молодежных уличных группировок	257
Ижевск. Автозавод. 1980-е годы	269
Ульяновск. Чехия. 1999 год	305
Москва. Западный округ. 2002–2006 годы	310
Одесса. Сборка. 2004–2009 годы	318

НОВЫЙ ПРОЕКТ

по изучению молодежных группировок

Изучение молодежи – тех, кто молод и кто принадлежит будущему – в последнее время стало одной из приоритетных научных тем. Однако эти «принадлежащие будущему», но подчас такие странные современники на протяжении всей второй половины XX века у каждого взрослого поколения «вызывали амбивалентные чувства» – иронично заметила видный специалист по проблемам ювенологии, социолог Е.Л. Омельченко¹. В особенности эта амбивалентность (неоднозначность) касается отношения к уличным группировкам подростков и юношей.

Не секрет, что в современной историографии (как и в обыденных обсуждениях) тема молодежи очень часто оказывается связанной с различными типами моральных паник, негативными ассоциациями с опасностью и «страшными диагнозами современности» (алкоголизм, наркомания, отсутствие идеалов и моральных авторитетов, бездуховность). Ведь именно в подростково-молодежной среде апробируются сценарии не столько подчинения, сколько сопротивления традиционному, навязываемым стандартам (поведения и мышления), а в конечном счете, и социальному порядку. Непонятность поступков и линии поведения тех, кто еще не перешел в группу взрослых, порождает алармистские настроения – дискурс тревоги и воззваний к тем, кто может что-то предпринять, не допустить... В этом контексте от ученых ожидается взвешенное и спокойное изучение механизмов формирования и распространения моральных паник – в отношении молодежи в первую очередь², чтобы определить необходимость и размеры государственных и политических инвестиций в решение «молодежного вопроса».

¹ Омельченко Е.Л. Молодежь: открытый вопрос. Ульяновск, 2004. С. 12.

² См.: Ясавеев И.Г. Конструирование социальных проблем средствами массовой коммуникации. Казань, 2004.

Ответом на этот вызов современности и является данный сборник. Авторы его пытаются представить весь спектр отношения к городским подростково-молодежным сообществам в разных частях Советского Союза и стран постсоветского пространства на протяжении почти полувека.

Статья составителя и инициатора проекта, как и данного сборника, открывая его, содержит программу длительного исследования «пацанских» (подростково-молодежных) уличных группировок. В ней ставится задача реконструировать и проследить историю складывания этих объединений, рассмотреть основные параметры сообществ, проанализировать повседневные правила поведения, ценностные ориентации и мировоззрение членов этих уличных компаний в их исторической динамике, в контексте влияния различных социальных и культурно-исторических факторов. Как и большинство статей сборника, эта – основана на материалах глубинных интервью и включенного (инсайдингового в том числе) наблюдения.

Впрочем, авторы сборника применяют и иные подходы. Так, в одной из статей осуществлена попытка восстановить картину возникновения «обществ», «штабов», «клубов» в Советском Союзе 1960-х годов на основе собранных автором архивных материалов, посвященных борьбе комсомола с детским и подростковым хулиганством и криминализацией городских подростковых объединений в молодежной среде.

Выполненная в духе инсайдингового анализа статья о «пацанских правилах» в столичном регионе (1980–2000-е годы) ориентирует читателя в закономерностях нормирования поведения в уличной среде в недавнем прошлом и отчасти настоящем. Анализируются нормы поведения, связанные с конструированием в рамках рассматриваемых группировок маскулинности в ее нынешнем понимании, «охраной собственной территории», ограничениями на применение насилия. Продолжением этого рассказа предстает исследование московских сообществ конца 1980-х годов («Жданы», «Коммунары»), представлявших в те годы столичные аналог подмос-

ковного движения любителей. Сходство этих сообществ заставляет прийти к выводу о единстве социально-культурных причин, обусловивших их возникновение.

Широкую картину развития молодежных уличных сообществ в регионах России дополняют статьи, написанные исследователями из регионов.

Среди них – аналитическое эссе о городских молодежных конфликтах в Улан-Удэ, обусловленных социально-экономическими и демографическими процессами в Бурятии. На материале поволжских криминализированных группировок рассмотрено понимание диады «свои – чужие» в статье о распределении статусов в уличной среде поволжских городов, пониманию практик «разводки лоха», основанном на конструировании ролей агрессора и жертвы.

Две статьи сборника посвящены получившим широкое развитие в последние десятилетия субкультурам идеоцентрического типа (скинхедам – наци и антифа), которые являются преемниками территориальных группировок более раннего времени.

Завершают данный сборник полевые материалы и очерки, написанные на основе глубинных интервью, проведенных при помощи предложенного для реализации проекта опросника. По ним можно составить представление о группировках Ижевска 1980-х годов, Ульяновска конца 1990-х, Одессы начала нового века и, наконец, Москвы 2002–2006 годов.

«Портреты» молодежных уличных сообществ разнообразны; на основании этой «галереи» можно создать представление и о данном социальном слое, и о варьировании его параметров, и о том, как их наличие (видоизменяет картину городской повседневности в прошлом и настоящем.

Д.и.н., проф. Н.Л. Пушкарева,
заведующая сектором этногендерных
исследований ИЭА РАН,
ответственный редактор

ПОДРОСТКОВО-МОЛОДЕЖНЫЕ УЛИЧНЫЕ ГРУППИРОВКИ как объект этнографического исследования

Д.В. Громов

Улица как сфера повседневной жизненной активности подростков и молодежи является средоточием большого количества социальных проблем. Выключенность из зоны социального контроля «взрослых» в совокупности с типичной для данного возраста склонностью к экстремальному поведению часто приводят к возникновению девиантных форм поведения: криминальной и экстремальной деятельности, пьянства, наркомании и т.д. В то же время не будет преувеличением сказать, что улица является для своих «детей» социализирующим институтом – она служит местом, где происходит взросление, вырабатываются навыки поведения, общения, лидерства, умения работать в команде, конструируется образ взрослого и т.д.

Когда мы говорим о влиянии на подростка или молодого человека уличной среды, то имеем в виду, прежде всего, некую значимую для него группу сверстников, идентифицирующуюся как «свои» и организованную по территориальному или идеоцентрическому принципу. Поэтому *объектом* нашего исследования являются уличные подростково-молодежные группировки Советского Союза и современных стран постсоветского пространства; ниже (см. парагр. 1) мы конкретизируем данный объект.

Сравнение конкретных молодежных уличных группировок показывает, что они весьма схожи между собой. Явное сходство по многим параметрам выявляется и в случаях, когда рассматриваемые группировки отдалены друг от друга территориально и во времени. При этом необходимо обратить внимание на то, что в условиях СССР группировки были изолированы друг от друга информационно, что ис-

ключает возможность их взаимовлияния и заставляет искать некие особые факторы, обуславливающие это типологическое сходство. В отечественных социальных науках до сих пор не дано ответа на ряд вопросов:

– Насколько унифицированной является молодежная уличная среда?

– Можно ли говорить о ней как о достаточно однородном социально-возрастном образовании?

– Насколько данная среда (точнее, набор ее констант) изменяется в зависимости от территории, времени существования и других факторов?

Для прояснения данных вопросов в качестве *предмета* нашего исследования мы выбираем повседневность молодежных уличных группировок в их исторической динамике, в контексте влияния различных социальных и культурно-исторических факторов.

Географически зона исследования, как уже говорилось, ограничивается территорией Советского Союза, а позже – стран постсоветского пространства (прежде всего, Российской Федерации). Данные, не относящиеся к указанной территории, привлекаются только в качестве вспомогательного, сравнительного материала.

В качестве *хронологических рамок* рассмотрения данного явления мы выбираем период с 1950-х годов до настоящего времени (подробнее см. парагр. 2).

Историография рассматриваемой нами темы довольно обширна. В советские времена эта тема была «неудобной», как и любая тема, предполагающая правдивое и полное рассмотрение советской действительности. Показательна судьба замечательного исследования В.Ф. Пирожкова, посвященного молодежным криминальным сообществам¹ – написанное в конце 1970-х, оно увидело свет только в 1994-м году.

В 1990–2000-е годы процесс сдвинулся с мертвой точки: появилось несколько десятков исследований, посвященных уличным группировкам². Появление интереса к данной теме

было обусловлено возникновением на территории Советского Союза агрессивных подростково-молодежных группировок; первые исследования были посвящены так называемому «казанскому феномену» (А.Р. Тузиков, А.Л. Салагаев, Р.Р. Максудов, Л.В. Агеева, Л.М. Булатов, А.В. Шеслер; позже – А.В. Шашкин, С.А. Стивенсон) и движению любителей (С.А. Белановский, В.С. Овчинский; позже – Д.В. Громов). Впоследствии интерес к теме усиливался, поле исследования расширялось. Внимание уделялось рассмотрению уличных сообществ в общем контексте молодежной жизни (Е.Л. Омельченко, Х. Пилкингтон), их вариативности (М.Л. Лурье, В.В. Головин), а также описанию молодежной уличной среды в конкретных городах. Так, рассмотрены были молодежные уличные сообщества в Улан-Удэ (Н.А. Халудорова, А.А. Бадмаев, К.Б. Митупов, Н.И. Карбаинов), Тихвине (Е.В. Кулешов), Кирове (С.Н. Амосова, С.В. Березин), Тбилиси (Е.Ю. Захарова), Муроме (М.В. Ахметова) и др. Рассматривались и некоторые идеоцентрические субкультуры, по принципам построения близкие к рассматриваемому социально-возрастному слою, например, футбольные фанаты (А. Илле)³ и скинхеды-наци (А.Н. Тарасов, В.А. Лихачев, С.В. Беликов, И.В. Костерина)⁴.

Однако в целом тема молодежных уличных компаний Советского Союза и постсоветского пространства до сих пор не получила комплексного раскрытия. На настоящий момент назрела ситуация, когда можно и нужно создать общую картину явления.

Основными *методами исследования* уличных группировок советских времен являются индивидуальные глубокие интервью с их участниками и с людьми, достаточно компетентными в данной теме; для исследования современных группировок к интервью добавляются еще встроенные наблюдения (наблюдения за деятельностью группировок и участие в этой деятельности). Кроме того, возможно привлечение ряда вспомогательных источников: архивных материалов, мемуаров,

публикаций в СМИ и Интернете и т.д. (подробнее о методологии исследования и источниках см. парагр. 20).

В рамках данного исследования мы не придерживаемся педагогического подхода (хотя отдельные исследователи, подключающиеся к проекту, при желании могут выступать с позиций педагогики), не стремимся давать оценочных суждений об описываемых явлениях (факты говорят сами за себя, позволяя читателям выносить собственную оценку). Мы стремимся находиться на позициях непредвзятого и в достаточной степени отстраненного наблюдения и анализа, предполагающего, что «предубеждения и личные (субъективные) мнения угрожают истине (и объективности)»⁵. Принципиально важным мы считаем при исследовании данной темы (как и при исследовании социальных сообществ вообще) находиться на позициях уважения к исследуемому объекту. Под уважением мы понимаем не одобрение, а настроенность на то, чтобы представить явление во всей полноте и понять его внутреннюю логику; мы считаем правильным относиться к нашим информантам с позиций не «воспитания», а *понимания*.

Данный сборник не является просто тематическим сборником как таковым. Мы поставили себе целью презентовать в рамках сборника **программу длительного исследования**. Это только первая часть исследовательского проекта, и поэтому к основному названию сборника «Молодежные уличные группировки» добавлен подзаголовок: «Введение в проблематику».

Первый этап проекта закончился подготовкой данного сборника. На первом этапе осуществлено пилотное исследование с целью конкретизации объекта и предмета изучения; составлен опросник, по которому предполагается провести дальнейшую работу.

Второй этап предполагает выпуск «промежуточных» сборников, предположительно построенных по тому же принципу, что и данный, первый сборник. В сборниках будут

рассмотрены различные аспекты повседневности молодежных уличных группировок второй половины XX – начала XXI веков. Предполагаемое количество «промежуточных» сборников не определено, решение об их количестве будет приниматься в зависимости от объема накопленного материала. Возможно проведение дополнительных, уточняющих опросов по конкретным темам.

На *третьем этапе* долговременного проекта будет осуществлен выпуск коллективной монографии, в которой будет сведена воедино полученная в ходе проекта информация о молодежных уличных группировках в СССР и в государствах, впоследствии образовавшихся на его территории.

Концептуальный замысел данного сборника (а впоследствии – «промежуточных» сборников) предполагает выделение двух разделов.

Первый раздел включает исследовательские тексты, посвященные различным аспектам рассматриваемой нами темы: повседневности и истории развития молодежных уличных группировок, закономерностям нормирования поведения в группировках, идеоцентрическим группировкам (на примере субкультуры скинхедов).

Второй раздел содержит полевые материалы – очерки, составленные на основе интервью. Все интервью взяты с помощью представленного здесь же опросника. Собственно, **опросник является ядром исследовательской программы**: предполагается, что к проекту подключатся исследователи из разных регионов, которые будут осуществлять работу на основе данного опросника. Применение единой программы для исследования позволит создать общую, унифицированную картину рассматриваемого нами явления в разные исторические периоды и в различных регионах.

Во вступительной статье к сборнику мы постараемся дать общую канву исследования:

1) представить перечень литературы, накопившейся по теме (см. сноски 1–3 и проч.);

2) рассмотреть, что же на настоящий момент известно об уличных пацанских группировках рассматриваемого нами региона, очертить набор и степень вариативности их параметров (см. парагр. 1–19);

3) наметить основные направления и методологию исследования (см. парагр. 20).

1. Общие характеристика (молодежь, улица, группировка)

Обрисуем объект нашего исследования. Для этого рассмотрим все три понятия, входящие в заглавное для данного сборника выражение «уличные пацанские группировки», а именно: «молодежные», «уличные», и «группировка».

Молодежь. Костяк молодежных уличных группировок – молодые люди в возрасте 14–19 лет. Нижняя возрастная граница для этой группы трудноуловима; необходимо учитывать, что в советские годы дети проводили много времени во дворе⁶; при такой ситуации вхождение детей и подростков в группировку было постепенным. Верхняя возрастная граница часто предполагает уход в армию; отслужившие, как правило, в пацанские группы уже не входят.

Строго говоря, рассматриваемая группа (14–19 лет) включает в свои ряды представителей двух возрастных периодов – подростков (10–14 лет) и молодежь (15–22 года)⁷. Корректно употреблять выражение *подростково-молодежная группировка*, для краткости мы иногда называем группировки *молодежными*.

Представители рассматриваемого нами социально-возрастного слоя часто называют себя *пацанами* (прилаг.: *пацанский, пацановский*)⁸. Это самоназвание мы широко используем далее для обозначения исследуемого объекта. Как самоназвание слово «пацан» появилось в середине 1980-х годов, ранее пацанами называли мальчишек (детей)⁹. Чтобы выделить пацанов, следующих нормативным правилам уличных

сообществ, из всех прочих молодых людей, часто добавляют прилагательные *настоящий, чёткий, серьёзный, реальный, правильный, конкретный, ровный, здоровый* и др. В разных городах это самоназвание варьируется, например, наш информант из Тюмени отметил: «У нас говорят *настоящие пацаны*, или *реальные пацаны*. *Серьёзные* не говорят»¹⁰. В последние годы широкое распространение получило выражение *нормальные пацаны*. «Нормальной» называет себя молодежь, не относящаяся ни к неформалам, ни к криминалу¹¹. *Нормальными* называют себя и рассматриваемые нами уличные пацаны¹². Устарели слова *центровой*¹³ и *основной*, как называли авторитетных пацанов (в некоторых городах «центровыми», напротив, звали тех, кто живет в центре), появилось слово *районник*.

Стоит отметить, что слово *гопники*, которое на слуху в обществе, как нам кажется, мало подходит для описания интересующего нас социально-возрастного слоя (как и предшествовавшее ему слово *шпана*). Сами пацаны гопниками себя не называют, это слово знают разве что наиболее «продвинутые» из них (те, кто читает прессу и ориентируется в Интернете). В пацанской среде сейчас иногда употребляют слово «гопник», но как имеющее негативную окраску, по отношению к наиболее агрессивным и криминализированным группировкам.

В социальном отношении основную массу пацанов составляют молодые люди из семей с низким уровнем образования. Например, социальный срез дают данные задержания милицией участников уличных беспорядков (противостояния московской молодежи и «люберов») 22 февраля 1987 г.: «Учащихся ПТУ – 129, школ – 47, вузов – 6, средних специальных учебных заведений – 31, неработающих – 5»¹⁴.

Улица. Как нам кажется, ключевым для рассмотрения интересующего нас социально-возрастного слоя является понятие *улицы* как основного пространства повседневной жизненной активности. Именно улица и семантически при-

равненные к ней территории (см. параграф 11) для молодых людей данной категории являются значимым местом повседневной жизни.

Пример структуры досуговой занятости молодежи содержится в результатах исследования НИЦ «Регион», проведенного в 2003–2004 годах в ряде средних и малых городов России. Было выделено пять типов подростково-молодежных компаний (примерно половина опрошенных отнесла себя более чем к одной из групп): «клубисты», проводящие время в клубах, на дискотеках, в кафе и неформальных тусовках (к таковым отнесли себя 32% опрошенных); «тусовщики по интересам», отдающие предпочтение спортивным, компьютерным клубам и проч. (27%); «домашние дети» (31%); «кружковцы», обучающиеся в художественных и музыкальных школах, посещающие кружки и библиотеки (17%) и «дворовые», которые собираются недалеко от дома – в подъездах, дворах, на улице (38%)¹⁵. Интересующий нас социальный слой соответствует последней из перечисленных категорий – «дворовой» молодежи. Предположительно, среди юношей этот процент значительно выше (девушки же большую часть времени проводят вне пространства улицы).

Чаще всего рассматриваемые нами сообщества являются локоцентрическими, т.е. организуются по территориальному принципу (в отличие от идеоцентрических сообществ, формирующихся вокруг тех или иных символов – музыкальных стилей, форм деятельности и т.д.). Так, например, В.Ф. Пирожков, перечисляя группировки г. Пскова [1980-е гг.], упоминает 36 названий, причем только одна из группировок построена по идеоцентрическому принципу (рокеры – мотоциклисты) и одна отмечена как «общегородская» («Штаты» – тусовка у авто- и железнодорожного вокзалов)¹⁶.

Можно встретить локоцентрические группировки, сформированные по принципу общего места обучения (школа, ПТУ, техникум), тренировок в спортивной секции. В качестве группировок могут называть «неформальные» группы или груп-

пы, основанные на общем увлечении; обычно это объединения, следующие стандартам брутальной маскулинности (например, металлисты или упомянутые выше рокеры).

Самоназвания группировок чаще всего соответствуют названиям районов или обозначениям характерных объектов городского ландшафта. Например, в Лодейном поле Ленинградской обл. группировка *володары* называется так по ул. Володарского, на которой она базируется¹⁷.

Группировка. Мы использовали в заглавии слово *группировка* как наиболее часто встречающееся в литературе по данной тематике. В действительности же этот термин имеет серьезный недостаток: под группировками обычно понимают в достаточной степени криминализованные, структурированные и агрессивные группы. При фиксации на «группировках» выпадают из зоны внимания некриминальные, аморфные и миролюбивые сообщества, для которых было бы правильнее использовать слова *компания*, *группа* и т.п. Вынести такие компании за рамки обсуждения, по нашему мнению, никак нельзя, а граница между «мирными» дворовыми компаниями и «агрессивными» группировками очень размыта.

Составить единое, стандартное для всех уличных групп описание невозможно. Однако по отдельным параметрам можно выявить разброс характеристик. Например, в качестве таких параметров можно указать:

- степень организованности (аморфность vs организованность);
- степень сексизма, нормативную для участников группы (равноправие полов vs сексизм);
- степень агрессивности, нормативной для участников группы (неагрессивность vs агрессивность);
- степень криминализации группы (законопослушность vs преступность);
- степень униформированности группы (вольный стиль vs униформирование);
- степень увлеченности спортом; и т.д.

При обсуждении «пацанской» тематики в различных аудиториях мы неоднократно слышали вопрос: «А являются ли пацаны субкультурой?» Вопрос непростой, особенно при множественности определений понятия «субкультура». Нам кажется, что при рассмотрении пацанских группировок необходимо говорить не столько о субкультуре, сколько о *социально-возрастной группе*.

2. История развития

Несомненно, изучение пацанской среды нужно проводить в культурно-историческом контексте. На разных исторических этапах данный социально-возрастной слой имел различные особенности, хотя и можно с уверенностью говорить о существовании определенных констант, мало подверженных влиянию времени.

Вызывает затруднение вопрос: насколько давно существует рассматриваемый нами социальный слой. Существует мнение, что появление агрессивных молодежных субкультур в России относится к 90-м годам XIX века. В это время в крупнейших городах России появились группы подростков и молодых людей, которые занимались антиобщественной деятельностью – битьем фонарей и окон, выкрикиванием непристойностей, агрессией по отношению к прохожим и т.д. Этот тип преступности получил название хулиганства, а сами молодые люди стали называться хулиганами или шпаной¹⁸.

Однако, как нам кажется, правильным будет хронологическое ограничение начала исследуемого явления 1950-ми годами. Выбор именно этой хронологической границы обусловлен тем, что к 1950-м годам в общих чертах была преодолена послевоенная разруха, и с этого момента начался относительно стабильный период существования советского общества.

Рассматривая развитие уличных пацанских группировок второй половины XX – начала XXI веков, мы бы выделили три этапа.

Этап 1. 1950–1980-е годы.

Рассматривая материалы этого периода, мы пришли к выводу, что в городах сложился и существовал большой социально-возрастной слой «дворовых» подростков и молодежи. Этот слой был склонен к формированию сообществ (группировок), что происходило преимущественно по территориальному принципу. Несмотря на разобщенность группировок, при их сравнении выявляется много типичных черт.

Сходство обнаруживается в том, что касается закономерностей формирования группировок, их социального состава, повседневного пространства, распределения ролей в группировке, выбора мест для тусовок и драк, мотивации проведения драк, закономерностей раскручивания конфликтов, регламентации использования оружия, стилевых особенностей поведения, формирования кодекса чести, перечня ограничений на насилие, ритуалов начала драки, распределения ролей в драке, закономерностей примирения и т.д.

Обращает на себя внимание тот факт, что достаточно однородный и однотипный социальный слой возник на обширнейшем пространстве Советского Союза¹⁹, в городах, территориально отдаленных друг от друга. В те времена не существовало информационного поля, которое могло бы поддерживать формирование и воспроизводство пацанских группировок; иначе говоря, у участников таковых группировок практически не было возможности узнать что-либо о таких же группировщиках из других городов. Поэтому возникновение *однотипного* социального слоя следует искать в неких социально-экономических и идеологических реалиях Советского Союза. В числе таких причин можно назвать:

– влияние сельских традиций досугового времяпровождения молодежи (речь идет прежде всего об агрессивном поведении компаний молодых мужчин)²⁰;

– влияние фронтовых традиций (молодежь конца 1940-х – 1950-х годов, когда происходило формирование интересую-

щего нас слоя, – это дети и младшие братья солдат Великой Отечественной войны);

– влияние уголовных традиций (для криминализованной части рассматриваемого нами социального слоя);

– влияние моральных традиций советского спорта (для молодежи, ориентированной на физическую культуру как ценность); и т.д.

К концу рассматриваемого периода наметилась тенденция к увеличению численности идеоцентрических сообществ молодежи и в то же время к уменьшению численности сообществ территориальных. Необходимо отметить, что данный процесс представляет собой общую тенденцию для современного общества²¹.

Этап 2. 1990-е годы.

В контексте пацанских группировок необходимо рассматривать бандитские формирования, наводнившие Россию и страны СНГ в 1990-х годах. «Бригады» данного типа привлекли в свои ряды большое количество уличной молодежи. Некоторые приходили в банды сразу из дворовых группировок и молодежных спортивных секций. Некоторые становились бандитами, уже отслужив в армии и даже отвоевав в Афганистане, но при этом они были, опять же, выходцами из пацанских компаний. Не удивительно, что, организовываясь в «бригады», бывшие пацаны строили их по принципу уже знакомых им уличных группировок; сходство можно проследить в принципах организации, в способах разрешения конфликтов, в сленге и т.д. 1990-е стали десятилетием, когда пацанские компании стали ступенькой для криминальной социализации – включения в бандитские сообщества.

Впрочем, при этом нельзя сказать и о слиянии уличных пацанских группировок и криминальных «бригад». Хотя переход из первых во вторые и упростился, но исследование тех времен даст нам множество примеров «обычных» уличных компаний, не связанных (или очень слабо связанных) с

преступным миром. То есть стоит говорить не о слиянии пацанской среды с криминалом в этот период, а о возникновении «социального лифта», позволяющего уличной молодежи из группировок довольно легко переходить в бандформирования (т.е. вероятность криминальной социализации, которая и так была для пацанов большой, еще больше повысилась)²².

Хотя криминальные «братки» и стали одним из символов 1990-х, но научных исследований о них крайне мало, можно назвать разве что работы В.В. Волкова²³, но и в них основное внимание уделяется социально-экономическим механизмам, а не интересующему нас социально-антропологическому анализу.

Этап 3. Конец 1990-х – 2000-е годы.

Продолжается размывание территориальных уличных сообществ. Особенно заметен этот процесс в крупных городах. Тем не менее, исследования фиксируют даже в Москве сообщества, которые типологически очень близки традиционным пацанским группировкам советских времен²⁴.

В то же время всё больший вес приобретают идеоцентрические объединения, которые строятся во многом по принципам традиционных пацанских группировок – скинхеды, рэперы, футбольные фанаты и др. Эти объединения оттягивают на себя часть «пацанского» контингента.

В последние годы наблюдается волна мифологизации пацанов: обсуждение темы «гопника» происходит на специализированных интернет-ресурсах²⁵. Молодые пользователи Интернета (как правило, студенты, имеющие к уличным пацанам довольно отдаленное отношение) упражняются в остроумии, создавая виртуальные образы недалеких и агрессивных гопников. Исследователю материалы такого типа надо воспринимать крайне осторожно.

Анализируя уличные пацанские группировки разных времен и разных регионов, можно отметить, что при всей исторической динамике их бытование предполагает определен-

ный набор констант. Поэтому мы в рамках данной статьи, призванной поставить научную проблему, позволили себе рассматривать группировки обобщенно, абстрагируясь от частностей. Однако при масштабном исследовании необходимо учитывать региональную и временную специфику различных аспектов данной темы.

3. Аморфность vs организованность

Как мы уже сказали выше, вынося в заголовок исследования слово «группировка», мы производим определенное упрощение исследуемого объекта. Под группировкой понимается достаточно организованное сообщество, предполагающее определенную дисциплину, способность к коллективному реагированию, умение координировать деятельность участников. К большинству молодежи, проводящей свое время во дворе, это не относится. Однако было бы неверно выводить такую молодежь за рамки исследования, ведь она, по сути, и является той средой, которая организуется в группировки. Дворовые дети, подростки и молодежь создают дворковую среду обитания, они образуют дружеские компании; различные события могут мобилизовать их на создание более сплоченных сообществ или вхождение в уже существующие группировки; причем при исчезновении мобилизующих условий данная среда снова может возвращаться к аморфному состоянию.

Таким образом, для описания уличных молодежных группировок необходимо ввести оценочную шкалу по параметру степени их организованности.

Сообщество, в котором показатель степени организованности приобретает *максимальное* значение, представляет собой «образцовую» группировку с жесткой дисциплиной, организационной структурой. Как правило, это объединение, занимающееся криминальной деятельностью.

«Начиная с первого возраста, нас наказывали старшие за то, что мы плохо поддерживали дисциплину и нарушали

правила, например, плохо приходили на сходняки, неорганизованно вели себя на стрелах, подставляли улицу во время войн. За это нас били наши супера, все вместе, иногда мы сами наказывали наших пацанов, которые сильно провинились и из-за которых доставалось и нам»²⁶.

В организованных группировках довольно часто можно наблюдать наличие иерархии – по авторитету (лидерство на основе личных качеств) и по возрасту. Например, тот же информант из Казани так говорит о возрастном составе своей группировки:

«Входили пацаны где-то от 16 до 25 лет, были и мужики намного старше, лет по 40–45, которые как раз и были теми, кто нашу улицу организовал».

При этом группы с организационной и возрастной иерархией часто уделяют внимание пополнению рядов за счет молодежи; выбирают из «молодняка» потенциальных «бойцов», вводят их в жизнь группировки, проводят разъяснительную работу, напр.:

«Молодняк у нас называют “шелуха”. Есть специальный пацан, который с ними занимается, объясняет, как нужно себя вести, как ходить, как одеваться»²⁷.

В группировках с высокой степенью организованности возможно исполнение участниками определенных обязательных повинностей, например, участия в дежурствах:

«Обязательными для всех членов являются дежурства на точках, которые имеют важное стратегическое значение. Они не только предупреждают появление вражеской группировки, но и осуществляют контроль за всем, что происходит на охраняемой территории. Дежурные не пропустят ни одного незнакомого или “немотающегося” подростка в местах массового скопления людей (киноте-

атры, кафе, универмаги и т.д.), не взяв с него денежной пошлыны или не применив каких-нибудь мер воздействия»²⁸.

О *минимальной* организованности можно говорить в тех случаях, когда уличная среда аморфна, не предполагает какой-либо дисциплины и обязательности для участников; это именно круг общения и место для времяпровождения, а не группировка.

Примером такого сообщества могут быть молодые люди и девушки из документального очерка Ю.В. Шинкаренко «Столик»²⁹. Идентифицирующим признаком данной компании из Екатеринбурга является стол, врытый в одном из дворов, здесь собираются жители окрестных домов. Данная компания неагрессивна, многие из ее участников имеют достаточно высокий уровень образования, сюда ходят и юноши, и девушки.

Граница между «мирными» дворовыми компаниями и «агрессивными» группировками часто неуловима. При встрече с тем или иным информантом могут возникнуть затруднения – относить его уличной пацанской среде или нет. Так, детство и юность одного из наших собеседников, Владимира Т. (1967 г.р.), прошли в одном из подмосковных городов. Его родители имели высшее образование: отец был военным инженером, мать – чиновником. Однако Владимир не испытывал тяги к высшему образованию (о чем спустя годы жалеет) и после школы закончил ближайший к дому техникум. Увлекался спортом, много времени тратил на тренировки в легкоатлетической секции. С детства основную часть свободного времени проводил во дворе своего дома-пятиэтажки, где было много знакомых, как мальчиков, так и девочек; со многими из них вместе учился в школе. Серьезных уличных конфликтов не припоминает, однако, будучи подростком, неоднократно участвовал в коллективных драках в классе (драки происходили на основе личной неприязни двух

групп одноклассников). Рассказывает о наличии во дворе и ближайших дворах большого круга общения (упоминает игры в футбол, теннис, совместные поездки в Москву), однако более или менее дисциплинированных, организованных групп здесь не было. Как мы видим, данного информанта можно отнести к уличной среде по той причине, что он проводил много времени на улице (в том числе во дворе), однако участником группировки его нельзя назвать, поскольку группировки в его дворе просто-напросто нет, и от многих пацанских реалий он далек. Такие люди находятся на границе рассматриваемого нами социального слоя, но нужно учесть, что этот «пограничный» слой очень велик и является важной, органичной частью того, что мы условно называем «пацанской средой».

4. Необязательность vs обязательность участия

В уличных компаниях встречаются разные точки зрения на вопрос, обязан ли подросток или юноша, проживающий на территории группировки, принимать участие в ее деятельности.

Значение по этому параметру *минимально* в том случае, если участие в компании построено по принципу «не хочешь – не делай». Молодой человек участвует в тех или иных совместных действиях, только если ему это интересно; например, он может не поехать на драку и его никто не будет за это порицать (разве что за исключением случаев, когда эта драка имеет особое значение). Мы неоднократно сталкивались с ситуацией, когда молодые люди, выросшие в непосредственной близости от мест локализации группировок, оказывались не в курсе относительно существования этих самых группировок. Такая форма времяпровождения была им неинтересна, и они сами были неинтересны группировщикам, оставаясь для них как бы в параллельном мире.

Максимальное значение относится к случаям, когда все без исключения молодые люди, проживающие на территории, относящейся к группировке, обязаны входить в нее или, по крайней мере, участвовать в ее деятельности. Заменой членства в группировке может быть регулярная уплата денежного взноса. О крайне жестких требованиях участия в жизни группировки мы слышали от людей, проживавших и проживающих в Казани – в некоторых районах молодые люди, не относящиеся к уличной среде, старались не выходить на улицу вообще или выходить в сопровождении родителей. Желая оградить своих сыновей от опасности, родители иногда выплачивали за них «отступные».

Различалась также степень жесткости в отношении вступления в группировку и выхода из нее. В наиболее «мягком» (и наиболее распространенном) случае серьезных обрядов перехода для вступления в группу не производилось, а выход из нее не представлял проблемы. Группировки с жестким подходом к членству организовывали серьезные испытания для вступающих (драки, участие в криминальных действиях) и не приветствовали попытки «отойти от дел».

5. Неагрессивность vs агрессивность

Минимальное значение параметра свойственно группам с низким уровнем нормированной агрессивности. Так, в упоминавшемся выше очерке Ю.В. Шинкаренко один из участников уличной компании, описывая произошедший во дворе конфликт с соседними пацанами, признается:

«А вообще, если честно, дружба в компании зависит от ситуации. Если праздник, то друзей хоть отбавляй. А как случись что-нибудь серьезное – тут два-три человека, на которых можно положиться. А остальные – то “ой, чайник закипел!”, то “надо в магазин сходить!”... Вот когда Диму избил, сразу тяжело что-то было найти народ. Я

одному, второму позвонил. А больше никого не мог найти. У кого сотовый выключен, кого вообще не найдешь. Так троим и разбирались»³⁰.

Видимо, драться в данном дворе не слишком любят, в конфликтах участвуют немногие, да и конфликты – оборонительные. Из многих интервью можно сделать вывод, что на счету информантов не так уж много драк, а если они и случались, то «из-за дела», то есть имели «уважительную причину».

Максимальное значение может быть присвоено группировкам, практикующим постоянные драки, проявляющим агрессивность по отношению к окружающим.

С.А. Стивенсон отмечает у рассматриваемой ей группы целую культуру драки (если можно так выразиться):

«Ритуалы, связанные с насилием, очень часто описываются их участниками в терминах иррационального драйва, бессознательной тяги к кровавым “приключениям”. Поведение может быть направлено на получение желаемой физиологической реакции (“нам захотелось адреналина, и мы поехали драться”). Конечно, насилие для участников (но не жертв) драки может быть вполне связано и с приятным возбуждением, и с мощным приливом энергии»³¹.

Драчливость может различаться с точки зрения ее эмоциональной окрашенности. С одной стороны, она может быть основана на эмоциональной агрессивности; в таком случае агрессоры – злобные драчуны, «звери, вышедшие из леса»³². С начала 1990-х годов таких называют «отморозками», а творимые ими действия – «беспределом». С другой стороны, часто можно увидеть случаи отношения к драке как к своеобразному спорту.

«О драках между районами договаривались. Например, договаривались, что в выходные играем в футбол, после

этого деремся. [...] Собирались на стадионе и играли в футбол. Потом [...] раздевались по пояс. Без всяких камней, цепей, всего остального – просто кулак на кулак, шли вот так вот»³³.

В таких случаях агрессивность, как правило, приобретает сравнительно беззлобные формы, она ограничена уличным «моральным кодексом», в ней становится заметнее игровой фактор.

С уровнем агрессивности связана степень ограничения насилия во время драк. При низком показателе агрессивности в драке – драка ведется до первой крови, существует запрет на удары по болезненным частям тела, на избивание лежащего. При высокой агрессивности происходит «бой без правил»:

«У нас нету до крови драки. У нас последняя драка есть, которая на голове прыгается. Прыгается на голове, вот я тебя срубил, и я добиваю тебя, на голове прыгая. Прыгая на голове двумя ногами, я топчу твою голову»³⁴.

6. Терпимость vs агрессивность по отношению к «непацанам»

Мы уже рассматривали классификационное противопоставление «неагрессивность vs агрессивность»; однако, как нам кажется, имеет смысл ввести еще один параметр. Говоря об агрессивности, мы главным образом рассуждали о конфликтах с другими такими же молодежными группировками. Но, в отличие от этого, агрессивность может проявляться к посторонним (молодым мужчинам), которые вообще не относятся к уличной среде, не являются «уличными пацанами».

Соответственно, *минимальные* значения этого показателя присущи толерантным группам, склонным к терпимости. *Максимальные* же показатели – у групп, которые относятся

к различным категориям «чужих» с крайней агрессивностью; третирование этих «чужих» может стать важной (или даже ключевой) частью деятельности группы.

Прежде всего, нужно отметить основные категории «непацанов», которые воспринимаются пацанами как чужие и по отношению к которым проявляется агрессия.

Ботаники. Данным термином (появился в середине 1980-х годов) обозначаются молодые люди и девушки, уделяющие чрезмерно много внимания учебе, не интересующиеся уличной жизнью и вообще неадекватные многим требованиям реальной жизни. Отличник может и не быть ботаником; ботаника отличает не только система его ценностей, но и неумение себя вести (в уличном понимании), за себя постоять, быстро реагировать на ситуацию, связно говорить; ботаник, как правило, не развит физически, нескладен. Часто считается, что ботаник не умеет одеваться; молодым людям данной категории приписывается нелепость во внешнем виде и т.д.

Неформалы. Молодые люди, относящиеся к идеоцентрическим неформальным объединениям молодежи, часто воспринимались (и воспринимаются) пацанами неприязненно. Причинами этого является, прежде всего, нетипичность неформалов – они необычно одеты, странно себя ведут, слушают непонятную музыку, исповедуют чуждую идеологию.

Впрочем, даже в советские времена (особенно сильно во второй половине 1980-х годов) можно было встретить множество примеров того, что неформалы входили в пацанские группировки или образовывали собственные группировки, мало отличающиеся от пацанских. Речь идет прежде всего о представителях субкультур, предполагающих конструирование брутальной маскулинности – байкерах, металлистах, алисоманах, киноманах. В постсоветские времена в качестве примера неформальной субкультуры, претендующей на статус «уличной пацанской» и вписавшейся в уличную жизнь, можно назвать рэперов.

Лохы. Под лохами понимаются люди, не включенные в уличную среду, не умеющие вести себя при общении с пацанами, физически слабые, пугливые, заторможенные, несообразительные, не умеющие постоять за себя. С практической точки зрения, это те, «кто представляет из себя потенциальную или реальную жертву уличных ограблений и других насильственных действий»³⁵.

Проявлением крайне агрессивного отношения пацанов к «чужим» является одобренная групповыми нормами практика «разводки лохов» – большое внимание уделяется пресингу лохов с целью получения от них денег или ценных вещей. Эту практику можно назвать своеобразным искусством – разводка часто осуществляется артистично, с применением довольно изоциренного психологического давления. Практика разводки лохов более подробно описана в статье А.В. Шашкина в данном сборнике. Добавим только, что сходные приемы могут использоваться при виктимизации девушек.

Возможны случаи (получили распространение в 1990–2000-х годах), когда тот или иной лох становится постоянным сдатчиком денег («кормушкой») для группировки или ее конкретного члена. В случае, если участие в группировке обязательно для всех, проживающих на территории, в разряд таких «терпил» попадает практически вся молодежь мужского пола, не задействованная в уличной жизни.

Этнические инородцы. Большинство опрошенных нами пацанов советского времени настаивали на том, что межнациональная нетерпимость в те времена была нетипична для уличной среды. Тем не менее, конфликты на межнациональной почве встречались и тогда. При рассмотрении конкретных пацанских конфликтов на национальной почве часто становится понятно, что национальная составляющая здесь не главная – речь идет прежде всего о конфликте между группировками, а то, что они построены по национальному принципу – это уже частный случай. Примером может слу-

жить вражда молодежи подмосковных Люберец, проживающей возле одного из местных заводов, с кавказской молодежью, работавшей на этом заводе по спецнабору и жившей в общежитии.

В 1990–2000-е годы межнациональная напряженность значительно повысилась; агрессивное отношение к этническим инородцам как особой категории «чужих» стало типичным для многих группировок, в частности приверженных ультрараправой идеологии (например, для скинхедов-наци).

7. Законопослушность vs криминальность

Пацанские группировки различаются по степени включенности в криминальную деятельность и в жизнь криминального сообщества.

Минимальное значение параметра у компаний, никак с криминалом не связанных. *Максимальное* – у группировок, уделяющих криминальным практикам большое внимание, фактически являющихся преступными; как правило, такие группировки имеют тесную связь со «взрослой» преступностью.

Включенность группировки в криминальный мир и криминальную деятельность зачастую определяется наличием у нее лидеров, сидевших в тюрьме. Так, наш информант из Рязани говорил, что в 1960-х годах лидеры большинства здешних группировок имели судимости. В одном из подмосковных городов нам указывали две группы, организованные местными ворами в законе; внешне похожие на обычные пацанские компании, эти группы фактически были профессиональными преступными сообществами; здесь происходило обучение воровскому ремеслу. В одном из криминальных районов Новочеркасска

«были такие добрые дедушки, которые обучали детей воровать. Совсем как в книгах Диккенса – вешали одежду с

колокольчиками, и надо было достать из кармана монетку в 10 копеек, чтобы ни один колокольчик не зазвонил»³⁶.

Включенность в криминальный мир может предполагать регулярную сдачу денег для тех, кто попал в заключение (что называется, «греть зону»).

Встречалось мнение, что подростки и молодежь, связанные с криминалом, держатся несколько особняком от пацанской среды.

8. Равноправие полов vs сексизм

Критерием при данном способе классификации является отношение к женщинам, вернее, к девушкам – ровесницам пацанов.

Минимальные показатели по шкале «сексизм» относятся к тем группам, в которых нормативным является уважение к девушке, признание за ней равных прав с юношами. *Максимальный* показатель сексизма – у групп, декларирующих половую дискриминацию, приниженное положение девушек, ущемление их в правах, мнение о них, как о людях «второго сорта».

Можно выявить определенный «гендерный договор», негласно существующий в отношениях между пацанами и девушками. Хорошим отношением со стороны пацанов скорее всего будет к той девушке, которая соответствует требованиям данного договора. На основании имеющегося у нас на настоящий момент материала мы бы выделили следующие параметры, по которым может оцениваться девушка.

1. Родственные отношения с кем-либо из пацанов. Речь идет, как правило, о сестрах (родных или имеющих более отдаленную степень родства). В отношениях с пацанским коллективом они, как правило, находятся в привилегированном положении, на них как бы распространяется покровительство брата-пацана.

2. Отношения любви и дружбы с пацаном. Как и сестра пацана, его девушка имеет высокий статус. Показательная гендерная формула: «Девчонка – не человек, но девчонка кого-либо из членов группировки неприкосновенна»³⁷. Стоит уточнить, что речь идет не о любых подругах пацанов, а именно о девушках, имеющих статус «порядочных» и связанных с пацанами отношениями особой личной симпатии (такие отношения могут закончиться браком). Случайная подруга, с которой пацан пообщался «просто так», «по приколу» такого статуса может и не иметь (даже наоборот, может подвергаться повышенной сексуальной агрессии).

3. Умение соблюдать сексуальную дистанцию. Высокий статус имеют «приличные девушки», которые «не дают», или, по крайней мере, «не дают кому попало». Иначе говоря, девушка, соблюдающая «гендерный договор», сдержана в сексуальных связях; если у нее есть парень, то один, отношения с ним – серьезные. Приличная девушка способна постоять за себя, продемонстрировать свою недоступность.

«Мальчишки меня обычно не трогали, особенно после одного эпизода во время физкультуры. В восьмом классе меня подкараулили толпой в раздевалке, участвовали все, кроме одного одноклассника, притом многие не состояли в группировке. Видимо они хотели похватать и попугать, на их языке это называлось “зажать”. Я очень жестоко отбивалась, отталкивала их и старалась пнуть по ногам, самому активному из них порвала одежду и вырвала клочок волос. С тех пор меня никогда не трогали, хотя моих одноклассниц любили потискать, потому что, скорее всего, им это нравилось, и они особо не сопротивлялись. Даже когда мы с классом поехали в дом отдыха, и я жила в комнате с этими девушками, парни все вечера просиживали у нас в комнате, шутили, дурели, пытались “пощупать” девушек, сидели на их кроватях, на мою кровать не садился никто. При этом я не была изгоем, со

мною уважительно общались, пытались заигрывать, но руки не распускали больше никогда»³⁸.

Момент вступления девушки в сексуальную связь может перевести ее в разряд «давалок», а может и не повлиять на отношение к ней как к «приличной» – этот вопрос решается индивидуально, согласно конкретной ситуации, поведению девушки, восприятию ее окружающими. Например, в следующем случае вступление девушки в сексуальную связь привело к понижению ее статуса, довольно скоро она виктимизировалась местными пацанами, стала «доступной»:

«Там была изначально глупая подростковая история. Это о том, как ее угораздило стать общественной собственностью. В деревне она жила, в Тютюкино, например. Ну и ее позвал на день рождения друг. Ей четырнадцать было тогда. Она пришла, а гостей-то и нет. Говорит: а я без подарка. А он ей: ну, ты и будешь моим подарком. А потом ритуальное разрешение: “Ну, он корешам расказал, что типа уже можно”»³⁹.

4. «Приличный» внешний вид. Девушка не должна одеваться вызывающе (устойчивая оценка девушки, одевшейся неподобающим образом – «как проститутка»).

С. Просина обратила внимание, что на просьбу описать «приличную девушку» мужчины и женщины реагируют по-разному. Женщины обращают внимание прежде всего на внешний вид (одежду, прическу, макияж), мужчины – на сексуальное поведение⁴⁰. Тем не менее, можно встретить и оценку девушек пацанами с точки зрения их одежды. В качестве примера приведем следующий эпизод. Одна из наших информанток рассказывала, как однажды ждала своего парня на трамвайной остановке, нарядившись в короткую юбку и черные колготки. К ней пристали два хулигана, и только своевременное появление «своего» парня с друзьями

помогло «разрулить» конфликт. Показателен состоявшийся следом разговор:

«Всю дорогу до дискотеки Колька меня пилил за юбку, макияж и черные колготки:

– Откуда ж он знал, что ты не б....? А вдруг б....! (...) Чтоб завтра я на тебе ЭТО не видел!»⁴¹

Как видно, в данном случае и хулиганы, и «приличные» молодые люди сошлись в том, что одежда девушки не соответствует требованиям приличия.

Встречаются случаи, когда «приличным» считается, если девушка одета в брюки, если же на ней платье или юбка – это воспринимается как вызывающее поведение⁴².

5. Внешняя привлекательность. На вопрос, влияет ли на отношение к конкретной девушке ее внешняя привлекательность, один из наших информантов ответил: «Конечно, это главное». Красивая девушка имеет в пацанской среде более высокий статус.

Таким образом, даже для групп, придерживающихся крайней степени сексизма, правильнее говорить не о презрении к девушкам вообще, а о своеобразной гендерной шкале оценки – есть высокостатусные девушки, и есть девушки, не пользующиеся уважением. Иногда низкостатусные девушки виктимизируются, становятся кем-то вроде сексуальных рабынь.

Видимо, можно выстроить закономерность: высокая степень сексизма более свойственна криминализированным и агрессивным пацанским группам; «обычные пацаны» в отношениях с девушками значительно мягче.

Впрочем, даже при равноправии полов в пацанских компаниях могут встречаться определенные правила гендерной сегрегации. Так, часто встречается мнение о том, что девушке не желательно пересекать границу мужского пространства. Так, в середине-конце 1980-х годов в Подмосковье нам неоднократно встречалось мнение, что девушкам не

стоит заходить в качалки. Одна из наших информанток сказала о младшем брате:

«Если про Сергея сказали, что он в качалке, значит, его искать не надо. И взрослые мужики туда ходили, сколько я себя помню, и, кстати, если нужно было найти мужа или жениха, ждали, когда кто-то оттуда выйдет или будет заходить, просили позвать кого надо. Да, женщины и девушки туда как-то не заходили, стеснялись. Я и сама, если кто-то нужен был из ребят, так же делала»⁴³.

Часто на пацана негласно возлагаются обязанности следить за «моральным обликом» его девушки – чтобы она не пила, не курила, не сквернословила.

«Влад ругается матом, у парней тоже проскальзывает. Соня ругнулась. Влад сказал: “Это, что это ты разругалась?!”»⁴⁴.

За проступок девушки «общественность» может наказать ее парня (как бы предполагая, что это его недосмотр). Например, если девушка на улице задирается к окружающим – за это могут побить ее парня.

Говоря о гендерных установках пацанов, упомянем мнение С.А. Стивенсон, что уличным пацанам свойственно особенно уважительное отношение к матерям:

«Пацан должен любить своих родителей, но особенно мать. “Если я говорю со своими друзьями, и кто-то ругает свою мать. Я ему скажу: “Ты что? Мать – это святое”». «Пацан не должен оставлять мать. Если он может сказать, что ему не нужна мать, это не настоящий пацан. Отец – это другое. Отец может наказывать сына, а мать... Если ты ее не уважаешь, ей трудно что-то сделать. Если пацан кого-то развёл (отнял что-то мошенническим путем) или украл деньги, он должен купить что-то для своей матери»⁴⁵.

Однако лично нам кажется спорной идея об особом отношении пацанов к матерям. Любовь к матери – это не специфически пацанское, а общечеловеческое качество, под приведенным высказыванием могли бы подписаться молодые люди из самых разных социальных слоев. Неубедительным кажется нам и возможное сопоставление с тюремной культурой, где действительно сильна мифология «материнства» – отношение к матери среди уличных пацанов и среди заключенных выстраивается согласно разным механизмам.

* * *

Рассматривая приведенные выше (парагр. 3–8) шкалы оценки пацанских группировок, можно легко заметить, что показатели этих шкал коррелируют между собой. Так, в группах с высокой агрессивностью скорее всего можно встретить высокий показатель сексизма. В целом рассматриваемые группы можно свести к двум крайним состояниям.

1. Аморфные, не предполагающие обязательного участия, неагрессивные, терпимые к посторонним, законопослушные, предполагающие равноправие полов.

2. Организованные, предполагающие обязательность участия, агрессивные (в том числе по отношению к «непацанам»), склонные к криминальной деятельности, настроенные сексистски.

В последующих параграфах мы рассмотрим прочие параметры, согласно которым можно описывать уличные пацанские группировки.

9. Вольный стиль vs униформирование

В отношении внешнего вида уличных пацанов мы бы выделили две крайних позиции – с одной стороны, отсутствие дресс-кода, вольный стиль одежды (этот вариант свойственен, пожалуй, для большинства случаев), с другой, ношение идентифицирующей униформы или ее элементов.

Рассматривая дресс-код уличных пацанов, можно выделить интерес к определенным стилям. Это касается даже группировок, в которых не предполагается униформирования. Можно сказать обобщенно, что подбор одежды предполагает конструирование маскулинного образа, создание имиджа «настоящего мужика».

Так, в пацанской среде наблюдается устойчивый интерес к спортивной одежде и обуви. Также уделяется внимание элементам военного стиля; в советские времена это армейские ремни, гимнастерки и тельняшки (как правило, перешедшие от отслуживших в армии родственников); в 1990–2000-х годах – комфляжная одежда, военная обувь.

Прослеживается тенденция, согласно которой при формировании специфического пацанского дресс-кода подбирается одежда, удобная для драки. Таковой является спортивная одежда. Встречаются случаи введения в костюм тяжелых предметов, которые могли бы использоваться как оружие (например, ремней с тяжелыми металлическими пряжками); ценилась одежда, не сковывающая движений и т.д.

С одной стороны, выбор пацанами одежды предполагает практичность. Для этого подбирается одежда простая, немаркая, дешевая. Отсюда повсеместно встречающийся в советские времена интерес к сапогам (керзовым и резиновым) и телогрейкам, что в те времена обусловило даже появление слов «телажники» и «телаги», обозначающих уличных пацанов.

С другой стороны, многие информанты (причем и советские, и современные) говорят о специфическом щегольстве в данном кругу. Часто отмечается, что пацан должен быть одет аккуратно, стильно и даже дорого (последнее относится, всё-таки, к современности).

Униформирование часто бывает свойственно группам, уделяющим большое внимание межгрупповым конфликтам; общий стиль одежды позволяет идентифицировать своих в

драке. Иногда униформирование производится в момент драки – например, надевают или снимают шапки, определенным образом повязываются шарфы и т.д. Униформа может изготавливаться самими пацанами или заказывается. Так, нам встречались случаи нашивания дополнительных лампасов на спортивные штаны, вязания одинаковых шапочек (заказывались местным бабушкам), изготовления опознавательных значков.

Вызывает интерес фиксация примеров локальной уличной моды, диктующей определенные правила конструирования имиджа. Так, относительно 1970–1980-х годов многие информанты упоминают моду на самодельное нанесение на одежду надписей и изображений (например, логотипов популярных фирм). Стиль одежды может отражаться в самоназвании групп; Так, в Куйбышеве (Самаре) 1970-х – начала 1980-х годов были известны *фураги*, в Челябинске начала 1990-х годов (Ленинский р-н) – *лампасники*.

Возможен особый стиль ношения одежды; например, в середине 1980-х в Москве вязаные шапочки натягивали на самые глаза.

Возможно наличие собственного стиля прически. Обычно это короткая стрижка, впрочем, в конце 1960 – начале 1970-х годов в моде были достаточно длинные волосы.

Могут фиксироваться особые способы походки, движения, формы приветствий. Так, часто встречается походка неторопливая, вразвалку (относительно 1960-х годов встречалось определение «шерифская походка»). Для увлекающихся атлетизмом характерно не только медленное движение, но и прямая осанка, развернутые плечи, как бы «демонстрирование» себя.

Специфическая пластика и кинесика участников группировок иногда находит свое выражение в определенных танцевальных стилях (причем сами танцующие могут и не осознавать, что танцуют «стильно»). Возможно, хотя и редко фиксируется, существование собственного группового танца.

Участниками территориальных объединений может выработаться собственная узнаваемая манера речи (например, говорить в нос, растягивать слова и т.д.).

10. Моральный кодекс

Одним из важнейших моментов для уличных группировок является существование у их участников определенного морального кодекса поведения; для обозначения этого кодекса используются слова *понятия, правила, закон*.

Моральному кодексу уличных пацанских группировок в данном сборнике посвящена специальная статья. Поэтому мы ограничимся здесь только перечислением наиболее часто встречающихся пунктов.

1. Соответствие канонам уличного маскулинного поведения (сила, умение себя вести и т.д.).

2. Обязанность выступать на защиту своих.

3. Запреты на проявление избыточной агрессивности (против младших или старших, девушек, заведомо более слабых).

4. Запреты на контакт с властями.

При общем следовании правилам можно выявить и довольно типичные способы их обхода.

За нарушение правил предполагается наказание разной степени тяжести: устное порицание, отказ в защите, физическое воздействие, бойкот и жесткий бойкот.

11. Пространство

В каких именно типах жилых домов и кварталов чаще появляются пацанские группировки – однозначно сказать трудно. Предположительно вероятность возникновения группировок повышается там, где жители хорошо знают друг друга, например, в ведомственных домах от предприятий (знакомство между собой взрослых влечет за собой более

близкое знакомство детей и подростков). Есть мнение, что повышенный процент участников группировок – в домах с коммуналками и в бараках («шанхаях»).

Как мы уже говорили, основным локусом бытования рассматриваемого нами социального слоя является *улица*. Соответственно, пространство улицы обживается и структурируется пацанами. Мы бы условно выделили в проксемическом пространстве уличных пацанов три «концентрические» зоны.

1. Территория проживания.

Как мы уже говорили, большинство рассматриваемых нами группировок построено по территориальному принципу. Соответственно, у каждой территориальной группировки есть «своя» территория: двор, несколько дворов, квартал, улица, район. В зону влияния может входить и учебное заведение (школа, ПТУ, спортивный зал), где учатся или занимаются спортом проживающие в округе пацаны.

Группы с высокой степенью агрессивности склонны закрывать проход через свою территорию для посторонней молодежи; во многих городах можно встретить кварталы и районы, куда «не ходят». Так, наш информант из Астрахани (нач. 1970-х гг.) вспоминал, что при прохождении через их территорию посторонней группировки они любили отлавливать отставших и бить их, делая словесное внушение: «Не ходите по нашей улице».

В качестве мест коммуникации проживающих на одной территории чаще всего упоминаются следующие уличные объекты:

- 1) столик (в советское время столы для общения делались во многих дворах, их можно увидеть и сейчас);
- 2) скамейка (во дворе, на улице, в парке);
- 3) автобусная остановка (кроме скамейки, здесь есть еще и крыша над головой).

Предположительно, чем менее криминальна группа, тем более открыто место ее коммуникации. Так, участница вполне законопослушной компании отмечала, что тусовалась

«на скамейках, где столик какой-нибудь в стороне. На автобусной остановке – люди идут на работу, с работы, а мы сидим, играем на гитаре»⁴⁶.

В то же время участник криминальной группировки в качестве места сбора указывал место, где «прохожие и так не ходили»:

«Когда я был с улицы, мы проводили сходняки на территории лыжной базы, она располагается на территории, которую контролирует улица. На территорию базы никого не пускали, по ней проход был только для своих, но прохожие там и так не ходили»⁴⁷.

Холодное время года уличная молодежь проводит если не дома, то в специально оборудованных для этого помещениях – своеобразных самодеятельных клубах. Чаще всего это подвалы. Сравнивая пацанские подвалы разных городов, можно увидеть, что они достаточно сходны и отражают типичную для пацанов деятельность. Прежде всего, здесь есть место для занятия спортом (снаряжение для атлетической гимнастики, боксерские груши и т.д.), для подвижных игр (теннисный стол), для общения (стол, окруженный стульями). На стенах часто можно увидеть фотографии любимых спортсменов, музыкальных исполнителей, красивых девушек. Часто завсегда и подвала строго следят за правилами не мусорить и не нарушать порядка ни в самом подвале, ни во дворе. Это объясняется вниманием со стороны милиции, работников ЖЭКа и жильцов – пацаны стараются выглядеть в их глазах добропорядочными. Для молодых людей, особенно много внимания уделяющих атлетической гимнастике, подвал превращается в качалку (от «качаться, накачивать мышцы»).

Редко, но встречаются случаи, когда «своя» территория маркируется специальным граффити (названием контролирующей территорию группировки, ее эмблемой, текстами кричалок)⁴⁸.

2. «Ближняя» зона колонизации.

Пространство города состоит из условных пацанских зон влияния – территорий проживания. Выходя за пределы своей территории, пацан оказывается в чужой зоне влияния, которая для него дружественна, нейтральна или враждебна, в зависимости от множества факторов. В городах, где сильны традиции уличных группировок, можно выявить густую сеть межгрупповых взаимоотношений. Группировка, выходя за пределы своей территории, может иметь установку на своеобразную колонизацию чужого пространства.

Локусом взаимодействия компаний между собой могут являться определенные объекты городского ландшафта. Часто это места проведения досуга. Возможные варианты: танцплощадки, места в центре города (площадки в парке, центральные улицы и др.)

Особо стоит заострить внимание на танцплощадках – иногда они становятся местами постоянных боев, существует понятие «держат танцплощадку», причем звание «держателя» может оспариваться другими группировками. Такие же бои могут происходить за право держать территорию у женских общежитий⁴⁹ и проч.

«На перекрестке Большевииков и Герцена (...) стоит старый-старый дом, там уже сейчас никто не живет практически, ну заброшенный, полуразрушенный. Куда еще раньше Пушкин приезжал. (...) Да, я помню раньше, когда он уже был разрушен, за один за этот дом (...) махались, я не знаю, как за многомиллионный город Нью-Йорк. Я не знаю, зачем нужен был этот дом – или чтоб там переночевать, или же чтобы там справить нужду. Я не знаю, зачем он нужен был, но боролись»⁵⁰.

Локусами конфликтов часто являются безлюдные места (пустыри, лес, промзоны), они могут находиться на границе конфликтующих территорий. Даже когда конфликт завязы-

вается, например, на людной танцплощадке, его участники часто перемещаются для драки в укромное место.

3. «Дальняя» колонизация.

Если «ближняя» зона колонизации определена ограниченным количеством заранее известных территориальных группировок, расположенных достаточно компактно по отношению друг к другу, то «дальняя» колонизация предполагает достаточно отдаленные «походы», которые чреватые мало предсказуемыми (и часто неожиданными) встречами с другими враждебно или дружелюбно настроенными группами.

Такая колонизация свойственна жителям пригородов мегаполисов, выезжающим в центр. Объектом «колонизации» здесь тоже может стать место, связанное с проведением молодежного досуга: парк, танцплощадка, женское общежитие. Жители подмосковных Люберец в 1980-х годах считали «своими» определенные московские кафе и рестораны, причем речь шла не о «крышевании», свойственном 1990-м, а именно о практиках досугового посещения.

В конце 1980 – начале 1990-х мы наблюдали «колонизационные» процессы в курортных поселках Крыма – компании молодых людей, приезжавшие сюда на лето, заявляли о претензиях на территорию и вели себя агрессивно по отношению к молодым отдыхающим мужского пола. В 1990-х годах «колонизационные» тенденции перетекли в криминальное соперничество за сферы влияния.

12. Спорт

В целом у уличных пацанов высок интерес к спорту; сила, спортивность, внешняя мужественность органично входят в их систему ценностей. Однако при более пристальном рассмотрении группировок можно выделить различные степени приобщенности к спорту.

При *максимальном* значении параметра занятия спортом являются одной из наиболее значимых ценностей группи-

ровки. Наиболее ярким примером сообществ такого типа являются любера 1980-х годов; мода на занятия спортом (особенно атлетической гимнастикой) привела формированию определенной идеологии, системы ценностей⁵¹; даже те, кто не занимался спортом лично, разделяли эту систему ценностей хотя бы декларативно.

Минимальное значение у групп, почти не уделяющих внимания спорту. Так, наша информантка из Новочеркаска (1970-е гг.) отметила, что спортом здесь практически не занимались, «даже в футбол не играли»; мотивировала этот факт она тем, что подростки при одноэтажной застройке много времени тратили на работу на огороде. Исходя из этого, мы не исключаем, что интерес к спортивности больше присущ группировкам городов, а не сельской местности. Во многих случаях установка на спортивность в восприятии участников группировок не противоречит приверженности к дурным привычкам: курению, пьянству, а в 1990–2000-х годах и потреблению наркотиков. В последние годы ввиду целого ряда причин (помимо пьянства и наркомании, это увеличение выбора развлечений и т.д.) интерес к спортивности снижается.

Как нам кажется, спортсмены по отношению к пацанской среде стоят несколько особняком. Нам приходилось сталкиваться со случаями, когда серьезные спортсмены, казалось бы, много времени проводящие на улице, проявляли низкую осведомленность в реалиях улицы – у них были свои компании, увлеченные спортом, интереса к пацанской жизни они не проявляли. Пожилой тренер по самбо в разговоре с нами вынес следующую оценку: «Спорт – это серьезная работа, а хулиган работать не любит по условию». От себя добавим: при серьезных занятиях спортом не остается времени на «уличную» жизнь, спортсмен оказывается выключен из пацанской (в том числе криминальной и околокриминальной) деятельности.

В то же время группы спортсменов могут выступать в уличных конфликтах как отдельные группировки.

13. Межгрупповые и индивидуальные конфликты

Важной частью описания уличных групп является описание их конфликтов с другими группами. Выше мы уже говорили, что агрессивность совсем не обязательно свойственна уличной компании. Однако типичной является ситуация, когда уличная группировка оказывается включена в сложную систему симпатий и антипатий с другими группировками города и окружающих населенных пунктов.

По количеству участников конфликты могут быть двух видов.

1. Индивидуальный. Один человек (или двое-трое) может вступить в конфликт с одним противником или группой.

Подобные конфликты часто встречаются при перемещении по чужой территории. Так, «в 1980-е гг. подростка, сошедшего с автобуса в Шихане, встречала компания и устраивала придиричивый допрос; лишь ответивший на всё честно проходил проверку и получал право передвижения по району»⁵². При таких конфликтах часто происходит выяснение включенности в коммуникативную пацанскую сеть; поводом для урегулирования конфликта может оказаться знакомство подвергнувшегося нападению с кем-либо достаточно авторитетным в пацанской среде, его включенность в дружественную или нейтральную группировку.

«Однажды, такое было, мы поехали в Парк Горького. Я там увидел девчонок симпатичных – и к ним подвалил, познакомиться. Но что-то не получилось – и я пошел догонять своих. Но они уже ушли. И тут ко мне подвалили ребята – типа: “Эй, ты откуда?” – “Я с Люберец” – “Да-а!?””, и началось: “А ты там кого знаешь? А вот такого-то знаешь?” Я говорю: “Вот такого-то знаю”. – “А-а, Змей – я его тоже знаю”. – “Вот он там, там”. – “А-а, ну свои”. – В общем, в таком плане. А если бы я оказался каким-нибудь посторонним – они бы меня просто заметили без проблем»⁵³.

2. Групповой. Вступают в конфликт две группы.

«Около 1968 года была драка в ДК железнодорожников. Чем-то задели центровых [живущих в центре города – Д.Г.]. Они приехали на нескольких троллейбусах и встали на выходе из кино. Били всю молодежь, которая выходила после танцев, но взрослых не трогали.

Больше всего драки случались в ПКО, танцплощадка превращалась в арену. Речники бились с городскими на Володарском мосту. Милиция и пожарные разнимали»⁵⁴.

«Когда две группировки приходили на танцы, они танцевали лицом друг к другу, а между ними ходил милиционер, чтобы предотвратить драку, милиция старалась группировки отереть друг от друга. Но дрались уже после танцев – раздавался какой-то крик, и начиналось»⁵⁵.

По длительности можно выделить межгрупповые конфликты двух видов.

1. Ситуативный конфликт. Предполагает одноразовое, случайное столкновение. Такие конфликты часто спонтанны.

«Ну, мы стоим, короче, ну, со мной, короче, пацан с моего дома. Фигак, значит, это, подходит. Вот. “Ты мне, мелкий, мол, не понравился”. Тот взял его ударил, этот мужик, вот. Мы взяли, короче, этого мужика, его, за шкуру, слышь, раскрутили сперва. (...). По лицу пару раз треснули. (...) У нас, понимаешь, если кого-то меньше меня, например, трогают (...) я просто за него, как можно сказать, в защиту иду»⁵⁶.

«Вот с Фанерного идет парень с танцев, допустим. Знакомится с девушкой. Идет с танцев провожать девушку. Она живет на Казанке. Было строго. Они своих девчонок, в общем-то, ревновали. Как это так – к нам с Фанерного сюда пришел. Побили его или что-то там. Ну, обидели каким-то образом. Он идет в свой район. “Меня вот поколотили”. Либо [после этого – Д.Г.] на танцах встречаются,

дерутся, разбираются. Дерутся. Но дрались как – один на один. Вот кого обидели – обидчик с обидчиком. Допустим, стоит вот здесь толпа, стоит здесь толпа, ну то есть эти с Фанерного, эти с Казанки. Вот они пусть между собой и разбираются <...> И чего тут – “Как ты к нам забрел?” Надо вот пристать, вот знаете... Приставали-то вот закурить, да чё ты, толкнут – в общем, какой-то повод искали»⁵⁷.

2. Длительный конфликт, или «война». Продолжается долго, иногда становится «традиционным» для территории, делясь много лет и втягивая всё новые подрастающие поколения.

Для второго вида конфликта типично поэтапное раскручивание: начинается с ситуативного конфликта; например, представители группы А нападают на представителя группы Б, затем группа Б едет мстить группе А, затем А мстит Б и т.д. Приведем, например, описание «войны» между молодежью подмосковных городов Люберцы и Долгопрудный в первой половине 1980-х годов.

«Насколько я помню, этот конфликт начался с того, что три пацана из Долгопрудного ухаживали за люберецкой девчонкой. И их здесь отметелили. Наши отметелили, среди них был пацан, который тоже на девчонку глаз положил (достаточно интересная девчонка была). Ну, и побили их, чтобы больше не приезжали. А те тоже оказались не промах. И всё от этого пошло.

Долгопрудненские приехали к нам, была драка. После этого, говорят, наши туда ездили. Весь Долгопрудный на уши подняли. Я, правда, сам не ездил, только разговор слышал.

И после этого долгопрудненские приехали мириться. Они приезжали вот именно на это поле. Приезжали, разговаривали, какие-то разборки вели: “Мы ж свои ребята, поехали лучше, там, в Москву”»⁵⁸.

На вопрос о причине того или иного конфликта, как правило, можно услышать довольно стандартный набор ответов: «из-за девчонки» (этот вариант встречается, пожалуй, наиболее часто); из-за нападения на члена группы; из-за оскорбления члена группы.

Часто можно встретить длительные конфликты группировок, чьи территории граничат друг с другом:

«Противостояние выражается в “приграничных конфликтах”. Например, группа подростков пригородного села Кондратово идет к реке Мулянка, за которой начинается город, чтобы “штопорнуть городских”, то есть отобрать у них хорошие вещи. Как правило, после этого городские наносят ответный удар»⁵⁹.

Довольно часто в конфликты оказываются вовлечены солдаты или матросы срочной службы, расквартированные в населенном пункте. Молодые военные, всего на пару лет старше, нежели местные пацаны, представляют мощную и эффективную силу.

«В Североморске в 60-е конфликты были между гражданским населением и моряками. В Базовом матросском клубе кого-то из моряков побили. Те пожаловались. Матросы со стоящих у причалов кораблей поднялись и пошли бить гражданских. В результате били всех мужчин, кто в гражданской одежде. Попало и офицерам в гражданке. По итогам несколько человек оказались под трибуналом. Но когда я служил, это начало 70-х годов, моряков всё еще не трогали. Боялись»⁶⁰.

В случае возникновения конфликта между группами возможны следующие варианты развития ситуации.

1. Назначается время и место для специально назначенных драк или обсуждений («стрелок») – групповых и индивидуальных.

2. О разрешении конфликтной ситуации договариваются между собой («перетирают вопрос») лидеры групп, старшие по возрасту и/или люди с «хорошо подвешенным языком», имеющие способности к ведению переговоров. В результате такого обсуждения и может быть назначена стрелка.

Пацан, включенный в уличную жизнь, может быть связан сетью обязательств самого разного типа, в частности он обязан участвовать в драках за целый ряд групп. Так, наш информант из Астрахани (1970-е гг.) говорил, что он считал себя обязанным драться в группировках по пяти разным принципам: за свою улицу (по месту проживания), за школу, за спортивную секцию, по национальному принципу (информант татарин по национальности), а также за район, в котором проживала его девушка.

Уклонение от драки как индивида, так и группы считается постыдным.

«...Тогда “Партизанка” (чавская банда, державшая р-н 33 шк) вкратце рассорилась с LST-63, на этот раз очень серьезно. Это и так всегда были два антагониста, бившиеся целых два десятилетия. (...).

В общем назначили битву на стадионе. К LST-63 прибыли на подмогу хунхузы и чанкайшисты. Встретились они где-то в р-не гост. Гэсэр и оттуда двинулись на 33 школу тремя потоками. Всего к стадиону прибыло порядка 100 с лишним “солдатов”. Там они сели и стали ждать чавских бойцов, а их все не было. В течении примерно еще двух часов (или часа, может быть) к стадиону подтягивались новые чуваки. Подходили даже “боевые подружки”. ;-)
Собралось в итоге за полторы сотни. А “партизаны” сачканули и никто не прибыл. Для них, надо сказать, это стало несмываемым позором.

После этого в 33 школе стало “западно тащиться” за банду, которая просахатила маневр. Уже по осени молодые начали вступать в LST-63 и в HHZ-1. Всего через пару

лет никто уже не называл этот район Партизанкой, как более полувека до того. С той поры это стала быть Великая Китайская стена или Китайка. Которая ею и остается поныне»⁶¹.

* * *

Начало собственно **драки** довольно часто обставлено как ритуал, цель которого – легитимизировать агрессию, дать агрессору оправдание (пусть и формальное). Распространенные приемы – провокация со стороны малолетнего, придирика к внешнему виду, к манерам поведения, обвинение в нарушении общественных норм. Обвинение может касаться нарушения специфических пацанских норм поведения, например, мы уже приводили рассказы о нападении на парня из другого района, проводившего местную девушку – даже если девушка не являлась подружкой кого-либо из пацанов, это расценивалось как «нарушение территории» и посторонний ухажер оказывался «виноват». Наконец, провокация конфликта может содержать совсем малозначимый повод – так, «хрестоматийной» провокацией является (также упоминавшаяся выше) просьба дать закурить (вызывает агрессию любой ответ на этот вопрос). Впрочем, нападения совсем уж без повода часто рассматриваются как «беспредел» даже товарищами агрессора.

Один из ритуальных элементов начала конфликта – предложение инициатором агрессии уединиться для продолжения конфликта («Пойдем, выйдем»). Как правило, уверенное поведение в этой ситуации (согласие «пойти выйти») учитывается как плюс в пользу подвергшегося агрессии; часто конфликт на этом и заканчивается. Впрочем, в последние годы встречается информация о том, что предложение «пойти выйти» рассматривается как один из приемов «разводки лоха» – позволивший увести себя в укромное место воспринимается как лох, достойный ограбления.

Часто можно встретить мнение, что провоцирование конфликта должно быть артистичным; для этого в компаниях был специальный *задира* – пацан, который специализировался на провоцировании противника на драку.

Для драк (если конфликт не перерастает в драку тут же, на месте) используется укромная территория – пустырь, задворки дома, лесная или парковая поляна, район «подалее от милиции» (если драка групповая) и т.д. Если в конфликте участвуют граничащие друг с другом группировки, то драка может назначаться на пограничной территории; так, часто упоминается о драках на мостах⁶² (через реки или железнодорожные пути, разграничивающие территории).

Иногда встречается распределение ролей в драке. Например, для защиты в драке лидера ему может выделяться помощник⁶³. Может вырабатываться определенная тактика проведения драки, расстановки бойцов.

Как правило, не приветствуется участие в драке младших по возрасту, их совместно удаляют с поля конфликта. Также не одобряется участие девушек, они могут использоваться разве что на вспомогательных ролях – например, поддержать головные уборы дерущихся. Встречались случаи, когда при конфликте девушкам не возбранялось нападать на девушек противника, если такие были.

Довольно часто в рассказах о групповых драках можно услышать о совместном избиении противниками приехавшей по вызову милиции. Трудно сказать, соответствуют ли эти рассказы действительности или являются фольклорным образованием.

Интерес представляет субъективное восприятие процесса драки; каждый участник описывает происходящее по-своему, в зависимости от опыта, темперамента, эмоциональности и многих других факторов. Например:

«Момент драки обычно вылетает из сознания напрочь. Никогда нельзя верить тому, кто: “Вот мы дрались, я

заметил то-то” – полная фигня. От момента начала драки до конца драки – просто [усмехается] черная дыра. Потом соображаешь, чё случилось – не помнишь, что было даже, как здесь оказался»⁶⁴.

Как нам кажется, важным элементом драки является ее обсуждение постфактум (причем в молодежной среде это проявляется значительно ярче, чем у людей среднего возраста). После удачной драки обсуждение проходит в эйфорической обстановке: вспоминают смешные моменты, хвастаются, отмечают отличившихся. Если драка неудачна – осуществляется попытка компенсировать поражение – ищутся оправдания неудачи (например, делается упор на численном превосходстве противника, использовании им запрещенных приемов), часто это также предполагает обсмеивание ситуации. В обоих случаях обсуждение драки для ее участников выполняет консолидирующую роль.

* * *

Особый вопрос – отношение к **оружию**, нормирование использования его в драке.

При *минимальном* значении данного показателя существует запрет на ношение оружия. Это может объясняться следующими причинами:

- этикой драки (сильный боец должен побеждать голыми руками);
- восприятием драки как игрового действия (цель драки – не нанести ущерб противнику, а победить его в состязании);
- возможной уголовной ответственностью за применение оружия;
- опасностью более жесткого отношения со стороны противника (с вооруженного спрос больше, чем с безоружного)⁶⁵.

При *максимальном* значении показателя предполагается самое широкое использование оружия. Например, нам встре-

чалось упоминание о явно восходящем к деревенской традиции ношении засапожных ножей – ножи назывались «приблудами», «каждый уважающий себя человек брал приблуду на танцы»⁶⁶.

В качестве оружия, обычно при спонтанно возникающих конфликтах, могут использоваться подручные средства: палки, выломанные доски, камни (для метания или для утяжеления руки), ремни с тяжелыми пряжками (напр., военные), битые бутылки («розочки») и т.д. В одном из подмосковных городов мы слышали легенду о физически сильном молодом человеке, который в качестве оружия использовал садовую скамейку.

Оружие может изготавливаться и специально:

«Сколько же бомбочек было взорвано просто не неподдается счёту. Сам лично бомбочки мастерил, не остановило даже то, что одному нашему товарищу кисть оторвало»⁶⁷.

В качестве оружия могут использоваться самые разнообразные предметы: ножи, кастеты, арматура, цепи (в т.ч. велосипедные), ножки от мебели, шланги (в том числе со вставленными в них утяжелителями), бутылки и т.д. Приведем курьезный пример:

«Эти “Нокии” [мобильные телефоны – Д.Г.], которые гробы, которые старые, я помню, парень ей кидался постоянно. Если нужно кого-то догнать, он постоянно достает свою эту “Нокию”, она у него такая вся изолентой обмотанная, дисплей пополам треснутый: “А-а!” Кинет, попадет, нормально! Она тяжелая, парень замедляет, тот его догоняет»⁶⁸.

Иногда встречаются рассказы об оружии, которые, на наш взгляд, скорее относятся к разряду городских легенд. Так, в конце 1980-х в Москве бытовали истории об использовании «кистней», представляющих собой пилу от болгар-

ки, закрепленную на длинной цепи; рассказывали также, что жители одного из московских районов нашли защиту от «кистеней» – вшивали в рукава металлические уголки.

* * *

Примирение группировок после долговременного конфликта часто происходит в результате появления общего, более сильного и агрессивного противника. Так, в 1970-х годах в Казани активность криминальной группировки «Тяп-ляп» привела к развитию и консолидации группировок в других частях города⁶⁹. В самом конце 1970-х годов уличная молодежь подмосковного города Люберцы прекратила конфликты для совместных поездок в Москву (по одной из версий, примирение произошло на специальной встрече представителей группировок). Позже, в конце 1980-х, активность люберецкой молодежи привела к консолидации молодежных группировок в Москве⁷⁰.

Иногда поводом для временного или постоянного примирения оказывается трагическое событие – гибель одного из пацанов:

«В 1980-х годах из Афганистана привезли тело Кобыяка. Его несли на руках до кладбища через весь город. По дороге в толпу вливались группировки. Над могилой поклялись больше не конфликтовать. Выполнили это или нет – не знаю»⁷¹.

14. Статусы внутри групп

Выше мы уже неоднократно упоминали различные статусы, которые могут иметь участники уличных пацанских группировок. Выделим перечень данных статусов в отдельный параграф.

Статусы могут быть обусловлены *возрастом* участников – чем старше возраст, тем выше статус.

«В то время была очень серьезная иерархия. Старшак мог «приколоть» всю шпану на деньги и к определенному часу деньги собирались. И никакой романтики. Помню, как мы первовским чанкам помогали бабки собрать, и они нас тоже выручали. Между старшаками, средниками и младшаками существовала такая же финансовая повинность. Хорошо помню, как стал чанковским младшаком. Конечно водка и та неопикуемая радость. Но это было в прошлом»⁷².

Лидер в группе может и отсутствовать, но если он есть, то это, как правило, человек физически сильный, спортивный, умеющий разрешать конфликты, владеющий навыками инструментальной агрессивности. Возможно наличие не одного лидера, а высокостатусной группы (старшие, старшаки, супера, водилы, основные, шерифы и др.).

К *отслужившим в армии* отношение, безусловно, уважительное, агрессия против них не поощряется. Большинство отслуживших отходят от «пацанской» деятельности.

Спортсмены имеют высокий статус даже в случаях, когда они не входят в группировку. Как мы уже говорили, бытует мнение, что серьезно занимающиеся спортом имеют меньшую склонность к участию в «пацанской» жизни. В случае конфликтов спортсмены могут выступать как отдельная группировка, объединенная по принципу общих тренировок.

Задира в силу каких-либо причин выступает зачинщиком драк.

Дипломат умеет вести переговоры, при необходимости «разрулить» конфликт⁷³.

15. Фольклор

Необходимо отслеживать наличие или отсутствие специфического фольклора рассматриваемой нами уличной среды. В частности, возможно наличие следующих жанров.

Песни. Дворовая песня – жанр, который был достаточно широко распространен в 1950–1980-е годы. В последние де-

сятiletия жанр практически исчез, в том числе в связи с появлением широкого выбора музыки разных стилей на современных носителях.

Многие песни дворового репертуара получили широкое распространение, кочевали из города в город. Например, в начале 1950-х годов были популярны песни «романтической» стилистики, использовавшие как криминальную тематику, так и позаимствованные из приключенческой литературы и кинематографа образы пиратов, «ковбойцев» и проч.⁷⁴; в первой половине 1980-х в связи с войной в Афганистане популярны стали «афганские» песни⁷⁵. Но встречаются и песни «локальные», описывающие местные реалии; например, нам известна бытовавшая в одном из подмосковных городов песня, перечисляющая работников местного военкомата; эту песню полагалось петь на проводах в армию.

Возможна выработка собственной манеры исполнения. Так, указывают на наличие песенной традиции и специфическую манеру пения в самарском районе Безымянка в 1980-х годах.

Кроме собственно уличного песенного фольклора при исследовании нужно фиксировать музыкальные пристрастия и исполнительский репертуар уличных компаний в целом. Музыкальные пристрастия могут укладываться в общие тенденции моды в популярной музыке; может наблюдаться и повышенный интерес к какому-то одному стилю или исполнителю.

Речевки. Нечасто, но в пацанской среде встречаются специальные опознавательные кличи, крики, речевки⁷⁶. Они имеют идентификационный характер, используются, в частности, в уличных конфликтах⁷⁷.

16. Борьба властей с группировками

Как уже отмечалось выше, уличные пацанские группировки в большей или меньшей степени находились в оппозиции к властям⁷⁸. Деятельность группировок часто носила

антиобщественный и криминальный характер. Поэтому про-
водилась, и зачастую успешно, работа по их развалу.

«В 1963–1969 годах я был членом Бюро горкома ВЛКСМ города К***. В то время в городе были очень сильны мо-
лодежные группировки, между ними постоянно проходи-
ли стычки. Группы были объединены по территориально-
му признаку. Точно не знаю, но в горкоме так говорили о
методах борьбы с ними. Совместно с сотрудниками КГБ вы-
являли в группировке скрытых лидеров и оказывали им
поддержку в продвижении на место главы группировки,
наверно, иногда эти «свои» выдвиженцы были «взяты на
крючок» за какую-нибудь провинность, как это часто и
делается при работе с агентурой. Таких лидеров готови-
ли по специальной индивидуальной программе, в том числе
объясняли, как защитить себя. В какой-то момент дей-
ствующего лидера группировки убрали, а «выдвижен-
ца» ставили на его место. Но он обязан был прекратить
конфликты и вообще постепенно распустить группиров-
ку. Со временем напряженную ситуацию в К*** удалось
свести на нет, группировки распались, конфликты пре-
кратились»⁷⁹.

В одном из периодических изданий приводится рассказ
бывшего милиционера о работе по развалу пацанских груп-
пировок в г. Орше (1980-е годы):

«Есть много методов дискредитации лидера. Милиционер
подходил к нему, когда лидера окружали бойцы, спра-
шивал, как дела, хлопал по плечу и шептал что-то на
ухо, словно секретничал. Бойцы начинали беспокоиться:
что за дружеские отношения? Если мы располагали ин-
формацией о месте сбора групп, то сообщали об этом од-
ному из бойцов, ссылаясь на “водилу”. В результате под-
ростки решали, что лидер работает на милицию, в группе
происходил раскол»⁸⁰.

К сожалению, о данных процессах мы можем судить только по отрывочным рассказам, зачастую основанным только на слухах. Документальная информация об этом если и есть, то недоступна для общественности. Пролить свет на ситуацию могла бы публикация материалов из закрытых архивов, прежде всего архивов ФСБ и МВД.

17. Национальная специфика

Интересной этнографической проблемой является рассмотрение пацанских группировок в национальном контексте. Компании, которые попадают в поле зрения исследователя, как правило, состоят из этнических славян (русских, украинцев, белорусов) или представителей других народов России (татар, чувашей, бурят и т.д.)⁸¹. Как нам кажется, национальный фактор в данном случае не играет решающей роли⁸², национальность представляет собой всего лишь один из многих параметров, по которым может подразделяться молодежь. Например, татарские пацаны могли специально объединиться в заранее назначенной драке против русских, но в другие дни драться за свои районы плечом к плечу с русскими, а также с представителями других национальностей⁸³.

Однако на данный момент нам не совсем понятно, насколько пацанские традиции представлены и как они развивались в таких национальных регионах, как Кавказ⁸⁴ и Средняя Азия.

Неоднократно высказывалось мнение, что на Кавказе сложилась собственная традиция молодежной мужской социализации; во много эта традиция получила развитие в деятельности боевиков 1990-х – начала 2000-х годов, а также в криминальной деятельности кавказской молодежи в городах России⁸⁵. Насколько и в каких чертах такие сообщества (а также «национальные» сообщества в других регионах бывшего СССР) сопоставимы с рассматриваемыми нами пацанскими группировками – вопрос открытый.

Отдельной темой является бытование «национальных» молодежных группировок в районах традиционного проживания славянского населения. Больше всего информации по этой теме относится к Москве – здесь национальные сообщества образуют достаточно сплоченные группировки, периодически конфликтующие как с русской молодежью, так и между собой. При общем уменьшении в Москве численности и сплоченности территориальных пацанских объединений их черты воспроизводят молодые «инородцы», в частности кавказцы: они активно занимаются спортом, проводят много времени на улице и т.д.

18. Конструирование маскулинности

При рассмотрении уличных пацанских группировок необходимо учитывать, что одним из основных факторов их бытования является *конструирование маскулинности*. Большинство участников группировок относятся к мужскому полу и находятся в возрасте становления – перехода из детско-подросткового во взрослое состояние. Соответственно, их деятельность связана с выработкой образа взрослого, «настоящего» мужчины, становлением мужских черт характера. Для пацанов, как правило, важно конструирование именно брутальной маскулинности, связанной с силой, агрессивностью, внешней мужественностью.

Стремление к конструированию брутального маскулинного образа выражается в одежде (интерес к спортивной и военной одежде), восприятию пространства (создание чисто мужских зон, защита территории, стремление к колонизации), выстраивании гендерных композиций и т.д.

В группах, декларирующих ограничения на насилие, значимой чертой конструирования маскулинности является контролируемость мужской агрессивности.

С социально-антропологической точки зрения уличные пацанские группировки можно рассматривать в ряду других

типичных для разных времен и народов сообществ молодых мужчин – братств, ватаг, ученических объединений и проч.

Показательно, что агрессивное поведение пацанов как правило предполагает агрессивность, не выходящую за рамки собственно молодежного возраста. Иначе говоря, объектами агрессии, как правило, становятся *молодые* мужчины; нападения на детей и людей старшего возраста не приветствуются.

При анализе конфликтов между мужчинами разных национальностей и культурных традиций можно говорить о своеобразном «соревновании маскулинностей» – в конфликты оказываются втянуты мужчины, которым, согласно их традициям, социально-возрастной статус предписывает маскулинную активность и агрессивность (в нашем случае таким статусом обладают члены пацанских группировок)⁸⁶.

19. Биографический контекст

При исследовании пацанских группировок прошлых десятилетий стоит проследивать дальнейшую судьбу их участников. Во-первых, бытование и развитие данных группировок тесно связано с историческими процессами, происшедшими в СССР и на постсоветском пространстве. Во-вторых, вызывает интерес вопрос о том, как происходит социализация молодых людей, входящих в группировки, обуславливает ли эта включенность их дальнейшую судьбу.

При опросе нужно уточнять, сколько человек из общего числа участников группировок ушло в криминальную деятельность, сколько получило высшее образование, сколько, и по каким причинам, не дожило до момента исследования.

При описании биографий молодых людей, чья пацанская юность пришлась на 1980–1990-е годы, общим местом является упоминание больших человеческих потерь, которые понесла эта возрастная когорта:

«Вова постоянно жалуется и на работу, и на жизнь, и на начальство. Но при этом считает себя удачливым челове-

ком. Рассказывает, что из детской дворовой компании, насчитывавшей когда-то человек 25, сегодня в живых остались шестеро.

“Кто-то спился, многих наркота покосила, кого-то на бандитских разборках грохнули, кто-то в тюрьме умер... А я вот жив-здоров, с женой, с ребенком, зарабатываю худо-бедно”⁸⁷.

При описании современных, действующих группировок нужно пытаться оценить планы участников группировки на последующую жизнь.

20. Методы и приемы полевого исследования

Для полевого исследования подростково-молодежных уличных группировок прошлых десятилетий основным методом является *интервью*. Пацаны тех лет выросли, сейчас это взрослые мужчины, многие из них успешно социализировались в жизни. Имеет смысл брать интервью по теме не только у них, но и у людей, не входивших в группировки, но осведомленных в их делах – например, у друзей, подруг и одноклассников пацанов, у работников милиции, отвечающих за работу с молодежью, в меньшей степени – у родителей, учителей и др.

При привлечении «сторонней» точки зрения нужно учитывать, что она может отличаться от точки зрения непосредственных участников сообщества. Например, разница описаний заметна при рассмотрении люберов (2 пол. 1980-х гг.). Для внешних наблюдателей это агрессивные гопники, сами же участники люберецких сообществ вспоминают в первую очередь занятия спортом, а потом уже – поездки в Москву и драки (их можно понять, если учесть, что занятия спортом были ежедневными, а выезды происходили примерно раз в неделю).

Не исключено, что заметно различаться могут и описания одной и той же группы разными участниками. Это обус-

ловлено субъективностью восприятия. Одной из возможных задач исследования может стать интервьюирование нескольких участников одной и той же компании, сопоставление исходящей от них информации и определение того, чем обусловлены несовпадения (например, личностными особенностями информантов, их интересами, статусом в компании).

Для исследования ныне действующих группировок к интервью добавляется еще и *встроенное наблюдение*, возможна и визуальная фиксация материала⁸⁸.

Представляют интерес исследования на *архивном материале*, как это сделано в приведенной в данном сборнике статье Г.В. Ципурского. Архивы, в том числе закрытые, могут содержать интереснейшую информацию. Однако при всей перспективности исследования данного типа источников, архивные документы вряд ли дадут описание рассматриваемого явления во всей полноте.

Возможно, с большой долей осторожности, привлечение *мемуарных материалов*. В том числе это касается воспоминаний, помещенных в Интернете, например, в блогах Живого журнала.

Что касается современной *любительской публицистики*, размещаемой в Интернете, то надо учитывать, что она в большинстве своем является результатом фольклоризации образа «гопника», о чем говорилось выше. Согласно нашей оценке, не более 10% помещенных в Интернете материалов о «гопниках» можно воспринимать «всерьез».

С большой осторожностью необходимо воспринимать и информацию, преподносимую *СМИ*, необходимо помнить, что журналисты изначально заинтересованы не в фиксации и адекватной подаче информации, а в создании определенного коммерческого продукта. Впрочем, и здесь можно получить интересные данные, так, например, в фильме А. Лошака «Реальные пацаны» (2006 г.) по просьбе создателей фильма участники уличной группировки разыграли разводку лоха на мобильник.

Информацию, поступающую из «сомнительных» источников, необходимо проверять сопоставлением с данными, полученными с помощью основных исследовательских методов – интервью и встроеного наблюдения.

Внедрение в пацанскую среду достаточно сложно. Как правило, успешное налаживание контактов предполагает высокую «степень допущения» исследователей, то есть наличие в данной среде знакомых или родственников. Приведем два примера того, как исследователям удалось решить проблему поиска информантов. Е.В. Кулешов во время экспедиции в г. Тихвин (2000 год) обратил внимание, что студенты, участвующие в экспедиции, активно завязывают знакомства с местной молодежью; это позволило собрать материал, воплотившийся в серии статей. С.А. Стивенсон провела серию фокус-групп с учениками одной из школ закрытого типа для подростков, совершивших особо опасные деяния; для воспитанников школы обязательная встреча с социологом оказалась интересна, интервью прошли успешно.

Довольно часто и бывшие, и нынешние пацаны неохотно делятся своими воспоминаниями, связанными с криминалом. Поэтому целесообразно в самом начале общения гарантировать им, при их желании, полную анонимность информации.

При изучении уличных пацанских группировок, как и при изучении многих современных социальных групп, эффективно использование *экспертной оценки*. Иначе говоря, материал, изложенный в виде отчета или статьи, полезно давать на прочтение информантам. Это, во-первых, позволяет отследить неточности, во-вторых, стимулирует информантов к дополнительным воспоминаниям.

Исследователь должен иметь в виду мнение А.В. Шашкина о том, что при начале исследования количество информантов увеличивается по принципу «снежного кома»⁸⁹.

Специфика объекта и предмета исследования делает проблематичным использование методик фиксации характеристик личности участников группировок.

Как было сказано в начале вступительной статьи, мы предполагаем продолжать и координировать изучение уличных пацанских группировок с помощью **специального опросника**, представленного в данном сборнике (см. стр. 257–268).

Примечания

- ¹ *Пирожков В.Ф.* Законы преступного мира молодежи (криминальная субкультура). Тверь, 1994.
- ² *Белановский С.А.* Субкультура любителей. [Отчет по научному исследованию] // <http://sbelan.ru/node/47796>; *Тузииков А.Р.* Деформации полового поведения в подростковой среде города Казани и способы их коррекции // Развитие социальной активности подростка: тезисы докладов Республиканского научно-практического семинара, декабрь 1988 г. Казань, 1988. С. 119–120; *Салагаев А.Л., Максудов Р.Р.* Подросток в городе: проблема социализации. Казань, 1988; Криминологи о неформальных молодежных объединениях. М., 1990; *Сибиряков С.Л.* Уличные группировки молодежи в г. Волгограде // Криминологи о неформальных молодежных объединениях. М., 1990; *Овчинский В.С.* «Гастрольные» поездки антиобщественных группировок подростков и молодежи – новый феномен // Криминологи о неформальных молодежных объединениях. М., 1990. С. 192–196; *Кашелкин А.Б.* Межрегиональный криминологический анализ подростково-молодежных группировок с антиобщественной направленностью // Социологические аспекты государственно-правовой работы в условиях перестройки. Казань, 1990. С. 19–20; *Агеева Л.В.* Казанский феномен: миф и реальность. Казань, 1991; По неписаным законам улицы... М., 1991; *Прозументов Л.М.* Групповая преступность несовершеннолетних и ее предупреждение. Томск, 1993; *Булатов Л.М., Шеслер А.В.* Криминогенные городские территориальные подростково-молодежные группировки (уголовно-правовые и криминологические аспекты). Казань, 1994; *Гильманов И.М.* Криминологическая характеристика антиобщественных подростково-молодежных группировок Республики Татарстан (по материалам Казани, Елабуги и Набережных Челнов). Дисс. к.юрид.н. Казань, 1995; *Халудорова Н.А.* Молодежь Улан-Удэ: «султанки», «генералы», «чанкайшисты» и другие // Вестник Евразии. 1996. № 1. С. 167–172; *Omelchenko E.L.* Young Women in Provincial Gang Culture. Case Study of Ul'anovsk // Gender, Generation and Identity in Contemporary Russia. London; N.Y., 1996. P. 218–220; Основы борьбы с

организованной преступностью // Под ред. В. Овчинского, В. Эминова, Н. Яблокова. М., 1996; *Шестаков С.В.* Криминологическая характеристика и предупреждение преступлений участников молодежных группировок по месту жительства. Дисс. к.юрид.н. М., 1996; *Волков В.В.* Ценности и нормы нелегальны силовых структур // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т. 2. № 3; *Салагаев А.Л.* Подростково-молодежное территориальное сообщество деликвентной направленности как объект теоретического исследования. Дисс. д.соц.н. СПб., 2001; *Salagaev A.* Evolution of Delinquent Gangs in Russia // *The Eurogang Paradox: Street Gangs and Youth Groups in the U.S. and Europe.* Dordrecht, 2001; *Кулешов Е.В.* Презентация маскулинности в подростковой субкультуре // Мифология и повседневность: Гендерный подход в антропологических дисциплинах. Материалы научной конференции 19–21 февраля 2001 г. / Сост. К.А. Богданов, А.А. Панченко. СПб., 2001. С. 260–271; *Кулешов Е.В.* СобираТЕЛЬСкая работа в Тихвине: аксиология городского пространства // Живая старина. 2001. № 1. С. 13–15; *Кулешов Е.В.* «Рыцари» подворотни // На путях к новой школе. На стороне подростка. 2002. № 2; *Бадмаев А.А.* Неформальные молодежные ассоциации в Улан-Удэ // Вестник Евразии. 2002. № 1 (16). С. 89–103; *Митупов К.Б.* Группировки семидесятых: воспоминание–комментарий к статье А. Бадмаева // Вестник Евразии. 2002. № 1 (16). С. 104–109; *Шашкин А.В.* Регулирование властных отношений в подростковой уличной среде средствами насильственной виктимизации (на материале изучения молодежных сообществ деликвентной направленности). Дисс. к.соц.н. Казань, 2002; *Салагаев А.Л., Шашкин А.В.* Насилие в молодежных группировках как способ конструирования маскулинности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. Т. V. № 1. С. 151–160; *Карбаинов Н.И.* Формирование городской субкультуры Улан-Удэ (неформальные молодежные объединения 50–90 гг. XX века) // Евразийское пространство глазами молодых или Новое поколение о... Альманах Школы молодого автора 2003. Вып. 2. М., 2004. С. 220–228; *Карбаинов Н.И.* «Городские» и «головары» в Улан-Удэ (молодежные субкультуры в борьбе за социальное пространство города) // Вестник Евразии. 2004. № 2 (25). С. 170–183; *Салагаев А.Л., Шашкин А.В.* Молодежные группировки – опыт пилотного исследования // Социс. 2004. № 9. С. 50–59; Глядя на Запад: Культурная глобализация и российские молодежные культуры. СПб., 2004. С. 126, 129, 133, 141–150; *Шарифуллина Э.М.* Групповые практики формирования образа «нормального» мужчины: опыт анализа драки //

«Мужское» в культурном контексте города. Материалы научной конференции (СПб., 22–24 апреля 2004 г.). М.; СПб., 2004. С. 50–51; *Волков В.В.* Силовое предпринимательство. М., 2005; *Salagaev A., Shashkin A.* After-Effects of the Transition: Youth Criminal Careers in Russia // Youth – Similarities, Differences, Inequalities. Joensuu, 2005. P. 154–172; *Салагаев А.Л.* Исследования подростково-молодежных делинквентных сообществ (группировок) в России и в бывшем СССР // Девиантное поведение в современной России в фокусе социологии. М., 2005. С.184–195; *Нормальная молодежь: пиво, тусовка, наркотики* / Под ред. Е. Омельченко. Ульяновск, 2005. Ч. 2. С. 4–8, 71–74, 85–95, 108, 131–133; *Омельченко Е.* Ритуальные битвы на российских молодежных сценах начала века, или Как гопники вытесняют неформалов // Сайт «Полит.ру». (www.polit.ru); *Амосова С.Н.* «Свои» и «чужие» в представлении подростков провинциального города // Отечественные записки. 2006. № 3. С. 283–288; *Стивенсон С.А.* Казанский левиафан: молодежные территориальные группировки и проблема социального порядка // Отечественные записки. 2006. № 3. С. 97–110; *Громов Д.В.* Люберецкие уличные молодежные компании 1980-х годов: субкультура на перепутье истории // Этнографическое обозрение. 2006. № 4. С. 23–38; *Костерина И.В.* Скинхеды и гопники: разные лики агрессивной маскулинности // Конструирование маскулинности на Западе и в России. Межвузовский сборник научно-методических материалов. Иваново, 2006. С. 21–36; *Громов Д.В.* Пацанская одежда: 1980-е // Материалы интернет-конференции «Мужская повседневность: труд, досуг, духовная жизнь». 2007. <http://mujskoe.lodya.ru/МК-2007.htm>; *Громов Д.В., Стивенсон С.А.* Пацанские правила: нормирование поведения в уличных группировках // Молодые москвичи. Кросскультурные исследования / Под ред. М.Ю. Мартыновой, Н.М. Лебедевой. М., 2008. С. 427–457; *Лурье М.Л., Головин В.В.* Идеологические и территориальные сообщества молодежи: мегаполис, провинциальный город, село // Этнографическое обозрение. 2008. № 1. С. 56–69; *Костерина И.В.* Конструкты и практики маскулинности в провинциальном городе: габитус «нормальных пацанов» // Журнал социологии и социальной антропологии. 2008. № 4. Т. XI; *Стивенсон С.А.* «Обычные пацаны»: уличные подростково-молодежные компании Москвы // Этнографическое обозрение. 2008. № 1. С. 30–41; *Стивенсон С.А.* Ребята с нашего двора. Уличные подростково-молодежные компании в Москве // Молодежные субкультуры Москвы. М., 2009. С. 195–223; *Громов Д.В.* Любера: как становились пацанами // Теория моды. Одежда. Тело. Культура.

- Вып. 10. М., 2009. С. 177–200; *Березин С.В.* Короны на стенах: некоторые аспекты графической символики неформальных молодежных группировок г. Кирова // VIII Конгресс этнографов и антропологов России: тезисы докладов. Оренбург, 1–5 июля 2009 г. Оренбург, 2009. С. 270; *Захарова Е.Ю.* Квартал и мужские соседские сообщества в Тбилиси // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2008 г. СПб., 2009; *Захарова Е.Ю.* Тбилисская улица как фактор мужской социализации // *Laboratorium*. Журнал социальных исследований: Новые исследования Южного Кавказа. (В печати); *Ахметова М.В.* Городское пространство в локальном тексте: город Муром. (В печати).
- ³ *Илле А.* Футбольный фанатизм в России: Фан-движение и субкультура футбольных фанатов // Молодежные движения и субкультуры Петербурга. СПб., 1999. С. 154–173.
- ⁴ *Тарасов А.Н.* Порождение реформ: бритоголовые, они же скинхеды. Новая фашистская молодежная субкультура в России // Свободная мысль – XXI. 2000. № 4–5; *Лихачев В.А.* Нацизм в России. М., 2002; *Беликов С.В.* Скинхеды в России. М., 2005; *Костерина И.В.* Конструкты маскулинности в молодежных право-экстремистских сообществах // Материалы Интернет-конференции «Мужская повседневность: труд, досуг, духовная жизнь». 2007. <http://www.mujskoe.lodya.ru>; *Беликов С.В.* Бритоголовые // Молодежные субкультуры Москвы. М., 2009. С. 224–252; и др.
- ⁵ *Ярская-Смирнова Е.Р., Романов П.В.* Социальная антропология. Ростов-на-Дону, 2004. С. 304.
- ⁶ Чем отдаленнее от настоящего момента рассматриваемое время, тем больше доля «дворовой жизни» во времяпрепровождения детей; в настоящее время детские дворовые сообщества во многих городах почти исчезли. Изучение дворовой повседневности советских времен – перспективная тема отдельного этнографического исследования. См., напр., собрание Д. Константинова «Оружие советского детства» – <http://www.photoweb.ru/prophoto/biblioteka/History/osd/001.htm>.
- ⁷ Психология: Словарь / Под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. М., 1990. С. 60.
- ⁸ Возможны региональные самоназвания. Так, в Орске участники уличных группировок до недавнего времени называли себя *ништяками*.
- ⁹ *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М., 1972. С. 454.

- ¹⁰ Инф.: С.Т.; Тюмень. 2008 г. В ссылках на высказывания информантов в данной статье указывается место и время описываемых событий.
- ¹¹ Показательно название одной из книг под редакцией Е.Л. Омельченко: *Нормальная молодежь: пиво, тусовка, наркотики*. Ульяновск, 2005.
- ¹² Интересно, что представители данного социального слоя, сконструировали самоназвание, следуя известной закономерности – социальные сообщества не рефлексируют себя и склонны называть себя «настоящими, правильными людьми» – именно так с разных языков переводятся названия этносов, религиозных течений и т.д. Так и в русском языке слово «пацан» обозначает обычного мальчика. В этом отношении показательно и выражение «нормальные пацаны».
- ¹³ Инф.: М.Р.; Душанбе. Кон. 1950 – нач. 1960-х годов.
- ¹⁴ *Овчинский В.С.* «Мама, я любера люблю...» // По неписаным законам улицы... М., 1991. С. 257.
- ¹⁵ См.: *Нормальная молодежь: пиво, тусовка, наркотики*. Ульяновск, 2005. С. 56–57. Строго говоря, участники данного проекта не ставили перед собой цели рассмотрения структуры досуговой деятельности. Но, ввиду того, что в исследовании были репрезентативно представлены самые разные группы молодежи в возрасте 14–19 лет, полученные данные, как нам кажется, в первом приближении достаточно адекватно представляют реально существующую ситуацию.
- ¹⁶ *Пирожков В.Ф.* *Законы преступного мира молодежи (криминальная субкультура)*. Тверь, 1994. Цит. по: <http://www.psychomosgu.ru>.
- ¹⁷ *Головин В.В., Лурье М.Л.* Идеологические и территориальные сообщества молодежи: мегаполис, провинциальный город, село // *Этнографическое обозрение*. 2008. № 1. С. 61.
- ¹⁸ См.: *Чалидзе В.* *Уголовная Россия*. Нью-Йорк, 1977; *Белановский С.А.* *Субкультура любителей* // <http://sbelan.ru/node/47796>.
- ¹⁹ По крайней мере, такое можно говорить о городах с заметным славынским населением. Рассмотрение ситуации в «национальных» районах требует дополнительной информации.
- ²⁰ См. напр.: *Щепанская Т.Б.* *Зоны насилия (по материалам русской сельской и современных субкультурных традиций)* // *Антропология насилия* / Отв. ред В.В. Бочаров, В.А. Тишков. СПб., 2001. С.115–177.
- ²¹ *Лурье М.Л., Головин В.В.* Идеологические и территориальные сообщества молодежи: мегаполис, провинциальный город, село // *Этнографическое обозрение*. 2008. № 1. С. 56–69.
- ²² При этом период «дикого капитализма» привнес в бытование пацанских группировок новые элементы. Так, раньше крайне редко

- можно было встретить регулярные денежные поборы с «не пацанов» и практически никогда не встречалась «постановка на счетчик».
- ²³ Волков В.В. Ценности и нормы нелегальны силовых структур // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т. 2. № 3; Волков В.В. Силовое предпринимательство. М., 2005.
- ²⁴ См.: Стивенсон С.А. Ребята с нашего двора. Уличные подростково-молодежные компании в Москве // Молодежные субкультуры Москвы. М., 2009. С. 195–223.
- ²⁵ См., напр.: <http://community.livejournal.com/gopota>. Фольклоризация пацанов – явление не новое. Так, в конце 1980-х в Поволжском регионе фольклоризировались самарские *фураги* (также их называли *фургопаны*, видимо, насмешливо).
- ²⁶ Инф.: Б.; Казань. Конец 1990-х гг. Зап. С.А. Стивенсон.
- ²⁷ Инф.: Н.; Казань. Нач. 2000-х гг.
- ²⁸ Казань. Конец 1980-х годов. Белановский С.А. Субкультура любителей. [Отчет по научному исследованию] // <http://sbelan.ru/node/47796>. *Немотающийся* – не входящий в пацанские группировки («моталки»).
- ²⁹ Шинкаренко Ю.В. «Столик», или Уроки жизни за 13 рублей // Юношеские субкультуры Урала. Мини-энциклопедия. Екатеринбург, 2005. С. 161–169.
- ³⁰ Там же. С. 166.
- ³¹ Стивенсон С.А. Ребята с нашего двора. Уличные подростково-молодежные компании в Москве // Молодежные субкультуры Москвы. М., 2009. С. 216.
- ³² Фраза из песни рэп-группы «Спацмэн», разрабатывающей образ гопника. Альбом «С ходу в табло». 2007.
- ³³ Инф.: Е.А.; Люберцы Московской обл. 1 пол. 1980-х годов.
- ³⁴ Инф.: А.Л.; Тихвин Ленинградской обл. 1999 г. Зап. под рук. Е.В. Кулешова. Фольклорный архив Академической гимназии при СПбГУ. № 99-11-26.
- ³⁵ Салагаев А.Л., Шашкин А.В. Насилие в молодежных группировках как способ конструирования маскулинности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. Т. V. № 1. С. 153.
- ³⁶ Инф.: М.В.; Новочеркасск Ростовской обл. Конец 1960-х годов.
- ³⁷ См. статью С.А. Белановского в данном сборнике.
- ³⁸ Инф.: С.Д.; Ижевск. Конец 1980-х годов.
- ³⁹ Томская обл. 1990-е годы. <http://natalya-kiriche.livejournal.com/309180.html#comments>. Зап. 11.04.2008.

- ⁴⁰ Просина С.В. Как одевались «приличные» девушки в СССР (50–70-е годы XX века) // Славянская традиционная культура и современный мир. Вып. 12. Социальные и эстетические нормативы традиционной культуры. М., 2009. С. 292–293.
- ⁴¹ Томская обл. 1990-е годы. <http://natalya-kiriche.livejournal.com>. Зап. 11.04.2008.
- ⁴² Иванова А., Балакирева Е. Гендерный порядок российской глубинки // Меняющаяся молодежь в меняющемся мире: невидимая повседневность / Под ред. Е. Омельченко, Н. Гончаровой. Ульяновск, 2006. С. 214–218. В статье излагаются результаты исследования молодежи села Большое Болдино Нижегородской обл. Создается впечатление, что такая оценка более типична для сельской местности.
- ⁴³ Инф.: С.П.; г. Троицк Московской обл. Нач. 1990-х гг.
- ⁴⁴ Воркута, 2003 г. *Доброштан О.* По тундре, по железной дороге... // Нормальная молодежь: пиво, тусовка, наркотики. Ч. 2 / Под ред. Е. Омельченко. Ульяновск, 2005. С. 84.
- ⁴⁵ Стивенсон С.А. Ребята с нашего двора. Уличные подростково-молодежные компании в Москве // Молодежные субкультуры Москвы. М., 2009. С. 207.
- ⁴⁶ Инф.: С.; Шатура Московской обл. 1 пол. 1980-х гг.
- ⁴⁷ Инф.: Б.; Казань. Конец 1990-х годов. Зап. С.А. Стивенсон.
- ⁴⁸ См., напр.: *Березин С.В.* Короны на стенах: некоторые аспекты графической символики неформальных молодежных группировок г. Кирова // VIII Конгресс этнографов и антропологов России: тезисы докладов. Оренбург, 1–5 июля 2009 г. Оренбург, 2009. С. 270.
- ⁴⁹ Напр., в г. Касимове Рязанской обл., конец 1980-х гг.
- ⁵⁰ Инф.: М.Л.; Киров. 2005 год. Зап. С.Н. Амосовой.
- ⁵¹ См., напр.: *Громов Д.В.* Любера: как становились пацанами // Теория моды. Одежда. Тело. Культура. Вып. 10. М., 2009. С. 177–200.
- ⁵² *Ахметова М.В.* Городское пространство в локальном тексте: город Муром. (Рукопись).
- ⁵³ Инф.: Э.И.; Люберцы Московской обл. 1987 г.
- ⁵⁴ Инф.: В.В.; Петрозаводск. 1968 год.
- ⁵⁵ Инф.: Р.; Казань. Нач. 1990-х годов.
- ⁵⁶ Инф.: М.С.; Тихвин Ленинградской обл. 1999 г. Зап. под рук. Е.В. Кулешова. Фольклорный архив Академической гимназии при СПбГУ. № 99-11-26.
- ⁵⁷ Инф.: И.В.; Муром Владимирской обл. 2007 г. Зап. М.В. Ахметовой.
- ⁵⁸ Инф.: Н.А.; Люберцы Московской обл. 1-я пол. 1980-х гг.

- ⁵⁹ Антипин П. Особенности социального зонирования городского пространства Перми // Российское городское пространство: попытка осмысления. М., 2000. С. 89.
- ⁶⁰ Инф.: В.В.; Североморск Мурманской обл. Сер. 1960-х годов.
- ⁶¹ Инф.: Э.; Улан-Удэ. 1986 год. Зап. на интернет-форуме <http://www.buryatia.org>, 08.08.2005.
- ⁶² Головин В.В., Лурье М.Л. Идеологические и территориальные сообщества молодежи: мегаполис, провинциальный город, село // Этнографическое обозрение. 2008. № 1. С. 64.
- ⁶³ См., напр.: Шарифуллина Э.М. Групповые практики формирования образа «нормального» мужчины: опыт анализа драки // «Мужское» в культурном контексте города. Материалы научной конференции (СПб., 22–24 апреля 2004 г.). М.; СПб., 2004. С. 50–51.
- ⁶⁴ Инф.: В.В.; Москва. 1986 год.
- ⁶⁵ Подробнее см. в статье Д.В. Громова и С.А. Стивенсон в данном сборнике.
- ⁶⁶ Инф.: П.; Саратовская обл. Кон. 1960 – нач. 1970-х годов.
- ⁶⁷ Инф.: А.; Улан-Удэ. Конец 1970-х годов.
- ⁶⁸ Инф.: М.Л.; Киров. 2005 год. Зап. С.Н. Амосовой.
- ⁶⁹ Салагаев А.Л. Исследования подростково-молодежных делинквентных сообществ (группировок) в России и в бывшем СССР // Девиантное поведение в современной России в фокусе социологии. М., 2005. С. 184–195.
- ⁷⁰ Громов Д.В. Люберецкие уличные молодежные компании 1980-х годов: субкультура на перепутье истории // Этнографическое обозрение. 2006. № 4. С. 23–38.
- ⁷¹ Инф.: М.В.; Новочеркасск Ростовской обл. Середина 1980-х годов.
- ⁷² Инф.: А.; Улан-Удэ. Конец 1970-х годов.
- ⁷³ Подробнее см. в статье Д.В. Громова и С.А. Стивенсон в данном сборнике.
- ⁷⁴ Данный песенный слой представлен, например, в музыкальных альбомах: Козлов А., Макаревич А. Пионерские блатные песни. 1996; Козлов А. Пионерские блатные песни – 2. 1998.
- ⁷⁵ См.: Огрызко В.В. Песни афганского похода. Историко-литературное исследование. М., 2000.
- ⁷⁶ См., напр., статью Н.И. Карбаинова в данном сборнике.
- ⁷⁷ Об использовании речевок (кричалок) в молодежных субкультурах см.: Громов Д.В. Прагматика современной молодежной речевки // Труды ученых МГПУ. Вып. 4. М., 2007. С. 148–156.

- ⁷⁸ Впрочем, это не мешало некоторым повзрослевшим участникам группировок со временем поступать на службу в милицию.
- ⁷⁹ Инф.: В.В.; К***. Конец 1960-х годов. Самозапись.
- ⁸⁰ Анкудо Е. Как дрались в Орше // БелГазета. 03.09.2007.
- ⁸¹ О пацанских конфликтах в полиэтничном городе см., например, статью Н.И. Карбаинова в данном сборнике.
- ⁸² Из высказывания бывшего улан-удэнского группировщика, бурята по национальности: «Было чувство солидарности и дружбы. Причем не особенно заметной была этническая солидарность, она как-то не афишировалась открыто, но тоже была. Больше замечалась ответственность за свою округу» (А., кон. 1970-х годов).
- ⁸³ Инф.: Р.; Астрахань. 1970-е годы.
- ⁸⁴ В последнее время появились первые публикации по теме на русском языке: *Захарова Е.Ю.* Квартал и мужские соседские сообщества в Тбилиси // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2008 г. СПб., 2009; *Захарова Е.Ю.* Тбилисская улица как фактор мужской социализации // *Laboratorium. Журнал социальных исследований*: «Новые исследования Южного Кавказа». (В печати). Также см.: *Koehler J.* Die Zeit der Jungs. Zur Organisation von Gewalt und der Austragung von Konflikten in Georgien. Munster, 2000.
- ⁸⁵ *Карпов Ю.Ю.* «Горские сезоны» в современном большом городе // «Мужское» в культурном контексте города. Материалы научной конференции (СПб., 22–24 апреля 2004 г.). М.; СПб., 2004. С. 24–25; *Текуева М.А.* Корпоративные мужские объединения на Кавказе сегодня: от экстремальности к экстремизму // Мужской сборник. Вып. 3 / Сост. И.А. Морозов. М., 2007. С. 135–141.
- ⁸⁶ См., напр.: *Громов Д.В.* «Соревнование маскулинностей» как один из аспектов межнациональной напряженности в Москве // Молодежь Москвы: адаптация к многокультурности / Под ред. М.Ю. Мартыновой, Н.М. Лебедевой. М., 2007. С. 367–403.
- ⁸⁷ Вышний Волочок. 1 пол. 1990-х. См.: <http://yashin.livejournal.com/606445.html>. Зап. 24.03.2008.
- ⁸⁸ В качестве примера можно назвать проведенное НИЦ «Регион» в 2003–2007 годах исследование группы скинхедов г. Воркуты. Одним из результатов исследования стал документальный фильм.
- ⁸⁹ См. статью А.В. Шашкина в данном сборнике.

Часть 1

Образы улицы

«ОБЩЕСТВА», «ШТАБЫ», «КЛУБЫ»: молодежное городское хулиганство в Советском Союзе «оттепельных» лет

Г.В. Ципурский

«Вызывает особую тревогу то обстоятельство, что в целом ряде школ области вследствие крайне низкого уровня воспитания учащихся и неудовлетворительной работы комсомольских и пионерских организаций отдельные группы учащихся пытаются создавать различные “общества”, “штабы”, “клубы”, или встают на преступный путь. Подтверждением этому может служить статистика уголовных преступлений, совершенных подростками в городе Ростове на протяжении последних трех лет»¹.

Это слова из отчета от 3 мая 1956 года бригады представителей ЦК ВЛКСМ, откомандированных в Ростовскую область для выяснения ситуации с теми, кто, как сказано в отчете, попирает нормы коммунистической морали. При прочтении этой цитаты, а также других аналогичных цитат в архивных документах этого времени, возникает несколько вопросов: каков был уличный мир тех времен? Какие аспекты поведения молодежи вызвали недовольство представителей ЦК ВЛКСМ? Что послужило источником для внутренних культурных практик такого рода «клубов»? Каким образом анализ подростковых группировок может помочь нам сформировать более широкое представление о неконформистской молодежи того времени?

Ища ответы на эти вопросы, надо иметь в виду, что марксистско-ленинская теория придавала молодежной политике крайне большое значение. Это отражено, например, в сло-

вах Ленина о том, что «именно молодежи предстоит настоящая задача создания коммунистического общества»². В годы после-сталинской оттепели, от смерти Сталина в 1953 году и до конца 1960-х годов, молодежь стала особенно значима для советского руководства, которое считало, что социализация «оттепельного поколения»³ является ключевым процессом для построения идеального коммунистического будущего⁴. В связи с этим несколько странным кажется тот факт, что важнейшие труды о советской молодежи, основанные на базе архивных документов, стали появляться только в последние годы. Среди них есть работы, освещающие важнейшие вопросы, касающиеся той части молодежи, на которую в официальном дискурсе послевоенных и хрущевских лет был навешан ярлык «девиантной»⁵, а именно стилияг и политических диссидентов, как правило представителей студенческой молодежи⁶. Намного реже встречаются исторические работы, посвященные рабочей молодежи, чей нонконформизм чаще всего выражался в поведении, советской властью названном «хулиганством». Существует несколько работ о хулиганстве периода «оттепели», но и они больше фокусируют внимание на государственной политике, нежели на поведении самой молодежи и очень редко упоминают категорию несовершеннолетних, подростков и юношей с двенадцати до семнадцати лет⁷. Моя статья делает вклад в эту малоисследованную сферу; как базу данных я использую главным образом архивные материалы⁸.

До недавнего времени исследование группировок молодежи, отходящей от общепринятых нравов, чаще всего использовало теорию «субкультур». Эта идея стала популярной, начиная с цикла работ английских исследователей 1970-х годов, которые под влиянием Грамши и Альтюссера рассматривали тедди бойз, модов, скинхедов и другие молодежные направления как оппозицию рабочего класса гегемонии буржуазных институтов английского общества. Концепция субкультур в этих работах включала в себя классо-

вый статус как детерминирующий фактор, строгие границы между субкультурой и обществом, четко выраженную субкультурную символику и ее яркое публичное выражение⁹. Но в последнее время появился ряд исследователей, более критически относящихся к модели субкультур. Они полагают, что данная концепция плохо отражает совокупность влияний на молодежные группировки, утрирует сложность их внутреннего мира, не может достоверно объяснить переход молодежи из одной группы в другую, а также принадлежность к разным молодежным группам в одно и то же время. Эти исследователи предложили ряд иных, «пост-субкультурных» моделей, например, «альтернативные стили жизни» или «неотрайбс (новые племена)», как отражающие ключевое влияние глобализации культурных практик и потребительства в жизни молодых людей¹⁰. Но и эти модели также были подвержены критике. Указывалось, что в них недостаточно внимания обращается на культурные практики на местах, особенно это касалось молодежи на периферии «Запада»; отмечалось, что при таком подходе недооценивались более традиционные маркеры идентичности (пол, социальный статус, национальность, сети родных и друзей и т.д.), которые оставались для молодежи по-прежнему важными. По итогам критики предлагалось для проверки достоверности абстрактных моделей использовать местный контекст и обратить серьезное внимание на то, как сами молодые люди относятся к своим культурным практикам¹¹.

Базируясь на архивных материалах, мы в данной статье рассмотрим хулиганские молодежные «штабы» «оттепельных» лет и покажем, что такие неконформистские группы заимствовали идеи и символы для формирования своих культурных практик из различных источников. Включаясь в дискуссию об абстрактных моделях, мы считаем, что эти «общества» нельзя характеризовать как субкультуры, так как в них нет явного классового признака, а символические атрибуты и внутренняя культура далеко не стабильны и вы-

ражены нечетко, хотя, несомненно, отклоняются от официально преподносимой модели идеального советского молодого человека.

Молодежная криминальная среда послевоенных и «оттепельных» лет

В первые годы после смерти Сталина советские власти начали кампанию против хулиганства и другого «антиобщественного» поведения в молодежной среде. В отчетном докладе XI съезда ВЛКСМ 1949 года, первого послевоенного съезда, секретарь комсомола П.А. Михайлов еще не упоминал о проблеме молодежного хулиганства, хотя выступил с критикой верующих¹². Но уже на следующем, XII съезде ВЛКСМ, проходившем в 1954 году, меньше чем через год после смерти Сталина, новый секретарь комсомола А.Н. Шелепин отмечал, что иногда «на глазах у комсомольцев отдельные юноши ведут себя развязно, хулиганят» и раскритиковал те комсомольские организации, которые «остаются порой безучастными к этим фактам, не выносят их на суд общественности»¹³. Похожие высказывания звучали на комсомольских конференциях регионального уровня. Так, отчетный доклад московской отчетно-выборочной конференции 1954 года раскритиковал «факты недостойного, аморального, а порой и преступного поведения некоторой части молодежи», предоставив этому вопросу намного больше внимания, чем на предыдущих конференциях¹⁴. ЦК ВЛКСМ не только развернул критику хулиганства на съезде, но и издал серию документов, направленных против хулиганства. В июне 1954 года Бюро ЦК ВЛКСМ приняло постановление, направленное против хулиганства; подчеркивалась необходимость «вести решительную борьбу с этим злом»¹⁵. Несколько позже Бюро ЦК ВЛКСМ издало похожий указ против пьянства, призывавший «придавать общественному осуждению конкретных носителей антиобщественных поступков,

совершенных на почве пьянства»¹⁶. В 1955 году тремя своими постановлениями ЦК ВЛКСМ снова обратил особое внимание на антиобщественное поведение молодежи, показывая тем самым, что эти меры не кратковременная кампания, а важное направление деятельности комсомольской организации. Несомненно, самым важным из действий ЦК ВЛКСМ по этому вопросу было закрытое письмо ЦК ВЛКСМ от августа 1955 года, адресованное всем комсомольским организациям страны, от обкомов до первичных комсомольских организаций, осуждающее «факты нарушения общественного порядка, пьянства, хулиганства и различного рода уголовных преступлений»¹⁷. Это девятистраничное письмо, выпущенное тиражом в 600000 экземпляров, с инструкцией уничтожить его в течение трех месяцев после получения, было беспрецедентным в истории комсомола, хотя коммунистическая партия пользовалась подобными письмами и раньше. Используя это письмо, ЦК ВЛКСМ подчеркивал важность своей новой политики против нарушения общественного порядка, выделяя ее из обычных методов работы с целью придания этому вопросу большего значения для работы на местах¹⁸. Подавляющее большинство фактов о криминальных молодежных «штабах» этих лет, приведенных во второй части статьи, было почерпнуто мной из отчетов о хулиганстве в молодежной среде, появившихся в архивах комсомольских организаций благодаря именно этой новой политике ВЛКСМ.

Как же власти определяли, какое именно поведение нарушает общественный порядок? Постановление ЦК ВЛКСМ 1954 года о хулиганстве упрекнуло те комсомольские организации, которые «терпимо относятся к проявлению хулиганства среди молодежи, зачастую мирятся с тем, когда хулиганы бесчинствуют, устраивают драки, сквернословят»¹⁹. Письмо от августа 1955 года дало более подробный перечень тех, чьи модели поведения называют антиобщественными; это те, кто «отлынивают от труда, по-хамски относятся к

девушкам, прожигают золотую пору своей жизни в пьяном угаре, хулиганят, воруют». Например, в письме была приведена ситуация в Курской области, когда «группа молодых парней надругалась над девушкой. Хулиганы нанесли ей ножевые ранения, от которых она умерла». Из того же письма: «Хулиганство и воровство, как зараза, проникают даже в среду подростков... В школе ФЗО № 1 города Красноуральска Свердловской области долгое время бесчинствовала кучка распоясавшихся хулиганов...»²⁰. Таким образом, мы видим, что хулиганские действия, по определению власти, включали в себя драки, сквернословие, надругательство над девушками – от оскорбления до насилия, чрезмерную выпивку и дебоширство разных форм. Термины «хулиганство» и «нарушение общественного порядка» часто использовались для обозначения одних и тех же форм поведения, определявшихся советской властью как «девиантные» и подлежащие ликвидации. В 1956 году советское государство приняло новый закон о «мелком хулиганстве», который был уже предназначен для всех категорий населения, а не только для молодых людей; этот закон одной из своих целей ставил ликвидацию таких «девиантных» форм поведения, как сквернословие²¹.

Хотя кампания против нарушения общественного порядка развернулась в «оттепельные» годы, это не значит, что подобного поведения не было при Сталине. Высшие комсомольские органы обращали минимальное внимание на хулиганство совершеннолетней молодежи во время и после XI съезда (1949 год), но есть несколько постановлений, которые упоминают хулиганские поступки учащихся в школе, но не обостряют на них внимание. В одном из этих постановлений критикуется «недисциплинированность» среди учащихся в городе Горьком, но, к сожалению, это и похожие на него постановления не фокусируются на «антиобщественных поступках», а обращают большее внимание на плохую учебу и несоблюдение правил поведения в школе. Однако

даже это постановление дает нам возможность увидеть данные негативные аспекты мира учащихся, упоминая «многочисленные факты, когда школьники, представленные сами себе, плохо ведут себя на улице, в общественных местах. Только в январе 388 учащихся школ города были задержаны органами милиции за нарушение общественного порядка». Также это постановление включает в себя как пример лист «Правил для учащихся», оформленный в стиле стенгазеты и выпущенный тиражом в 200 000 экземпляров. Среди 20 правил, написанных на этом листе, одно направлено непосредственно против поведения, ассоциирующегося с хулиганством: «14. Не употреблять бранных и грубых выражений, не курить. Не играть в игры на деньги и вещи». Из остальных правил этого стенгазетного листа шесть требуют вежливого поведения и подчинения в школе и семье. Из этого тоже можно понять, что вежливость и подчинение администрации не всегда были свойственны учащимся²². Более подробно о хулиганстве можно узнать из материалов отчетно-выборных конференций комсомольских организаций на местах. Например, на конференции Мосгоркома, прошедшей в январе 1953 года, описывался «вечер дружбы» в Институте цветных металлов и золота, который «окончился групповой дракой»²³. Из записки отдела Управления по проверке партийных органов ЦК ВКП(б) от февраля 1947 года можно узнать, что уровень криминальности в Москве недавно поднялся, причем «в большинстве случаев преступления совершают уголовные элементы, в прошлом судившиеся, и молодежь. В числе последних многие работают на предприятиях или являются учащимися»²⁴. Но, в общем и целом, по данным письма Прокуратуры в ЦК КПСС, с 1948 по 1954 год число молодых людей до 25 лет, отданных под суд за уголовные преступления, резко упало. Так, если в 1948 году 246126 молодых людей были отданы под суд, то в 1950 году это число равнялось 191514, в 1952 году – 161344, а в 1954 году уже 146215 человек²⁵.

Если эта информация рисует картину антиобщественного поведения с позиции государства, то мемуары частных людей и интервью²⁶ помогают понять хулиганские аспекты мира дворов и улиц послевоенных и оттепельных лет советской истории. Рабочие окраины городов имели свои хулиганские компании, которые подразделялись по улицам и дворам: чужой, зашедший в такой район, мог ожидать драки.

Эта традиция существовала и до 1945 года. Так, во время эвакуации в Алма-Ате москвичка Ирина Борисовна, 1928 года рождения, жила на окраине города и ей приходилось идти в школу через «шанхай», где она должна была доказывать окружающим, что способна постоять за себя. Когда она первый раз хотела пересечь «шанхай», ее окружила толпа подростков-хулиганов; но Ирина взяла два кирпича и заявила потенциальным обидчикам, что, может быть, они и побьют ее, но и из них двое целыми не останутся «и драка рассосалась». Она смогла приспособиться к такой атмосфере; Ирина Борисовна рассказывает о себе: «Я вообще была драчунья, и когда в новой школе увидела, как дети делают рогатки и стреляют гвоздями, я, конечно, тоже сделала рогатку и тоже стреляла гвоздями»²⁷.

Другой информант, Владимир Михайлович, родившийся в 1946 году, рассказывает, как в девятом классе, уже в оттепельные годы, его друг Юра завел себе подружку в соседнем переулке. Шайка из этого переулка начала угрожать Юре, тогда он собрал на драку знакомых из своего переулка, включая и Владимира, и с их помощью сумел отстоять себе проход на «чужую» территорию²⁸.

Евгений Исаакович, 1946 года рождения, также вспоминает драки между дворами в Москве и проблемы, которые возникали у чужаков, пересекавших районы рабочих окраин. По пути во Дворец пионеров он бывал бит, с него сбивали шапку, крали деньги²⁹.

Одним из таких хулиганов был Герман Иосифович, который родился в 1934 году в Москве. Ныне он рассказывает о

себе: «С 4-го по 10-ый класс я был мальчишкой, которого любили ребята (правда, не все) и не любили учителя (за очень редким исключением)». Герман и его друзья, которых он называет «уличными пацанами», или «шпаной», развлекались тем, что прыгали с трамвая на сильном ходу, соревнуясь друг с другом в смелости. Было у них и такое опасное занятие: зимой, изготовив специальные «крюки-хваталки» из толстой прочной проволоки и надев коньки, ребята зацеплялись крюком за борт грузовика и катились за машиной по зимним скользким улицам. Кулачная драка среди этих детей «была возведена в ранг спорта» со своими жесткими правилами: драка идет до первой крови, по паху не бьют, лежачего не бьют, тяжелые, режущие предметы не используют. Герман с несколькими друзьями крал марки у коллекционеров: напросившись в квартиру как потенциальный покупатель, он, интеллигентного вида юноша, в тот момент, когда коллекционер был отвлечен напарником, бритвой вырезал несколько страниц альбома. Герман Иосифович рассказывает, что уличная шпана вместе с ним нередко была пионеров. Рядом с его домом находился Дом пионеров, в котором занимался знаменитый детский ансамбль, а «уличные пацаны ненавидели и весь ансамбль, и его руководителей, и пионеров... Пионеры были приближенны к власти, а мы были сами по себе, ничьи, полуголодные волчата, голодные шакалы, которым обидеть другого – не то, что не грех, даже кайф». Важно отметить, что сам Герман тоже состоял в пионерской организации: а под словом «пионер» в этом контексте имел в виду «хороших», примерных детей, делавших то, что им говорили, в отличие от «шпаны» вроде него самого. Он даже вспоминает, что уличные пацаны Сталина не любили и называли его «Сталин-сралин». Правительство они тоже не любили, так как власть, по его словам, «свободу не давала». Ему также были неприятны комсомольские активисты, которых он считал представителями той же самой власти. Сам он вступил в комсомол только в последние дни

школы, скорее всего для того, чтобы иметь возможность поступить в институт³⁰.

Надо отметить, что не только «шпана» увлекалась блатной тематикой, так как и в пионерских лагерях пелись блатные песни³¹. Один мемуарист, в прошлом московский подросток, однако не хулиган, вспоминает, что в их школе в Москве послевоенных лет хулиганы «построили особый мирок, центр которого находился вне школы, в более или менее преступных шайках (...) Возникало впечатление, что эти ребята враждебны общему типу жизни. Это были как бы диссиденты “снизу”... Наши хулиганы по типу лица, осанке, стилю одежды были какими-то вненациональными, горбоносими, как особый народ»³². Таким образом, можно увидеть, что дворовая культура рабочих окраин существовала и в сталинские времена, и во время хрущевской оттепели.

Хулиганские «штабы», «общества», «клубы»

Центральный Комитет ВЛКСМ послал в Ростовскую область бригаду работников для прояснения вопроса о хулиганстве среди молодежи; подавляющее большинство фактов в этой части статьи взято из детального отчета этой бригады. Можно предположить, что подобные исследования, проводись они в других городах, смогли бы нарисовать подобную же картину. Всего в Ростовской области в 1955 году к уголовной ответственности было привлечено 4084 человека; среди них в возрасте 12–17 лет – 619 человек, 18–24 лет – 1708 человек, 25–29 лет – 1757 человек. Среди них за убийство были привлечены 3 человека, за разбойное нападение – 127, за изнасилование – 22, за кражу государственного и личного имущества – 402 человека. Изменение цифр, касающихся молодежной преступности в Ростове, в целом соответствует тенденциям статистики по всей РСФСР, хотя темпы роста ростовских цифр несколько выше. Так, если в Ростове в 1954 году из тех, кого официальные источники име-

ную молодежь (не расшифровывая возрастных границ этой категории, но, скорее всего, имея в виду молодых людей в возрасте от 12 до 29 лет), к суду были привлечены 702 человека за 509 отдельных уголовных преступлений, то в 1955 году эта цифра составила 827 человек за 617 преступлений. Несколько выделяются преступления подростков в возрасте от двенадцати до семнадцати лет: за 1953 год статистика насчитала 39 уголовных преступлений, за 1954 год – 123, за 1955 – 191 преступлений³³.

Отчет бригады ЦК ВЛКСМ о криминальных «штабах» чаще всего опирается на расследования милиции. Одна из таких групп, раскрытая милицией в городе Ростове, состояла из учеников средней школы и рабочих завода «Ростельмаш», она включала в себя немалое количество комсомольцев³⁴. Эта группа собиралась в подвале жилого дома поселка Ростельмаш; по словам отчета, «чтобы в подвал не попадали посторонние, участниками сборов был введен пароль, сигнализация, выставлялось охранение». В подвале они «играли в карты, разучивали воровской жаргон и приемы воровства»; принимали в группу только тех, кто «давал денежный взнос, который разыгрывался в карты»; часто бывали драки, особенно среди тех, кто проигрывал. Некоторых членов группы арестовали за разные преступления³⁵. Источник, наполнявший внутреннюю культуру этой группы, более или менее ясен – это представления молодых людей о воровском мире. Анализируя эту группу, сложно назвать ее субкультурой, так как в ее внутреннем мире отсутствовала классовая основа, участниками ее оказывались и школьники, и рабочие. У группы отсутствовали четко выраженные символы и атрибутика (хотя и можно отметить начала «своего» языка, который в будущем мог бы стать одним из символов³⁶); граница между группой и обществом была не особенно строгой: надо было знать о месте сбора и дать денежную сумму, хотя, скорее всего, требовался и некоторый «уличный» стиль поведения, а также хотя бы шапочное знакомство с одним из участников.

Другое «общество» образовалось в Таганроге Ростовской области. Отчет бригады ЦК ВЛКСМ описывает, как в ноябре 1955 года эта группа послала письмо некоей гр. Бунякиной, востребовав 100 рублей, которые она незаметно должна была положить под камни, «иначе может пролиться кровь за сто рублей». В этом письме, подписанном «Атаманом “Черной стрелы”», обещалось, что будет сделан предупредительный выстрел в ее окно, что и произошло. Милиция, раскрыв данную группу, узнала, что она состоит из молодых людей в возрасте от 15 до 17 лет, учащихся средней школы; их «атаман» был даже членом комсомола. По словам отчета, «арест этой группы учащихся оказался большой неожиданностью для преподавателей и комсомольской организации школы, считавших их дисциплинированными и прилежными учащимися»³⁷. Об этой группе у нас меньше информации, чем о предыдущей, но можно предположить, что важным фактором для ее внутренней культуры была романтика книги Л.Р. Стивенсона «Черная стрела». Важно отметить, что в группе отсутствовал фактор классовой борьбы как важный аспект ее формирования и членства, а набор участников зависел, скорее всего, от дружеских связей, а не от особого стиля.

Более подробная информация сохранилась о «обществе» учащихся школ № 1, 3 и рабочих-подростков предприятия № 1 рыбкомбината г. Азова, раскрытом милицией. В 1953 году некоторые из них «под впечатлением прочитанных книг и просмотренных кинофильмов объединились в организацию под названием “Пиратский крейсер Рот”». Эта организация даже изготовила членские билеты, на обложке которых было написано «Смерть изменникам»; в центре была нарисована эмблема – череп и кости, а внизу стояла надпись «Пиратский крейсер Рот». Белецкий и Заичкин, участники этой группы, «впоследствии признались, что своей целью они ставили: не учиться, не работать, путешествовать, “красиво” жить». Белецкий начал делать финские ножи для членов общества. После раскрытия и ликвидации группы

милицией некоторые бывшие участники совершили серьезные преступления. Отчет рассказывает о том, как 20 февраля 1956 года Прядченко, 1938 года рождения, и Ровенским, 1941 года рождения, «был изнасилован и зверски убит» Поляков, 1939 года рождения, на тот момент ученик бондарного завода. После убийства Полякова Прядченко и Каменко, «боясь, что Ровенский может выдать их», 21 февраля 1956 года «заманили его за город и убили». Эти молодые люди, по результатам следствия, вооружались и «собирались выехать на Кавказ», а изначальная причина убийства Полякова была в том, что он не хотел отдавать Краменко имеющийся у него пистолет. Члены этой группы имели ключики вроде Джон Сильвер, Капитан Грей, Билли Бонс, Барон, полученные, как говорит отчет, в организации «Пиратский крейсер Рот». При аресте у одного из них был найден финский нож с надписями «Наши мечты сбудутся», «Англия – владычица морей» и изображением якоря и черепа с костями, что для милиции послужило подтверждением их принадлежности в прошлом к группе «Пиратский крейсер Рот»³⁸. Как указано в отчете, базирующемся на материалах следствия, атрибутика, символика и внутренняя культура «Пиратского крейсера Рот» позаимствованы из книг вроде романа Р.Л. Стивенсона «Остров сокровищ», а также трофейных фильмов и фольклорных песен про пиратов; наличие членских билетов указывает на влияние официальных комсомольских форм (аналогия с комсомольским билетом), а финские ножи и стремление к поездке на Кавказ – на роль криминального мира и исторических традиции свободного казачества. Эта «организация» не имела как базу классовую борьбу, но у нее была более ясно выраженная атрибутика и внутренние культурные практики.

Как показывает доклад на отчетно-выборной конференции Московского горкома комсомола, подобные «штабы» существовали не только в Ростовской области. По словам секретаря горкома Б.Н. Пастухова, «безделье и ложная роман-

тика» подбивают подростков на такие поступки, «которые потом фигурируют в сводках милиции». Например, Пастухов описывал ситуацию: «Посмотрев несколько раз подряд “Великолепную семерку”, группа ребят организовала свою “Семерку” с поэтическим названием “Алёнушка”». Эти молодые люди изготавливали оружие и занимались грабежом. Важно отметить, что то, «чему научил их комсомол, они активно использовали в своей работе. Регулярно проходили собрания, открытым голосом избирали руководителей, по очереди вели протоколы, даже собирали членские взносы»³⁹. Внутренний мир «Алёнушки», таким образом, формировался из по крайней мере двух источников: романтики Дикого Запада и официальных культурных практик комсомола. К сожалению, отсутствует достаточно информации, чтобы делать непосредственные выводы о субкультурном анализе на базе этих данных.

Заключение

В данной статье на основе архивных документов, а также мемуаров и интервью, рассматривалось то, что советские власти послевоенных и оттепельных годов называли хулиганским поведением или «нарушением общественного порядка» в молодежной среде (от 12 до 17 лет). С точки зрения государства хулиганство включало драки, грубое отношение к девушкам, пьянство, сквернословие и дебоширство. Подавляющее большинство документов относится ко времени массивной кампании против «нарушения общественного порядка», начавшейся в ранние оттепельные годы. Хулиганское поведение подростков и юношей существовало и в сталинские времена, но в поздние сталинские годы государство не проявляло особенной тревоги по этому вопросу. По данным мемуаров и интервью, «дворовая культура» рабочих районов имела достаточно много хулиганства; предполагалось разделение на «свих» и «чужих», а также негативное

отношение к пионерам и комсомольцам – прилежным мальчикам, идущим по «правильному» пути. Эта «дворовая культура» с хулиганскими и «блатными» элементами послужила важным контекстом для криминальных подростково-молодежных «штабов».

Для анализа молодежных «девиантов» чаще всего используется теория субкультур. Но мое исследование показывает, что базовая теория субкультур, популяризованная в 1970-х годах английскими исследователями, недостаточно гибка для анализа этих «штабов». В первую очередь опровергается идея о ключевой роли классовой борьбы, о субкультуре как проявлении протеста репрессированного рабочего класса. В «штабах» присутствовали далеко не только молодые рабочие, но и учащиеся, старшекласники средних школ. Более того, в некоторых штабах они не только присутствовали, но и преобладали, а иногда там не было никого, кроме старшекласников, вроде тех членов «Черной стрелы» – таких хороших, дисциплинированных учеников, что их учителя и ровесники были удивлены, узнав про их участие в криминальной группе. Сложнее ситуация с границами, отделяющими «клубы» от общества в целом. Если в подвале жилого дома Ростельмаша достаточно было денежного взноса, знания о месте, обладания общими навыками «дворовой культуры» и, скорее всего, контакта, то в других «обществах» требовалась глубокая включенность во внутреннюю культуру, хотя скорее всего преобладала важность сети друзей, нежели сами культурные практики: к сожалению, у нас нет достаточной информации об этом аспекте действия «штабов». Надо отметить, что у некоторых «обществ» зарождался внутренний язык – воровской жаргон, и своя символика и атрибутика – череп и кости на финских ножах, «Англия – владычица морей». Всё же эта символика не стала четко выраженной и, что самое главное, по большому счету отсутствовало ее яркое публичное выражение – символика, когда она присутствовала, была на членских билетах и ножах, то

есть не демонстрируемых объектах. Таким образом, яркое публичное выражение оппозиции, так требуемое для теории субкультуры, отсутствовало в этих «штабах».

Вместе с этим, надо обратить внимание на то, что хотя каждое из этих «обществ» просуществовало не более нескольких лет, у каждого был свой внутренний стиль поведения, и можно предполагать, что статус членов зависел от компетентности в этом стиле. Эти «штабы» можно объединить тем, что их внутренние культурные практики были неформальными, нонконформистскими и даже анти-конформистскими по отношению к официальному советскому представлению о «правильном» поведении и менталитете молодого человека мужского пола, например, комсомольского активиста, студента-отличника или молодого рабочего-ударника. Мы предполагаем, что в криминальных «штабах» молодые люди участвовали в реализации альтернативной маскулинности. Эти альтернативные образы были почерпнуты из нескольких источников. Во-первых, это «воровской мир». Во-вторых, романтика приключенческих книг и фильмов с тематикой пиратов, «благородных» разбойников, и ковбоев – типичных маскулинных «криминальных героев». Всех этих персонажей объединяет романтика криминальности и маскулинности, оппозиция государству и приверженность неофициальному мужскому сообществу.

Базируясь на этом анализе, можно констатировать, что в случае участников «штабов» коммунистическая партия не смогла достичь своих целей по формированию нового советского молодого человека. Нельзя сказать, что официальный образ идеального молодого юноши не повлиял на членов таких «обществ»: наоборот, некоторые из них в своей публичной жизни выполняли социальную роль, предписанную им для успеха в советской социальной системе, как, например, члены «Черной стрелы». Но в своей частной жизни они прямым образом противоречили этим официальным стандартам, принимая участие в культурных практиках, которые совет-

ские законы определили как криминальные, несомненно, понимая, что таким образом они идут против государства и общества в целом. Интересно отметить еще одно влияние официальных форм на криминальные «штабы»: присутствие форм позаимствованных из комсомольских практик и ритуалов (особенно в «Алёнушке»), которые использовались для целей во многом противоположных их изначальному предназначению. В совокупности всё это отражало альтернативный образ маскулинности каждого отдельного «штаба», и в то же самое время формировало личную маскулинность каждого участника, который с каждым действием в контексте «штаба» приближал себя к образу альтернативной маскулинности.

Примечания

- ¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), фонд (ф.) М-1, опись (оп.) 33, дело (д.) 813, лист (л.) 10.
- ² Ленин В.И. Задачи союзов молодежи. Речь на III Всероссийском съезде Российской Коммунистической Союза Молодежи 2 октября 1920 года // Ленин В.И. Избранные произведения: В 3-х тт. М., 1971. С. 408.
- ³ Как его назвали Л. Алексеева и П. Гольдберг. См.: *Alekseeva L., Goldberg P. The Thaw Generation: Coming of Age in the Post-Stalin Era.* Boston, 1990.
- ⁴ Как выразился ЦК КПСС в поздравлении XIV Конгрессу ВЛКСМ. См.: Справочник партийного рабочего. Вып. IV. М., 1963. С. 681–684.
- ⁵ Этот ярлык, по теории маркирования (labeling theory) навешивается доминантными группами общества на социально слабые группы, которые каким-то образом противостоят власти доминантных групп; таким образом осуществляется социальный контроль. В нашем контексте, доминантные группы – это те государственные деятели, которые через официальный дискурс и государственную политику маркировали некоторых молодых людей как «девиантов», потому что последние выходили за рамки предложенного поведения. Про теорию маркирования смотрите классическую работу *Becker H.S. Outsiders: Studies in the Sociology of Deviance.* New York: The Free Press, 1973 [1966]. О дальнейшем использовании этой теории см.: *Pfohl S. Images of Deviance*

and Social Control: A Sociological History. New York: McGraw-Hill, Inc, 1994. P. 345–98; *Traub S.H.* and Little C.B. eds. Theories of Deviance. Itasca: F.E. Peacock Publishers, Inc., 1985. P. 277–332.

- ⁶ Стиляги, молодежь, настроенная на западноевропейский и американский стиль и культуру, описаны во многих работах, например: *Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р.* Фарца: Подполье советского общества потребления // Неприкосновенный запас. 2005. № 5; *Edele M.* Strange Young Men in Stalin's Moscow: The Birth and Life of the Stiliagi, 1945–1953 // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 2002. № 50.1. P. 37–61; *Roth-Ey K.* Mass Media and the Remaking of Soviet Culture, 1950s–1960s. Ph. D. diss.: Princeton University, 2003. P. 46–98; *Fürst J.* The Importance of Being Stylish: Youth, Culture and Identity in Late Stalinism // In Fürst ed., *Late Stalinist Russia*, P. 209–230; Stites R. *Russian Popular Culture: Entertainment and Society since 1900*. New York: Cambridge University Press, 1992. P. 123–147; *Pilkington H.* *Russia's Youth and its Culture: A Nation's Constructors and Constructed*. New York: Routledge, 1994; *Fitzpatrick S.* *Social Parasites: How Tramps, Idle Youth and Busy Entrepreneurs Impeded the Soviet March to Communism* // *Cahiers du monde russe*. 2006. № 47: 1–2. P. 1–32.

Про политическую оппозицию см.: *Ваксер А.З.* Ленинград послевоенный. 1945–1982 годы. СПб., 2005. С. 410–33; *Силкина Л.В.* Настрое- ния советского студенчества, 1945–1964. М., 2004; *Zubkova E.* *Russia After the War: Hopes, Illusions and Disappointments, 1945–1957*. Armonk: M.E. Sharpe, 1998; *Tromly B.K.* *Re-Imagining the Soviet Intelligentsia: Student Politics and University Life, 1948–1964*. Ph. D. diss.: Harvard University, 2007; *Kharkhordin O.* *The Collective and the Individual in Russia: A Study of Practices*. Berkeley: University of California Press, 1999. P. 279–302; *Герасимова О.Г.* Общественно-политическая жизнь студенчества МГУ в 1950-х – середине 1960-х годов. Дисс. канд. ист. наук. М., 2008.

- ⁷ Про хулиганство в отпелные годы в более обширном смысле см.: *LaPierre B.* *Defining, Policing, and Punishing Hooliganism in Khrushchev's Russia*. Ph. D. diss., University of Chicago, 2006; *Ibid.* *Making Hooliganism on a Mass Scale: The Campaign against Petty Hooliganism in the Soviet Union, 1956–1964* // *Cahiers du monde russe*. 2006. № 47: 1–2, P. 349–375; *Ibid.* *Private Matters or Public Crimes: The Emergence of Domestic Hooliganism in the Soviet Union, 1939–1966* // In Siegelbaum, L.H. ed. *Borders of Socialism: Private Spheres of Soviet Russia*. New York: Pallgrave Macmillan, 2006. P. 191–207; *Dobson M.* “Show the Bandit-

Enemies no Mercy!": Amnesty, Criminality, and Public Response in 1953 // In Jones P. ed. *The Dilemmas of De-Stalinization: Negotiating Cultural and Social Change in the Khrushchev Era*. New York: Routledge, 2006. P. 21–40; *Kozlov V.A.* Mass Uprisings in the USSR: Protest and Rebellion in the Post-Stalin Years. Armonk: M.E. Sharpe, 2002; *Hessler J.* Death of an African Student in Moscow: Race, Politics, and the Cold War // *Cahiers du monde russe*. 2006. № 47: 1–2. P. 33–63.

Хулиганство этих лет упоминается в следующих изданиях: *Kelly C.* *Children's World: Growing Up in Russia, 1890–1991*. New Haven: Yale University Press, 2007; *Fürst J.* *Between Salvation and Liquidation, Homeless and Vagrant Children and the Reconstruction of Soviet Society* // *The Slavonic and East European Review*. 2008. № 86: 2. P. 232–58.

Про эпизоды хулиганского поведения советской молодежи в другие времена см., напр.: *Громов Д.В.* Люберецкие уличные молодежные компании 1980–х годов: субкультура на перепутье истории // *Этнографическое обозрение*. 2006. № 4. С. 23–38; *Hagenloh P.* Juvenile Delinquency, Social Welfare, and Soviet Criminology in the 1930s // Conference paper at the Forty-Sixth Annual Southern Conference on Slavic Studies in Atlanta, Georgia. March 27–29, 2008.

⁸ Хотя эти документы дают взгляд с точки зрения государства, их функция была передать информацию наиболее точным образом, что позволяет исследователям наиболее близко приблизиться к тому, что происходило в бытовой жизни. Эти документы были извлечены из следующих архивов: РГАСПИ, который содержит архив ВЛКСМ и архив КПСС до 1953 года; Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ), который содержит архив КПСС после 1953 года; Центральный архив города Москвы (ЦАГМ), в котором содержится архив московского правительства; Центральный архив общественно-политической истории Москвы (ЦАОПИМ), в котором находятся документы московского КПСС и ВЛКСМ.

⁹ Работы зарубежных исследователей, использующих эту концепцию: *Cohen S.* *Folk Devils & Moral Panics: The Creation of the Mods and Rockers*. New York: Basil Blackwell, 1987; *Widdicombe S., Wooffitt R.* *The Language of Youth Subcultures: Social Identity in Action*, Cambridge: Harvester Wheatsheaf, 1995; *Schildt A.*, and Siegfried D. eds. *European Cities, Youth, and the Public Sphere in the Twentieth Century*. Burlington, Ashgate Publishing Company, 2005; *Ibid.* *Between Marx and Coca-Cola: Youth Cultures in Changing European Societies, 1960–1980*. New York, Berghahn Books, 2006; *Brake M.* *Comparative Youth*

- Culture: The Sociology of Youth Cultures and Youth Subcultures in America, Britain, and Canada. New York, Routledge, 1985; и т.д.
- ¹⁰ См. подборку статей с пост-субкультурным анализом: *Bennett A. and Kahn-Harris K. eds. After Subculture: Critical Studies in Contemporary Youth Culture.* New York: Palgrave Macmillan, 2004. Особенное внимание стоит обратить на вступление, которое имеет краткую историю теоретического подхода к анализу молодежных стилей: *Bennett A., Kahn-Harris K. Introduction // In Bennett, and Kahn-Harris eds. After Subculture.* P. 1–18. Некоторые российские исследователи недавно также начали критиковать теорию субкультурности: *Гладарев Б.С. Формирование и функционирование milieu (на примере археологического кружка ЛДП-ДТЮ 1970–2000 гг.) // К 30-летию археологического кружка ДТЮ / Под ред. А. Виноградова, А. Иконникова-Галицкого. СПб., 2001. С. 240–276.; Гладарев Б.С. Жизненные миры «особой» ленинградской молодежи // Неприкосновенный запас. 2004. № 4.*
- ¹¹ См.: *Pilkington H., Johnson R. Peripheral Youth: Relations of Identity and Power in Global/Local Context. // European Journal of Cultural Studies.* 2003. № 6: 3, P. 259–283; и др.
- ¹² *Михайлов П.А.* Отчетный доклад на XI съезде комсомола о работе ЦК ВЛСЖМ. М., 1949. С. 32. Более подробно о подходе послевоенных советских властей к хулиганству, особенно про то, как мало внимания обращалось на это публичный дискурс, см.: *Fürst J. Stalin's Last Generation: Soviet Youth and the Emergence of Mature Socialism 1945–56. Unpublished manuscript: forthcoming, 2009. Гл. 5.*
- ¹³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 80. Л. 111–112.
- ¹⁴ ЦАОПИМ. Ф. 635. Оп. 13. Д. 267. Л. 44.
- ¹⁵ Постановление «О борьбе комсомольских организаций с проявлением хулиганства среди молодежи». См.: РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 3. Д. 831. Л. 9.
- ¹⁶ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 3. Д. 841. Л. 81. ЦК КПСС принял похожее решение о борьбе с пьянством всех советских граждан, не только молодежи См.: *Трущенко Н.В., Мышенков Б.И.* Наследникам революции. Документы партии о комсомоле и молодежи. М., 1969. С. 394–398.
- ¹⁷ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 3. Д. 878. Л. 72.
- ¹⁸ Я описываю этот новый курс и его имплементацию более подробно: *Tsipursky G. Citizenship, Deviance, and Identity: Soviet Youth Newspapers as Agents of Social Control in the Thaw-Era Leisure Campaign // Cahiers du monde russe, forthcoming.*
- ¹⁹ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 3. Д. 831. Л. 9.
- ²⁰ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 3. Д. 878. Л. 76.

- ²¹ Хотя, как показывают исторические исследования, этот закон не был особенно эффективен. См.: *LaPierre B. Making Hooliganism on a Mass Scale. The campaign against petty hooliganism in the Soviet Union, 1956–1964 // Cahiers du monde russe. 2006. № 47: 1–2.*
- ²² РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 3. Д. 567. Л. 126–128.
- ²³ ЦАОПИМ. Ф. 635. Оп. 13. Д. 133. Л. 37.
- ²⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 289. Л. 2–12.
- ²⁵ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 232. Л. 11.
- ²⁶ В 2008–2009 годах нами взяты интервью у людей, которые в послевоенные и оттепельные годы были студентами московских вузов. Для сохранения анонимности я даю год рождения, имя, и вымышленное отчество.
- ²⁷ Ирина Борисовна. Зап. 7 ноября 2008 года.
- ²⁸ Владимир Михайлович. Зап. 7 ноября 2008 года.
- ²⁹ Евгений Исаакович. Зап. 21 января 2009 года.
- ³⁰ Помимо интервью с Германом Иосифовичем 6 февраля 2009 года, нами использованы его неопубликованные мемуары «Самоанализ, или развеять мифы».
- ³¹ Козлов А. «Козел на саксе» – и так всю жизнь. М., 1998. С. 55–68.
- ³² Кара-Мурза С.Г. «Совок» вспоминает... М., 2002.
- ³³ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 32. Д. 813. Л. 9–10.
- ³⁴ Надо помнить, что на данный момент далеко не все молодые люди принадлежали к комсомолу, особенно в школьном возрасте. Только к 1958 году более чем половина молодых людей, которые могли бы стать членами комсомола, станут ими. Комсомол еще был в некотором смысле элитной организацией, и таким образом нелегальные действия членов комсомола были особенным объектом внимания властей. Про комсомольскую организацию этих времен см.: *Kassof A. The Soviet Youth Program: Regimentation and Rebellion. Cambridge: Harvard University Press, 1965. P. 14–18.*
- ³⁵ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 32. Д. 813. Л. 9.
- ³⁶ Про важную роль «своего» языка для формирования субкультур см.: *Widdicombe S., Wooffitt R. The Language of Youth Subculture, Brighton: Harvester, 1995. P. 30–54.*
- ³⁷ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 3. Д. 904. Л. 28–29; РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 32. Д. 813. Л. 10.
- ³⁸ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 32. Д. 813. Л. 11.
- ³⁹ ЦАОПИМ. Ф. 635. Оп. 15. Д. 188. Л. 51–52.

ПАЦАНСКИЕ ПРАВИЛА **(на материалах московского региона,** **1980–2000-е годы)**

Д.В. Громов, С.А. Стивенсон

Настоящая статья основывается на результатах двух независимых друг от друга исследований. Исследование Д.В. Громова посвящено участникам уличных группировок 1960–1980-х годов, в то время как С.А. Стивенсон опрашивала участников группировок в середине 2000-х¹. Данная статья, за исключением особо оговоренных случаев, построена на высказываниях информантов, живущих в Москве и ближнем Подмосковье. Отметим, что московские традиции и практики в целом сходны с теми, которые бытовали и бытуют в других городах Советского Союза, а позже России и ее ближнего зарубежья.

Конечно, подростково-молодежная уличная среда в Москве и Подмосковье с начала 1980-х годов по нынешнее время заметно изменилась. В 1980-х этот слой был очень значительным; например, 14 февраля 1987 года милицейской сводкой было зафиксировано перемещение по Москве группы подростков и молодых людей численностью около 600 человек, и эта группа на тот день на московских улицах была не единичной². К 2000-м годам данный слой значительно уменьшился, изменилась его структура. Но, тем не менее, как мы покажем далее, несмотря на кардинальные социальные изменения, сохраняются определенные константы его бытования.

Во вступительной статье к данному сборнику в общих чертах описывается, что понимается под **молодежными уличными группировками**.

В данной же статье мы сосредоточимся на рассмотрении одного из аспектов данной темы, а именно – на **системе правил, нормирующих поведение** внутри группы и в уличной среде. Там же мы говорили, что со второй половины

1980-х годов в уличной среде утвердилось самоназвание *пацаны*; это слово часто трактуется с точки зрения нормативности поведения, так, нам неоднократно случалось слышать мнение, что под категорию пацанов попадают те, кто ведет себя согласно правилами, установленным на улице.

Буквально каждый из наших собеседников говорил о существовании таких правил, однако никто не упомянул их как какого-либо разработанного кодекса, тем более, зафиксированного в виде письменного или устного текста:

«Были правила. Их очень быстро осваивали. Когда делал что-то не так, тебе объясняли, что не так. Без злобы, не наказывали – просто объясняли. Говорили: “Пацану так делать запаadlo”» [В.В., 1 пол. 1980-х гг.].

В отличие от тюремной субкультуры, пацаны обычно не называют нормы поведения, обязательные для членов группы, *понятиями*. Они называют их *правилами* или *обязанностями*.

В чем состоят эти правила и обязанности, и каковы их организующие принципы?

Гегемонная маскулинность

Безусловной доминантой поведения пацанов являются требования *построения мужской идентичности*. Идеализированный образ «настоящего мужчины», готового постоять за себя, своих друзей, свою территорию возникает практически во всех интервью. Конструирование такой маскулинности предполагает особую самопрезентацию и телесную стилизацию, в которой воплощается образ мужчины³. Вслед за Коннеллом⁴ мы можем назвать такую маскулинность гегемонной.

Конструирование гегемонной маскулинности требует от пацана демонстрации храбрости, азарта, надежности, само-

контроля, чувства собственного достоинства. Все эти качества указывают прежде всего на силу характера⁵. Перечень «мужских» качеств уличных пацанов можно продолжить. В частности, многие отмечают как обязательное качество верность слову; широко распространена формула «пацан сказал – пацан сделал»:

«Пацан всегда отвечает за свои слова. Если он что-то пообещал сделать, он сделает».

«Есть кто-то, кто наврал, или стукач. Это уже всё, не пацан» [2006 г.].

Настоящий пацан всегда достигает своих целей:

«Он может делать всё, что он хочет. Он выпутается из любой ситуации» [2006 г.].

Непременный атрибут пацана – умение драться. Пацан должен быть всегда готов к драке. Нельзя бояться драки – это ставит тебя в невыгодное положение на улице.

«Надо не бояться, что у тебя личико будет грязное или побитое, то есть люди, которые в школе учатся, больше всего заняты как бы полезными делами. Ну не то что полезными... ну, образованием там занимаются, в кружки ходят... им главное, чтоб – ой, там, царапинка, ой, порезик...Безразлично тебе должно быть» [2006 г.].

Пацану нельзя не ответить на вызов – как личный, так и групповой. Уклонение от вызова считалось и считается трусостью и порицается.

Все эти мужские качества пацанов, приобретаемые в уличных компаниях, должны помочь им в дальнейшей, взрослой жизни. Вот, например, как об этом высказались участники фокус-группы, проведенной в 2006 году:

«Интервьюер: А что именно дает компания для будущей жизни?»

– Ну, для жизни, ты будешь просто как бы подготовлен. Не маменькин сыночек, а ты уже будешь знать, как, что и кому когда ответить. Например, на тебя с каким-нибудь наездом покатили, а ты уже понимаешь, как вести себя. А если ты, там, сидел всю жизнь дома, играл в компьютер, гулял с какими-нибудь ботаниками [неуличными молодыми людьми – *сост.*]⁶, ну и будет тебе тридцать лет, и будет у тебя жена, ну и кто-нибудь на тебя наедет, то тебе придется им просто деньги отдать и всё. Он даже им ничего сказать не сможет.

– И опозорится.

– Вот, тебе лет тридцать, подошли к тебе какие-нибудь подростки. Ну, пускай ты даже сильнее их, но всё равно они тебя разведут [заставят отдать им деньги или ценности – *сост.*]» [2006 г.].

Часть предписаний пацанской среды связана с **презентацией тела, с одеждой и манерой поведения**. Акцент здесь делается на чистоте, сдержанности, особой щепетильности. Вот одно из характерных высказываний:

«Например, пацану было запаadlo курить чинарики. Если ты набрал на земле окурков и курил их – не дай бог, кто-то узнает, будет позор. Вообще, запаadlo было за кем-то докуривать, доедать, допивать, донашивать чужую одежду. У пацана должно быть всё свое. Если и донашивать за кем-то, то только за близким родственником – братом или отцом» [В.В., 1 пол. 1980-х гг.].

А вот высказывание современного пацана о подвале, в котором собираются панки:

«Когда заходишь в их подвал, то видишь, что они себя ведут как свиньи. У них там полный бардак. Они могут по подвалу ходить голые. Я никогда не разденусь в чьем-то присутствии. Даже для медкомиссии. Для меня это унижительно. Пацан должен уважать себя» [2006 г.].

Говоря об одежде, современные пацаны подчеркивали, что они «одеваются по-обычному». Но при этом одежде уделяется большое значение – она ценится, и по-возможности пацаны стараются приобрести модные куртки, кроссовки. Как сказал один из участников фокус-группы, «я не рэпер, не скин. Просто одеваюсь, обычно, но дорого» [2006 г.].

Показателен пример использования в пацанском костюме аксессуаров, заведомо непрактичных, продиктованных щегольством. Так, например, в компаниях самарских «фураг» [1970 – нач. 1980-х гг.] носили белые шарфы. Одна из наших информанток [С.Д. Ижевск, нач. 1990-х гг.] рассказывала, что когда она сделала замечание своему знакомому (он не входил в группировки, однако вырос в рабочем районе), который ходил в темных брюках и ботинках, но белых носках, тот с обидой ответил: «Они белые – значит, видно, что я аккуратен, слежу за собой».

Требования сдержанности и контроля распространяются на речь. **Владение речью** является чрезвычайно важным для пацана:

«Главное пацан не должен говорить того, за че потом не сможет ответить..... язык наш, враг наш... не матюкайтесь без повода в чей либо адрес (а то проканаете за пиз###бола)» [2006 г.]⁷.

Как нам кажется, связано с этим (хотя и при несколько иной мотивации) и ограничение на матерную речь, в 1990-е годы бытовавшее в бандитских кругах:

«У братков не принято было материться. Потому что матюкаются – от слабости. Вот, скажем, начинают с кем-то общаться, а он вдруг матерится. Значит – боится. Значит виноват – его можно раскурютить. Поэтому разговаривали – спокойно, вежливо» [В.Н., 1990-е гг.].

Пример «правильного», спокойного поведения при словесной конфронтации – в рассказе двадцатилетнего хулса (футбольного хулигана):

«Тут один говорит: “Стиль жизни хулсов – говно”! Я ему говорю: “Ты даже не понял, скольких людей ты обидел”. Он стоит, думает» [П.Л., 2008 г.].

Тот же информант обрисовал ситуацию «неправильного», излишне эмоционального поведения при конфликте:

«Я к нему обращаюсь: “Мы не в том возрасте уже, когда на драку ходят как на праздник. Мы просто хотим узнать, за что ты нашему другу испортил здоровье”. Он сначала говорил: у меня крыша чеченская, потом крыша стала дагестанской. Я ему говорю: “Что ты гонишь...”» [П.Л., 2008 г.].

Крайне высоко ценится умение построить взаимодействие на улице таким образом, чтобы собеседник ощутил, что за пацаном есть сила, и его угрозы не являются пустым звуком. Для тех пацанов, кто занимается вымогательством на улице, важным считается владение навыками «развода» (вымогательства) и «загрузки» (перформативных практик насилия). При встрече с возможной жертвой пацан должен уметь «загрузить» собеседника так, чтобы тот сам отдал требуемые деньги или материальные ценности и тем самым его благополучно «развести», не прибегая к физическому насилию:

«Ты подходишь, тебе нужно это как-то с умом сделать. Не просто подойти и отнять. Нужно нормально это сделать, объяснить. Чтобы он сам отдал» [2006 г.].

«Загрузка» может включать в себя ссылки на необходимость помочь товарищам, находящимся в местах заключения, прямой обман (обещание отдать в ближайшее время деньги или телефон), рассказ об обрушившихся на пацана несчаст-

ях и так далее. Жертва, расставшись со своими ценностями в результате «развода» и не проявив сопротивления, превращается в «терпилу», в объект дальнейших вымогательств.

Враги и свои

Одной из главных обязанностей пацана является охрана **территории** (своего двора, спортплощадки, парка, микро-района) и недопущение на нее групп чужаков. Пожалуй, в каждом городе можно встретить районы, в которые молодые люди «не ходили», поскольку населявшая район молодежь строго пресекала появление чужаков. Например, москвич, чье детство и юность в 1950–1960 годы прошли в Филях, в качестве «запретного» места отметил окрестности находившегося здесь толевого завода [П.Б.].

А вот выдержки из рассказов пацанов второй половины 2000-х:

«Вот, например, если есть двор, где мы тусуемся, собираемся всё время. Если просто кто-то будет там гулять с этих домов, с соседних, мы как бы ничего. А если уже группа лиц, группировка какая-нибудь, то тогда, конечно, мы будем говорить, что это наша территория».

«Если к нам приедут человек 20, то они сразу получают. Могут приехать домой без денег, без телефонов, без всего и еще получив по шее» [2006 г.].

«У меня бабушка живет на Багрицкого. А вниз туда идти – там начинается рабочий райончик, там не хожу» [П.Л., 2008 г.].

При этом отношение уличной молодежи к молодежи из других группировок обусловлено сложной системой симпатий и антипатий. И в советское, и в постсоветское время конкретная компания могла дружить с рядом соседских ком-

паний, но находиться в состоянии конфликта с другими компаниями, что создавало в городском ландшафте определенную коммуникационную сеть. Отношение к подросткам и молодым людям, не включенным в уличную среду, могло быть разным – от дружелюбного до агрессивного: это зависело от личных качеств «не уличного» юноши, от уровня агрессивности, считавшегося в группе нормативным и т.д.

Очень важно для пацана поддерживать уличное братство. В уличных компаниях считается обязательным **выступить на защиту своих**, помочь, если кто-то из товарищей подвергся нападению:

«Твоя команда за тебя должна заступиться, должна. Не дай бог кто-то тебя обидел, если вдруг что-то случилось – ты придешь: “Блин, ребята, меня тут вчера вот такие-такие-то! Давайте поедем, с ними разберемся”» [И.Э, 1 пол. 1980-х гг.].

Один из информантов-москвичей, чья юность пришлось на середину 1980-х, рассказывал, что однажды они подверглись нападению некоей пацанской группы и после, вернувшись на место происшествия большой компанией, сумели поймать представителя нападавших. Не подвергая его значительной экзекуции, пострадавшие решили «честно» подражаться с его товарищами и отправились на место жительства «пленного», где вскоре собралась толпа местных и произошла драка. На вопрос: «А если бы они не вышли к вам?» информант объяснил, что такое было маловероятно, поскольку те не могли не помочь своему товарищу, который «попал в плен».

И постсоветские пацаны говорили о том, что есть «обязанность – это что ты должен всегда заступиться за своего товарища, не бросать никогда, помогать» [2006 г.].

Отношения взаимопомощи могут распространяться на «союзнические» компании. При этом сложилась определенная экономика насилия, предполагающая в некоторых случаях

материальное вознаграждение за помощь, как свидетельствует, например, следующий фрагмент из фокус-группы:

«– Если я вот знаю какую-нибудь компанию и мне нужна помощь, я просто приду, скажу там, помогите и всё.

– Рассчитаемся, если что.

Интервьюер: Рассчитаемся, в смысле, то же самое сделаете для них, да?

– Ну, то же самое для них – это само собой. А еще может пивка там пару ящичков.

– А если они за нас пошли махаться, то в следующий раз, если им нужна помощь, то это автоматически» [2006 г.]

Традиция взаимопомощи может воспроизводиться на протяжении не одного поколения. Так, в следующем случае за соблюдением правил поведения в молодежной среде следит отец:

«У нас был случай: на двух пацанов напали, и один из них стал драться, а другой прыгнул в проходивший мимо автобус и уехал. Испугался то есть и сбежал. Так вот, отец того, который сбежал, специально сам ходил извиняться за сына. Боялся, что того будут в районе презирать» [К.С., 1 пол. 1980-х гг.]

Также нам доводилось наблюдать эпизод, когда мужчина, встретив в автобусе мальчика-подростка, распознал в нем сына своего давнего друга, после чего познакомил с ним своего сына и строго объяснил: «Мы друг другу всегда помогали, и вы, если что, теперь обязаны помогать». Таким образом мужчина попытался воспроизвести в следующем поколении традицию пацанской взаимовыручки.

Пацанские группировки противостоят миру взрослых, учителям, преподавателям, вообще педагогическому персоналу, а в советские времена – противостояли еще и комсомольскому руководству. Наиболее выражено это в отноше-

нии к милиции. Пацан никогда не должен сдавать своих товарищей органам правопорядка.

Воспроизводится эта норма и в постсоветское время. Донос на товарищей и сотрудничество с милицией – пожалуй, единственное нарушение правил, которое обязательно сопровождается исключением из группы.

Но, в отличие от норм тюремной субкультуры, налаживание отдельными подростками связей с представителями органов милиции (на предмет вызволения попавших туда товарищей и для неформального разрешения других конфликтных ситуаций) не порицается, а напротив, поощряется.

Качеством, положительно отличающим пацана, является и то, что он **«угощает пацанов»** – иначе говоря, проявляет щедрость, организуя совместные «застольные» практики.

Уличные статусы

Воплощением настоящего пацана является лидер группы. Отвечая на вопрос о личных качествах известных им лидеров уличных группировок, бывшие и нынешние пацаны отмечали физическую силу; причем часто – в первую очередь.

«Просто у него была бешеная растяжка, он мог подпрыгнуть и ногой лампочку выбить с плафона. Ну парень спортом занимался, всю жизнь. Он накачанный был и всё. Он был просто спортивный» [А.Е., 1 пол. 1980-х гг.].

Помимо силы называют личностные качества: активность, агрессивность, организаторские умения:

«Это самые здоровые ребята были. Он, допустим, метр-девятисто, да? Ну да, и характер, естественно... Борзый, накачанный...» [И.Э., 1 пол. 1980-х гг.].

Однако, проводя большую часть времени в среде, где постоянно существует опасность насилия, пацаны учатся ре-

гулировать насилие и осваивают правила и роли, которые могут как гасить, так и развязывать столкновения.

По данным некоторых интервью, большим уважением в уличной среде может пользоваться человек, который умеет «перетирать» конфликты; условно мы его назовем **дипломатом**. Дипломат может даже не участвовать в повседневной уличной жизни, но привлекаться только в особых случаях:

«Четкий пацан – это в основном как-то к «дипломатам» среди пацанов относится. Которые не обязательно вопросы серьезные решают, но держат как-то всех в стороне от ненужных конфликтов. (...). Это такие свои в доску пацаны, которые всё понимают, в теме понятий, могут выслушать и дать совет или чем-то помочь как в быту, так и в пацанских раскладах, плюс помирить стороны в начале конфликта» [А.Г., 2008 гг.].

«У меня старший сын – хороший такой парень вырос. Когда уличным ребятам надо было какие-то конфликтные вопросы решать, например, с ребятами из соседнего района, они его всегда приглашали. В переговорах он стал участвовать с четырнадцати лет, когда был значительно младше собственно переговорщиков. Он как-то умел со всеми ладить и договариваться. При этом он был абсолютно неагрессивен, не хотел и не умел драться. И его очень уважали, хотя он во дворе-то особо и не бывал. Но когда ходил на сольфеджио, это тоже вызывало уважение, и его даже провожали до музыкальной школы. Всех в округе знал» [В.З., 2 пол. 1980-х гг.].

Сравнительно нечасто, но в уличных компаниях встречается такая значимая роль, как **задира**:

«Я помню – невысокий был... забыл, как зовут его... такой невысокий, худой – но задира-а... как шавка. Он всегда задибался, и вот после этого всегда начинали куролесить» [Н.А., 1 пол. 1980-х гг.].

Поведение задиры должно быть артистичным; ему надо превратить начало драки в спектакль. Многие из тех, кто стал объектом агрессии, могут вспомнить, что поведение нападающих молодых людей содержит элементы игры: они шутят, красуются друг перед другом, бравируют своей силой.

«В свое время был зарубежный фильм, в котором показывалось, как хулиганы грабили прохожих: предлагали им купить кирпич за крупные деньги. Мы, этот фильм посмотрев, тоже так делали. Сидим, скажем, в парке, у танцплощадки. Идет военный, отдыхает. Леха ему: “Эй, мужик! Купи урну!” Тот оглянулся: “Ребят, зачем мне урна?” Мы ему: “Мужик! Купи урну, да?” Ему делать нечего – достает деньги, отсчитывает нам, сколько сказали. “Всё, теперь урна твоя. Бери ее, уноси”. – “Да пускай стоит...” – “Сказали – уноси”. Ему делать нечего – поднял, понес. Унес так, чтобы не было видно – слышим, урна загремела, покатилась» [М.Я., начало 1970-х гг., Ялта].

«Уже, наверное, ныне не всем понятная схема товарно-денежного оборота, когда прохожим предлагалось приобрести кирпич, умыкнутый со строек. Вариантов собственно было два – купить или получить кирпичом. Еще иногда ненавязчиво предлагалось приобрести чугунные урны, стоявшие возле скамеек на бульварах. Мне кирпич и в Казани, и в Барнауле предлагали, а урну в Одессе. В Москве я сотоварищи честно продали кирпич и одну урну на Рождественском бульваре). Особо популярно было в районе Самотеки» [М.Б., 1980-е гг., самозапись].

После успешного окончания драки она активно обсуждается, изыскиваются веселые моменты, чему немало способствует артистическое поведение задир в ходе драки. Подобного рода позитивные воспоминания становятся фактором, сплачивающим компанию.

Впрочем, статус задиры не всегда высок – нам встречались случаи, когда эту роль исполняли за долги.

Современные пацаны также иногда указывают на наличие определенных **ролей**. Эти роли актуализируются, например, в коллективных драках, описание которых напоминает описание военных сражений:

«Интервьюер: А когда начинается драка, можно сказать, что есть задира, кто ее начинает?

– Всегда такое бывает.

– В драке всегда должен быть кто-нибудь первый. Задира или лидер, как Илья Муромец.

– Первый идет, а толпа за ним.

– Впереди стоят самые мощные, длинные, здоровые.

– Посередине стоят помладше, а в конце стоят такие здоровые. Драка начинается, и если своих бьют, они видят и уже раскидывают» [2006 г.].

«У нас был свой боевой строй и своя боевая тактика.

Схема боев примерно такая: во время столкновения основное ядро пробивалось в центр превосходящей толпы противников, опустошая середину и наводя ужас на всю массу. Затем разделялись на две шеренги, одна гнала прочь заднюю часть, а другая развернувшись била в тыл первым рядам соперников, не оставляя им шансов на спасение» [В., кон. 1980-х гг.].

Продолжая разговор об уличных статусах, отметим, что в советское время неизменно высок был статус **отслуживших в армии**. Уклонение от службы в армии в уличной среде не одобрялось. После армии, как правило, к деятельности в уличных группировках не возвращались.

«Потому что мои сверстники – тоже пришли из армии, тоже пошли работать. Я же не буду с молодыми ездить! Как-то уже не то... Тогда это считалось как-то не пре-

стижно что ли. Молодые должны общаться с молодыми, старшие – со старшими. Как-то раньше в Люберцах (наверно, и во многих городах, везде) те, кому двенадцать, тринадцать, четырнадцать уважали тех, кому, допустим, восемнадцать лет. С уважением относились – вроде вот он старший. А кто из армии приходил – тот всегда был вроде как старший» [Ш.А., 1 пол. 1980-х гг.].

Если местный житель, отслуживший в армии, приходил на какое-либо коллективное мероприятие, например, на танцы, то держался несколько особняком от допризывников. Если начиналась коллективная драка, ударить отслужившего считалось недопустимым:

«И как-то один, здоровенный такой, разъярился и давай всех руками, ногами месить. Еле его успокоили. И что важно, он вломил нескольким старшим, кто уже демобелизовался из армии. Потом разбирались» [И.Э., 1 пол. 1980-х гг., Татария].

В настоящее время служба в армии (по крайней мере, в крупных городах) считается пустой тратой времени и не приносит высокого статуса отслужившим. В целом, отслужившие пацаны просто отходят от уличной жизни.

Регуляция насилия

Хотя насилие является ключевой практикой для пацанов, и их среда акцентирует проявления агрессивности, превращения конфликтных ситуаций в физическую конфронтацию, имеют место многочисленные ограничители на насилие. Статус настоящего мужчины не требует от них проявления ни чем не сдерживаемой «беззаконной маскулинности»⁸. Напротив, насилие направляется, ограничивается и оправдывается традиционными представлениями о мужской чести.

Многие из правил поведения пацанов восходят к императиву защиты домашней сферы и в особенности женщин, детей, стариков. Этот императив весьма важен для построения традиционной маскулинности. Хотя уличные бои в реальности отнюдь не направлены на защиту родной земли и тех, кто слаб и немощен, кодекс чести пацана предполагает уважительное отношение к матери и не допускает нападения на тех, кто не относится к «воинской» касте.

Так, например, в обоих исследованиях информанты говорили о хорошем отношении к матери как о долге настоящего пацана. Хотя эта норма является, безусловно, общечеловеческой, в данных сообществах она акцентируется. Пацаны, не соблюдающие норму, осуждаются и подвергаются вербальным санкциям. Вот фрагмент из фокус-группы 2006 года:

«– Если я говорю со своими друзьями и кто-то ругает свою мать. Я ему скажу: “Ты что? Мать – это святое”.

– Пацан не должен оставлять мать. Если он может сказать, что ему не нужна мать, это не настоящий пацан.

– Если человек, который мать посылает. Говорит, что она мне не нужна. Как бы он даже не пацан.

Если у тебя с матерью такие слова и жесты, то матери очень трудно с этим справиться. То же самое, ребенок ворует, кидает. С этих денег он может что-то купить матери.

– Он, в принципе, всегда это делает» [2006 г.].

С традиционными представлениями о мужском долге защиты домашней сферы⁹ и понятиями о мужской чести связаны, как представляется, ряд запретов на насилие. В различных группах советского времени можно встретить **запреты на проявление агрессивности** в отношении следующих категорий людей.

1. Младшие по возрасту (таковым считается тот, кто младше на 2–3 года и более).

«Когда старшие приходили [на место драки] – нас просто оттуда выгоняли. Потому что... не знаю, то ли кодексы

какие, то ли еще что, но никогда [никто] пятнадцатилетнего маленького не бил. Его свои же за это съедят. Такого никогда не было, даже у нас в десятой школе старшие, когда их дежурными назначали – они разгоняли малышня, но никогда ее не лупили.

<Интервьюер: Ну, лупили, наверно, так несерьезно...>

Это разгоняли. Нет, были, конечно, отморозки, но... не до такой уж степени» [Н.А., 1 пол. 1980-х гг.]

А вот фрагмент из фокус-группы с современными пацанами:

«– Если лет по 12, по 10, то таких не трогают. А если лет 15–18...

– Ну видно, что здоровые, то можно что-то сделать. Это уже интереснее. А что, ну он маленький, ну ты ему дашь по голове, он упадет, вот и всё» [2006 г.].

2. Девушки. К числу лиц, нападение на которых запрещалось, относили и девушек. Самостоятельно наши информанты об этом не упоминали, но при дополнительных вопросах подтверждали как «само собой разумеющееся»: «Девчонки никогда не трогали» [А.Е., 1 пол. 1980-х гг.].

Возможным было своеобразное ухаживание-запугивание:

«Они подошли ко мне в парке культуры, когда я вечером возвращалась с дискотеки. Один сказал:

– Герла, ты мне нравишься. Пойдешь со мной!»¹⁰

Дальше девушка замечает: «Потом знакомые говорили мне, что такое бывает часто. И мне еще повезло, что не избили до полусмерти». Но ведь не избили же. Ситуация, если судить данному краткому сообщению, вполне ясна и узнаваема: юноша демонстративно, перед лицом своих товарищей, «подъезжает» к идущей по парку девушке. Он выражает к ней свой сексуальный интерес и при этом (девушка ведь панк) заявляет «пацанскую» позицию. Девушка, конечно,

испугана, но об «избиении до полусмерти» речи не идет – речь идет о поисковом сексуальном поведении с элементами групповой игры.

Хотя девушки находились вне поля агрессии, но в одном интервью нам встретилось упоминание о ситуации, в которой парни попустительствовали агрессии против девушек. Евгений А. отметил, что при завязывании драки на дискотеке юноши из их компании били местных юношей, а девушки – девушек:

«Если они оказывались [на дискотеке – *сост.*] – с ними разбирались наши девчонки, люберецкие. И тут до туфлей доходило. И наши девчонки могли получить, и эти могли получить. Ребята в эти драки никогда не лезли. Они, наоборот, влазили только чтобы разнять девчонок. Потому что у девчонок крутые разборки были – они могли туфли снять – и туфлями, каблуками этими длинными бить друг друга» [А.Е., 1 пол. 1980-х гг.].

В этой ситуации юноши не трогают девушек из группы, на которую напали; но они и не мешают «своим» девушкам организовать «параллельную» драку. Эту драку они разбирают только в крайнем случае. Девушки вправе состязаться с равными им по силе и гендерному статусу; но юноши следят за тем, чтобы это состязание проходило «по правилам».

Сходный подход мы встретили в «Азбуке славянских бритоголовых» – тексте, составленном в конце 1990-х – начале 2000-х годов и широко известном в самиздатовских и интернетовских версиях:

«Если “не русский” (особенно негр, азиат или кавказец) идет с белой русской девушкой бритоголовый обязан напасть на него при малейшей возможности и жестоко избить. Девку (белую шлюху) трогать не рекомендуется, ей могут заняться скингёрл»¹¹.

Ударить девушку – это нарушение нормы, поскольку она изначально не является социально и физически рав-

ным соперником. Ее только можно поставить на место вербально:

«Если девушка будет вести себя хамовато? Об этом и разговоров никаких быть не может! Спросишь только: “Ты что, подружка?!”» [Р.А., 1 пол. 1970-х гг.].

Те же нормы воспроизводятся в постсоветской уличной среде. Напасть на женщину или «развести» ее (вынудив отдать деньги или другие ценности) – это не просто беспредел, «этим вообще никто не занимается».

3. Парни с девушками.

Не только девушки были вне агрессии, но и парни, гуляющие с девушками. Об этом говорят практически все информанты.

«Было правило – не нападать на того, кто идет с девушкой. И это правило всегда соблюдалось» [Н.А., 1 пол. 1980-х гг.].

«Я всегда говорю: у нас в Люберцах можно было гулять спокойно – и никто никогда не подойдет и ничего не скажет. Даже, если, скажем, шел металлист с девушкой» [Ш.А., 1 пол. 1980-х гг.].

«Парня, идущего с девчонкой, никогда не трогали. (...). Этого не было. Это, знаешь – как бы святое было» [А.Е., 1 пол. 1980-х гг.].

И в середине 2000-х годов действовала та же норма. Нельзя трогать парня, провожающего девушку домой через чужую территорию, даже если он будет вызывающе себя вести по отношению к местным пацанам – он получит свое на обратном пути:

«Если пацан с девушкой идет, то пусть он хоть матом кричит. Потом его поймают, да и всё» [2006 г.].

По распространенному уличному правилу, если парень идет с девушкой, и она ведет себя неправильно – скажем, оскорбляет встречного – спрос не с девушки, а с парня. Парень должен держать ответ за неправильное поведение своей девушки. В 2006 году мы наблюдали сцену: подвыпившая девица в компании парня оскорбила проезжавшего мимо мужчину лет сорока. Мужчина вышел из машины, один раз молча ударил девицу, а затем, ударив парня, внушительно сказал ему: «Следи за тем, как ведет себя твоя метла!» Основной воспитательный посыл здесь был направлен на парня, именно ему было предписано отвечать за поведение девушки.

4. Меньшие по количеству.

Часто считалось, что нападать на единичного противника, во-первых, «нехорошо», а во-вторых, «неинтересно»:

«Если, например, двадцать восемь человек – они что, будут бить одного? Это даже не вызывало никакого спортивного интереса. Если каждый по разу ударит, тридцать человек – и всё.

<Интервьюер: То есть, был спортивный интерес состязания?>

Ну, наверное» [Ш.А., 1 пол. 1980-х гг.].

Для того чтобы уравнять шансы, встреченной жертве иногда предлагали состязание на равных – «драться один на один». Это было даже в случаях коллективного наказания:

«Если кого-то надо было наказать, отлавливали его все вместе. Но бил при этом – кто-то один» [В.В., 1 пол. 1980-х гг.].

На эту же норму указывали московские пацаны в 2006 году. Количественное преимущество противника может быть поводом отложить драку и назначить групповой поединок («забить стрелку»). Вот как описывает это один из опрошенных:

«Ну, например, меня бы одного поймали в чужом районе. А мне не хочется получить. Я говорю, что я один и что вы меня будете все вместе. Я со своими пацанами приду, и мы разберемся» [2006 г.].

Существует запрет на «бесцельную» агрессивность. Вот фрагмент из интервью с женщиной, чья пацанская юность прошла в советское время:

«Простых людей на улице никогда не трогали никого. Никогда не было, что просто взяли и кого-нибудь избили. Если дрались, то с какой-нибудь целью, специально приезжали, имея цель. А так – никого не трогали.

<Интервьюер: А если кто-то сделал замечание?>

Ну, если простые люди... Если бабушка идет там, скажет – никто внимания не обращал, никого не трогали» [Ш.А., 1 пол. 1980-х гг.].

И современные пацаны, рассказывая о том, как они устраивают битвы с «врагами» – панками или рэперами – в пригородных электричках, указывают на то, что «ботаники» – неумелые молодые люди, не являются достойными противниками.

«<Интервьюер: А если едет компания ботаников, на них тоже нападают или как?>

– А чего на них нападать? Ну представьте, едет человек и читает газету. И что?

<Интервьюер: То есть, они не вызывают желания их побить?>

– Интерес есть к тому, кто может дать сдачи» [2006 г.].

В некоторых группах (в частности, в люберецких группах 1-й половины 1980-х, где был высок интерес к спорту и культуре тела) существовал запрет на использование оружия. Запрещалось использовать в драке (и вообще иметь при себе) оружие – ножи, палки, цепи, предметы для утяжеления кулака и т.д.:

«...Никогда ничего не брали с собой. Будь мужиком. Вот кулаком – ударь кулаком. То есть, у нас никогда не было ни цепей, ни какого-нибудь другого оружия. Если мы били пацифистов там, нацистов, брейкеров, панков – вот они-то всегда пытались цепь достать, или какую-нибудь там печатку, или кастет, или еще что-то. У нас никогда ничего такого не было – ни ножей, ни чего другого. Даже когда против тебя трое, когда десять на десять там, двадцать на двадцать. То есть, вот чисто» [А.Е., 1 пол. 1980-х гг.].

Демонстрация оружия рассматривалась как вызов, к пачану с оружием относились значительно жестче:

«Вот тебя встретили на улице – если ты просто идешь, с пустыми руками – тебе ничего не будет. Ну наедут, ударят – и не больше. А вот если ты достанешь нож – тогда берегись!» [А.Ф., 1 пол. 1980-х гг.].

Информант, чье детство прошло в Душанбе, привел уличную поговорку: «С ножом – покалечим, без ножа – побьем» [М.Р., 1944 г.р., сер. 1950-х гг.].

Иногда в качестве одной из причин запрета на оружие называли страх перед милицией. То же отмечали и постсоветские информанты. Задержанный с оружием в руках (или даже в кармане) получал значительно более серьезные обвинения, чем безоружный.

Учитывая большое количество запретов на насилие, существовала практика придумывать благородный повод для драки:

«Когда на кого-то нападаешь – стараешься сделать ему внушение, найти уважительный повод. Например: “Не шумите! Уже поздно, женщины и дети спят, нельзя шуметь!”» [Р.Р., 1 пол. 1970-х гг., Астрахань].

Достаточно распространенным способом для провоцирования драки было использование в качестве задиры мало-

летнего. Поддавшись на провокацию, жертва нарушала один из перечисленных выше запретов на насилие, и нападающий получал моральное право осуществить агрессию:

«Как правило, подходил какой-нибудь мелкий (ну, это старый, в общем-то, способ). Подходит мелкий: “Дай мне, – говорит, – жевачку”. Ты говоришь: “Нету”. Типа, “иди отсюда, мальчик, не мешайся”. Какой-нибудь первоклассник, второклассник. А мы где-то пятый, шестой были, седьмой. “Уйди, мелочь, уйди! – [смеется] – Пошел вон!” – как в кино. И он тогда: “А-а-а!” – начинает что-то кричать так истошно. И тут такая толпа вываливает. А ты такой: “У-у-у!” – и бегом! [Смеется] [В.Н., 1 пол. 1980-х гг.]»

Растяжимость правил

При чтении данной статьи может возникнуть вопрос: «Если уличные пацаны были такие благородные и следовали моральному кодексу, то откуда возникло мнение об их агрессивности, откуда рассказы об их нападениях на прохожих, на женщин, на слабых?» Действительно, рассматривая данную тему, нельзя идеализировать пацанов, нужно учитывать, что рассмотренный «кодекс чести» предполагал **исключения из правил**. При всем том, что запреты на насилие существовали, они могли нарушаться.

Например, поскольку бить одиночку группой было не принято, для экзекуции могли отрядить одного или нескольких человек:

«Всей толпой мы не били. Могли сказать что-нибудь. Ну могли отвести там в сторону... Ну два-три человека отвели в сторону – чего там... Допустим, раз там... два-три раза ударили – упал и всё, развернулись и ушли. А чтобы всей толпой долбить – не били никогда» [Ш.А., 1 пол. 1980-х гг.]»

Физическое воздействие могло заменяться устным:

«Парня, идущего с девчонкой, никогда не трогали. Ну, могли приколоться, пошутить там как-нибудь, могли обступить, сказать: снимай атрибутику, клади в карман – но кулаками никогда никто не тронет. С девчонкой идешь – пожалуйста, иди. Могли хохму сделать, но подойти – никто никогда не подходил. Этого не было. Это, знаешь – как бы святое было» [А.Е., 1 пол. 1980-х гг.].

Наличие девушки могло и не защитить от нападения, если девушка приходила в составе достаточно крупной компании. Победа над сильным противником, согласно пацанским правилам, была делом достойным; поэтому стремление к коллективной драке могло перевесить запрет на агрессию против девушки:

«На танцах, если ты пришел с девушкой один – в углу или, там, в центре танцуешь – то тебя никто никогда не тронет. Пусть ты хачик, пусть брейкер, пусть. Тебя никто никогда не тронет, если ты один. Но если, извините, ты не один, ты с друзьями, вас толпа и вы отдыхаете, и мы приехали толпой, грубо говоря...» [А.Е., 1 пол. 1980-х гг.].

По описаниям видно, что все перечисленные запреты хоть и избавляют некоторые категории жертв от агрессии, но не до конца. Агрессия просто уменьшается, приводится к умеренной норме. Например, часто она ограничивается вербальным воздействием – неоднократно отмечалось, что в том или ином случае на жертву не нападали физически, но могли позволить себе пошутить в ее адрес, «приколоться», сделать замечание, словесное внушение. В других случаях физическое воздействие все-таки присутствовало, но в сравнительно небольшой форме. Незлобивый пинок малолетке, «два-три удара» чужаку – за агрессию не считались.

Мы допускаем, что информация о случаях агрессивности, выходящей за рамки запретов, могла скрываться от товарищей.

«И потом, когда возвращались и обсуждали, кто где был, могли сказать: “Ты чего, делаешь. Он же с девчонкой сидел на лавочке”. И за это уже наши наказать могли. Могли, знаешь, просто подойти и врезать. И поэтому даже [если] где-то что-то такое происходило – об этом молчали. Если кто-то что-то сотворил – он об этом (...) боялся сказать, потому что это не приветствовалось» [А.Е., 1 пол. 1980-х гг.].

Нарушивший неписанные правила пацанского поведения мог подвергнуться **наказанию** в следующих формах.

1. Устное порицание:

«Если во время драки даже ключ возьмешь в руку (вот ключ от квартиры) – и то твоя компания скажет, что ты, мол, зажал в руке ключ – это было очень... нехорошо...»

<Интервьюер: За это как-то наказывали?>

Наказывать не наказывали, но, ты знаешь, просто могли руки потом не дать» [А.Е., 1 пол. 1980-х гг.].

2. Отказ в защите:

«И если потом ты говорил, что кто-то где-то тебя обидел – то, знаешь, на тебя смотрели так... помнили, что ты в прошлый раз пошел с чем-то» [А.Е., 1 пол. 1980-х гг.].

3. Физическое воздействие. Так, во время дружеской драки один из участников, несмотря на запрет, использовал каскет. Неформальный лидер компании довольно жестоко избил его, «пять раз ударив об остановку». Примечательно, что провинившийся принял наказание стойко, поскольку «знал, что бьют за дело» [А.Е., 1 пол. 1980-х гг.].

4. Бойкот – с провинившимся не общались. Возможна и жесткая форма бойкота – когда бойкоту подвергается не только провинившийся, но и те, кто с ним общался.

Стоит добавить, что для советского времени была не типичная такая получившая впоследствии распространение форма наказания, как постановка на деньги.

С учетом уличного «морального кодекса» межгрупповые и межличностные конфликты в пацанской среде предполагали несколько способов разрешения:

- организация набега на территорию противника (противник обязан был сорганизоваться и принять бой);
- специально назначенная драка (забивание стрелки);
- принятие решение на уровне старших.

Происхождение пацанских культурных кодов

Как уже отмечалось, представления пацанов о нормативном мужском поведении во многом определяют их поведение в уличном контексте. Требования демонстрации силы характера, готовности постоять за себя, верность слову – всё это связано с культом гегемонной маскулинности, пронизывающим всё общество, а не только данные сообщества. Вместе с тем эти нормы особенно актуализируются именно в пацанской среде. С чем это связано?

Известный английский исследователь субкультур Дэвид Даунс предлагал рассматривать субкультуры как совместно выработанные ответы на коллективные проблемы¹². В пацанской среде такой общей проблемой представляется отчуждение молодежи от мира школы, а зачастую и от мира семьи (особенно в неполных семьях, где воспитание осуществляется матерью, или в семьях, где существует насилие над детьми). Попадая на улицу, они компенсируют свое отчуждение и конструируют себя в качестве хозяев территории. Поведение мальчиков и подростков, основанное на представлениях об активной, агрессивной маскулинности, которые

отвергаются школой и подавляются в семье, может беспрепятственно осуществляться в уличной среде. Коллективные практики доминирования требуют построения особых принципов регулирования жизни группы, взаимопомощи, верности своим друзьям.

Существует ряд культурных кодов, традиций перформативного и ритуализированного насилия, к которым прибегают пацаны, чтобы построить свою мужскую идентичность и организовать жизнь на улице. Многие нормы и ритуалы, регулирующие насилие (такие, например, как коллективные битвы и «стрелки»), берут свои истоки в традициях деревенских драк. Эти традиции изучались российскими этнографами в XIX–XX веках. Группы, или, как их иногда называли, партии молодежи с одной улицы или из одной деревни боролись с представителями других улиц и деревень на праздниках, свадьбах или просто в повседневной реальности¹³. Как считает Т.Б. Щепанская¹⁴, деревенские драки подтверждали легитимность насилия как инструмента защиты прокреативной сферы, охраны безопасности женщин и детей. Через драки молодым людям добрачного возраста передавались нормы осуществления насилия и право быть его агентами.

Урбанизация не до конца подавила ритуалы и нормы молодежного насилия. Интересно отметить, что насильственные уличные практики подростков особенно часто отмечались в периферийных городских районах, где селились недавние выходцы из деревни, и где деревенские обычаи оставались частью коллективного социального знания¹⁵. Носителями знаний о насилии являлись родители, старшие братья, соседи, те, кто сами принимал участие в групповых схватках. Эти знания могут передаваться как в качестве прямых инструкции («будь мужиком», «умей постоять за себя», «главное ударить первым»), рассказов об обычаях и традициях, так и через общую культуру отношений, требующую агрессивного самоутверждения.

Не исключено, что культура рабочего класса также является источником построения особой маскулинной идентичности. Хотя пацанские группировки обычно являются соседскими группами и объединяют живущих в соседних домах, без разделения по социальному принципу, но наиболее активные их члены принадлежат, по нашим наблюдениям, к молодежи из рабочих семей. Возможно, в их поведении проявляются культурные ориентации рабочего класса, в которых акцентируются такие качества мужчины, как физическая сила, смелость и непосредственность. Сравнивая российские данные с западной литературой, можно отметить, что многие стилевые особенности поведения пацанов (например, их упор на телесный контроль) очень характерны для молодежных субкультур рабочего класса. То же относится к территориальности. В то время как представители субкультур молодежи среднего класса (например, хиппи) пытаются осваивать большие пространства, считают своей не только территорию своего города, но и всю страну, а то и мир, пацаны сосредоточены на защите своей улицы или микрорайона¹⁶.

Другой источник культурных кодов российских пацанов – это тюремная субкультура. Можно отметить много совпадений между правилами пацанов и императивами этой субкультуры. Например, телесные практики и там, и там крайне ригидны и жестко табуируют любую трансгрессию. Тюремная субкультура также ценит характер, склонность к риску, к действию, содержит поэтизацию романтического криминального братства и поощряет оппозицию ко всему, что связано с официальной властью. Субкультура воров-в законе запрещала насилие против женщин, неоправданное проявление насилия, ограничивала крайнее насилие (убийство). Кстати, можно вспомнить и о почитании матери в тюремно-криминальной среде¹⁷.

Хотя все эти культурные коды являются очень устойчивыми, надо отметить и различия в сообществах пацанов в

советское и постсоветское время. Хотя в некоторых пацанских сообществах в позднесоветское время было принято нападать на неформалов, представителей других молодежных субкультур, к 2006 году агрессия против неформалов стала универсальным явлением¹⁸. При этом, если в советское время эта агрессия оправдывалась необходимостью бороться за чистоту коммунистических идеалов, то сейчас она не требует идеологического оформления (помимо, может быть, борьбы с теми, кто своим видом и поведением нарушает требования гегемонной маскулинности, которую, по их мнению, олицетворяют пацаны). Значительную роль в агрессивных практиках пацанов приобрела борьба с «нерусскими», теми, кто якобы «засоряет» город и пытается навязать свой образ жизни. Кроме того, вырастая в обществе, в котором потребительские ценности ставятся на первый план, пацаны полностью разделяют эти ценности. Необходимость подкреплять свой статус на улице демонстрацией модной одежды, обуви, мобильных телефонов стоит за многими их противоправными действиями.

Новой чертой является и активное использование Интернета для повышения статуса своей группы и прославления ее «героических» деяний. Так, многие пацаны в 2006 году рассказывали о том, как они делают видео своих битв и «стрелок» с помощью мобильных телефонов, чтобы потом поместить в Интернет.

Надо отметить и то, что, образуя особую среду, пацаны, как в позднее советское время, так и в 2006 году, не были экономически и идеологически оторваны от окружающего мира («андеркласса»). За исключением меньшинства, переходящего от менее серьезных к тяжким преступлениям, от постановки на учет в милицию к заключению в исправительно-трудовые учреждения, пацаны рассматривают свою уличную жизнь как переходный этап на пути к взрослости. В их планах поступить в колледж или университет, получить специальность, завести семью. Они не оппозиционны

по отношению к культурному мейнстриму (хотя так их часто воспринимают представители последнего). Данные сообщества скорее служат иллюстрацией прославленного тезиса американского криминолога Д. Матца (David Matza) о «дрейфе», временном и часто случайном характере девиантного поведения, необязательно ведущем к криминальным карьерам¹⁹.

Примечания

- ¹ Сокращенный вариант статьи см.: Громов Д.В., Стивенсон С.А. Пацанские правила: нормирование поведения в уличных группировках // Молодые москвичи. Кросскультурные исследования / Под ред. М.Ю. Мартыновой, Н.М. Лебедевой. М., 2008. С. 427–457.
- ² Овчинский В.С. «Мама, я любера люблю...» // По неписаным законам улицы... М., 1991. С. 255.
- ³ Goffman E. Gender Advertisements. L., 1979; Garfinkel H. Studies in Ethnomethodology. L., 1990; Butler J. Gender Trouble. Feminism and the Subversion of Identity. L., 1990.
- ⁴ Connell R. Gender and Power: Society, the Person, and Sexual Politics. Cambridge, 1987.
- ⁵ Goffman E. Where the Action is // Interaction Ritual. Harmondsworth, 1967. S. 209.
- ⁶ В квадратных скобках даны пояснения авторов.
- ⁷ <http://forum.rikt.ru/index.php?showtopic=13895&st=20#entry242114>.
- ⁸ Сравн.: Campbell B. Goliath: Britain's Dangerous Places. L., 1993.
- ⁹ Щепанская Т.Б. Зоны насилия (по материалам русской сельской и современных субкультурных традиций) // Антропология насилия / Отв. ред. В.В. Бочаров и В.А. Тишков. СПб., 2001. С. 115–177.
- ¹⁰ Яковлев В. Контора «люберов» // Огонек. 1987. № 5. С. 20.
- ¹¹ Салазар. Азбука славянских бритоголовых. 4.2. [Любое издание]. *Скин-гёрл* – девушка-скинхед.
- ¹² Downes D. The Delinquent Solution, L., 1966. P. 6.
- ¹³ См., напр.: Морозов И.А. Драки // Духовная культура северного Белозерья: Этнодиалектный словарь. М., 1997. С. 108–116; Горбунов Б.В. Традиционные рукопашные состязания в народной культуре восточных славян XIX – начала XX в. Историко-этнографическое исследование. М., 1997.

- ¹⁴ Щепанская Т.Б. Зоны насилия (по материалам русской сельской и современных субкультурных традиций) // Антропология насилия / Отв. ред. В.В. Бочаров и В.А. Тишков. СПб., 2001. С. 115–177.
- ¹⁵ Забрянский Г.И. Социология преступности несовершеннолетних. Минск, 1997. С. 129–130.
- ¹⁶ Сравн. напр.: Katz J. Seductions of Crime: Moral and Sensual Attractions in Doing Evil. N.Y., 1988; Омельченко Е., Пилкингтон Х. и др. Глядя на Запад: Культурная глобализация и российские молодежные культуры. СПб., 2004.
- ¹⁷ Чалидзе В. Уголовная Россия. Нью-Йорк, 1977; Олейник А.Н. «Тюремная субкультура в России»: от повседневной жизни до государственной власти. М., 2001.
- ¹⁸ См. также: Омельченко Е., Пилкингтон Х. и др. Глядя на Запад: Культурная глобализация и российские молодежные культуры. СПб., 2004.
- ¹⁹ См.: Matza D. Delinquency and Drift. N.Y., 1964.

«ЖДАНЬ» И «КОММУНАРЫ» (конец 1980-х годов)

С.А. Белановский

Данная статья написана на основе материалов исследования, проведенного в в 1987–1989 годах группой в составе заведующего лабораторией ИНП РАН С. Белановского и студентки журфака МГУ В. Писаревой. Первоначально данная работа была задумана как исследование известной благодаря публикациям в широкой печати подростково-молодежной субкультуры подмосковного города Люберцы. Главная цель исследования заключалась в описании данной субкультуры, а также в том, чтобы проследить причины и условия ее формирования. По ходу работы тема была расширена, и наблюдение велось также за некоторыми другими агрессивными подростковыми субкультурами. В данном очерке внимание будет уделено двум сообществам данного типа – территориальной группировке в районе метро «Ждановская» («Ждань») и «коммунарам».

Ждань

Рассматриваемая группировка получила свое название от находящейся на юго-востоке Москвы станции метро «Ждановская» (теперь «Выхино»). На территорию смежного Люберецкого района влияние группировки не распространялось. Численность членов «Ждани» на конец 1980-х годов составляла несколько сот человек (более точные сведения нам получить не удалось).

Группировка сформировалась из обычной шпаны под организующим влиянием лидеров из уголовного мира. К середине 1970-х годов (дата приблизительная) выходцы из колоний и других мест заключения стали организовывать подростковые группы, прививая им уголовные традиции. Таких групп

становилось всё больше, и к середине 1980-х годов на их основе сформировалась крупная группировка.

Рассматривая «Жданы», целесообразно провести сравнение с существовавшими в те же годы казанскими группировками. Типологически близкие, эти сообщества имели и собственную специфику.

«Жданы» состояла из множества отдельных команд, объединенных в одну группировку и осознающих свое единство. Каждая команда насчитывала до двадцати и более человек. Основной возрастной состав – от тринадцати до восемнадцати лет. Единого централизованного руководства не было.

Внутренняя структура групп практически полностью соответствовала структуре казанских группировок. Существовала жесткая иерархия, во главе которой стоял «король» (как правило, человек, который побывал в местах заключения). Проводниками его воли являлись доверенные лица и лидеры (наиболее сильные ребята). Существовала также возрастная иерархия. Как и у «казанцев», существовал набор поощрений и тяжелых наказаний (моральных и физических). Дисциплина отличалась меньшей жестокостью, хотя, в принципе, оперативное исполнение приказов, беспрекословное подчинение старшим – были основными правилами поведения внутри групп.

Из поведенческих принципов можно выделить следующие, общие с казанскими.

1. Агрессия прежде всего против слабых, малочисленных, незащищенных.
2. Обязательная сдача денег.
3. Правило «зоны не бойся, бойся стать бакланом или предателем».
4. Правило «девчонка – не человек, но девчонка кого-либо из членов группировки неприкосновенна».

В отличие от «казанцев», у которых известна хорошо разработанная обрядность (проводы в армию, женитьба, переход на более высокую ступень иерархии, похороны и др.), у «Жданы» такой обрядовости зафиксировано не было.

«Жданы» (как и любера, и «коммунары») никого в свои команды не втягивала силой. Но, если подросток по каким-либо причинам попал в группу, выйти из нее он мог только через службу в армии или переехав в другой район.

Основным времяпровождением членов группы было дежурство на «точках». Каждая команда размещалась на закрепленной за ней территории. Высматривались «чужаки» (подростки, не проживающие на данной территории), которых избивали и грабили. Спасти «чужака» могло только хорошее знакомство с кем-либо из лидеров группировки (как правило, имена лидеров всех команд, входивших в «Жданы», знал каждый группировщик). Команды ловили, насиловали и грабили девушек, как из других районов, так и местных. Причем принадлежащие к группировкам девушки помогали парням в этих занятиях. Эти девушки могли также самостоятельно грабить и избивать девушек-чужаков, не входящих в группировку. Многие команды занимались мелким рэкетом, грабили частных торговцев, устраивали на рынках игру в «наперсток».

Для «Ждани» не были характерны драки между командами внутри группировки (что являлось обязательным у «казанцев»). Если стычки и происходили, то незначительные и, как правило, случайные, по какому-нибудь конкретному поводу. Возможны потасовки с агрессивными группами, не относящимися к «Ждани».

Так, с конца 1970-х по середину 1980-х годов происходила «война» с люберами – жителями соседнего Люберецкого района.

По имеющимся у нас сведениям, первые победы были на стороне московской группировки. Это ей удавалось во многом благодаря тому, что к концу 1970-х годов группа «Жданы» была лучше организована, и между командами внутри группировки практически не было серьезных конфликтов. Борьба со «Жданью» была одним из факторов, приведших к практическому исчезновению конфликтов внутри Люберецкого

района и формированию единой субкультуры люберов. Последнее крупное столкновение между ждановскими и люберецкими (несколько сот человек с каждой стороны) произошло в 1986 году на территории «Ждани». Победа тогда была на стороне люберов. Однако это не обозлило ждановских, и между двумя группировками установились дружеские отношения.

Упомянув о люберах, надо отметить, что в целом различие «Ждани» и люберов было в том, что у люберов была сильна идеологическая составляющая, а «Жданы» была более склонна к криминальной деятельности.

Многие члены «Ждани» занимались силовыми видами спорта, в том числе культуризмом. Такие занятия не являлись обязательными, так как необходимость быть физически развитым на тот момент отпала: тактика групп заключалась в том, чтобы брать не умением, а численностью. В редких массовых драках в ход шло оружие (цепи, кастеты, ножи и т.п.). Занятия спортом для физического развития остались только в виде необязательной традиции.

Стилистика группировки практически не отличалась от стилистики люберов; она предполагала спортивную либо свободную, не стесняющую движений, простую одежду, короткую стрижку.

«Коммунары»

Общая численность членов этой группировки составляет от 100 до 150 человек. Объединение было создано в середине 1980-х годов частным лицом, работником милиции, который по собственной инициативе (но, вероятно, с одобрения начальства) решил использовать агрессию подростков в практических целях для наведения порядка в районе. Ему удалось заинтересовать подростков своими идеями, и они охотно пошли к нему в группу. Таким образом, работником милиции были взяты на себя функции социализации подростков. И

поскольку милиция – это официальное учреждение и других образцов социализации кроме государственно-официальных не знает, то она и привила группе собственные образцы и стереотипы, в основе которых лежала официальная идеология тех лет. Социальная организация группы также была построена по строгому милицейскому образцу «командир – подчиненный». Используя ненависть шпаны к хиппи, металлистам и другим аналогичным субкультурам, милиция наделила подростков определенной властью по отношению к ним. С течением времени «коммунарам» стали доверять и более серьезные дела, связанные с борьбой с преступностью.

Лидер и организатор группировки помимо работы в милиции был профессиональным спортсменом, имел звание мастера спорта по борьбе. Создавая группировку, он организовал полуподпольную секцию, где стал обучать членов своей группы малоизвестным борцовским приемам. Благодаря такой секции число членов группы быстро увеличилось, так как группа стала единственным местом, где таким приемам можно было бесплатно обучиться. Первоначальный состав группы был образован из подростков, состоявших на учете в милиции; затем его стали пополнять члены дворовых ватаг. А в течение одного-полутора лет численность активных членов объединения возросла до 100 человек.

В ряды «коммунаров» мог вступить каждый желающий, достигший определенного возраста (примерно 13–14 лет). Должности распределялись в зависимости от возраста и заслуг. Организатор и руководитель объединения назывался «королем». Кроме «короля» и его доверенных лиц, существовали «комиссары» и «лейтенанты», в обязанности которых входило: следить за порядком; отвечать за организационные мероприятия; обучать приемам борьбы, которым уже научились сами; проводить политику «короля» и его доверенных лиц. Существовал денежный побор (пять рублей с человека в месяц), для осуществления этих функций была введена должность казначея. Остальной состав активных

членов составляли исполнители, функции которых зависели от приказа высшего по званию. Неактивными членами были посетители, разделяющие политику группы, но имеющие право не принимать активного участия в ее жизни. Таковыми могли быть, например, девочки и малолетки.

«Платформа» объединения практически сводилась к следующему. «Коммунары» стремились:

1) воспитать в себе физически хорошо развитую личность, готовую к труду и обороне (оборона фактически являлась главной);

2) очистить свой район, а в дальнейшем город и всю страну от тех, кто «мешает нам нормально развиваться, позорят и портят лицо фирмы» – спекулянтов, фарцовщиков, рэкетиров, рецидивистов, неформалов (из неформалов признавались только «экологисты», которых «коммунары» даже взяли под свою защиту);

3) помочь трудным подросткам, путем вовлечения их в группу, исправиться и подготовиться к службе в армии.

Активные члены группы должны были систематически посещать тренировки (если, конечно, нет уважительной причины не прийти). На тренировках, кроме физических занятий, происходило обучение различным приемам борьбы. Члены объединения обязаны были участвовать в акциях, в назначенное время заступать на дежурства в подшефных микрорайонах. Обязательным было беспрекословное подчинение приказам старших по званию. В противном случае, при неоднократном нарушении данных требований, продвижение по должности становилось невозможным. Участие в объединении было добровольным, каждый его член имел право свободного выхода из его состава.

Акции «коммунары» проводили исключительно по истреблению тех, кто, по выражению одного из информантов, «мешает нам нормально развиваться» (см. выше). Периодически все члены группы собирались и ездили в те места своего района, где наиболее часто можно было встретить

представителей альтернативных молодежных субкультур (металлистов, хиппи, панков и т.п.). Их жестоко избивали, отнимали у них вещи, всячески над ними издевались. В объединении было распространено мнение, что «всю эту мразь на месте расстреливать надо».

Дежурства, в отличие от акций, происходили практически ежедневно. Проводились они следующим образом: члены группы разбивались на небольшие отряды и направлялись в «подшефные пункты» (рестораны, гостиницы, универмаги и т.п.). Там они следили за порядком и высматривали спекулянтов и проституток. У спекулянтов «изымались вещи, которые затем сдавались под опись в отделение милиции». Проституток избивали и насиловали.

У объединения были специальные дежурные телефоны, по которым жители района могли сообщать о беспорядках. По каждому телефонному звонку на место происшествя тут же высылался отряд. По телефону могли также звонить женщины и девушки, которые поздно возвращались домой и нуждались в защитнике; в этом им никогда не отказывали. Такими дежурствами группа заслужила признание и поддержку жителей района. Группа оказывала посильную помощь милиции в поимке и задержании правонарушителей.

Взаимоотношения внутри группы, помимо субординационных отношений во время акций, дежурств и тренировок, устанавливались обыкновенные, дружеские. Деньги, собираемые на нужды объединения, шли на совместные культурные мероприятия (кино, эстрадные программы, пляж и т.д.). Если акции, дежурства и тренировки были обязательны для всех членов, то культурные мероприятия посещались в зависимости от желания.

В то время «коммунары» считали, что в стране должен быть наведен порядок путем введения военного положения. Для этого необходимо вооружить всех военных, милицию, комсомол и некоторые другие организации и наделить их полномочиями расстреливать всех, кто оказывает неповино-

вание и выступает против советского строя. В объединении принято было считать, что сила должна быть главным качеством любого мужчины. каждый обязан пройти армию (школу мужества), где и проявляются все мужские качества. Слабым, по их мнению, «не место в нашей жизни» (это правило не распространялось на женский пол и лиц преклонного возраста). «Коммунары» настаивали, что ввод советских войск в Афганистан был справедливым и необходимым актом: «Ни одной капли крови наших ребят не пролилось зря; они укрепили мощь нашей армии, не позволив США разместить на территории Афганистана военные базы». Лояльное отношение проявляли к шпане и трудным подросткам: «Ребятам просто заняться нечем, они хулиганят от нечего делать, а так они молодцы, им просто надо помочь». Иначе объяснялось поведение подростков из альтернативных субкультур: «Им просто работать не хочется, живут за счет своих богатых родителей. Это даже не мужики. Зачем нужны нам эти слизняки и бездельники?».

«Коммунары» состоят в дружеских отношениях с такими молодежными группировками, как «Нахим», «Парапет» и некоторыми другими, проводили с ними совместные акции (рейды по очищению Москвы). Сотрудничали также с люберами, отзывы о которых были самые положительные.

По словам членов объединения, в Москве и в стране существовали и другие группы «коммунаров» (всего несколько десятков), которые вместе образовывали своего рода движение, однако точными тому свидетельствами автор данной работы не располагает.

Рассматривая группировку «Ждань» и «коммунаров», можно отметить, что первые на тот момент были ближе к «казанскому» формату, предполагающему криминальную деятельность, жесткую структурированность и дисциплину, а вторые – к люберам, уделяющим внимание идеологии и образовавшим сообщество на добровольных, лишенных обязательности началах.

**«ЭЙ, ХУНХУЗ, КУДА ИДЕШЬ?!
ЗДЕСЬ БРАТВА, И ТЫ УМРЕШЬ!»:
«уличные войны» в Улан-Удэ**

Н.И. Карбаинов

В данной статье я хочу рассмотреть феномен «уличных войн» в столице Бурятии между молодежными группировками с 1950-х годов до настоящего времени. В последние годы тема молодежных группировок Улан-Удэ вызвала большой интерес исследователей¹. В целом этот феномен в отечественной науке стали исследовать с конца 1980-х годов в рамках криминологии и социологии девиантного поведения². Согласно А.Л. Салагаеву и А.В. Шашкину, молодежным группировкам свойственны следующие характеристики: установленная возрастная стратификация, жесткая формальная иерархия и организация – распределение ролей, обязательные сборы членов, соби́рание «дани» и вкладывание денег в общую кассу, участие в групповых драках, «охрана» территории и т.п.³

Для нескольких поколений жителей Улан-Удэ молодежные группировки были, по их словам, «школой жизни», или, переводя на научный язык, одним из институтов социализации. Существование этих группировок очень сложно представить без «уличных войн» между ними. В данном случае метафора «уличные войны» принадлежит не мне, а моим информантам. Так, например, один из них отмечал:

«Это были не просто стычки пацанов – это были войны, уличные войны ... резали и убивали по-серьезному».

В этой статье акцент будет сделан прежде всего на «идеологиях» противоборствующих сторон в «уличных войнах». Важная составляющая часть «уличной идеологии» – это конструирование образа «врага»/«чужака»: *«Они были чужими, и только за это их надо было бить»*. Мне интересно

посмотреть, как изменялся образ «врага»/«чужака» в историческом контексте, какие формы он приобрел в настоящее время.

При сборе эмпирического материала использовались следующие методы исследования: интервью (как с представителями современной молодежи Улан-Удэ, так и с представителями старших поколений), метод включенного наблюдения (первоначально «неосознанного», так как сам автор – коренной улан-удэнец). Также весьма важным источником для написания статьи выступили сообщения с форумов, информация с сайтов Интернета, публикации местной республиканской прессы.

«Пацан – Властелин Земли!»

За точку отсчета своего повествования я возьму 30–50-е годы XX века. Именно в этот период времени Улан-Удэ было суждено превратиться из уездного купеческого городка (до 1934 г. Верхнеудинск) в крупный промышленный центр Восточной Сибири, столицу национальной республики. Улан-Удэ, как и многие другие города СССР, в 1930–1950-е годы формировался как совокупность рабочих поселков при промышленных предприятиях. В результате социальное пространство Улан-Удэ к 1950-е годам стало представлять собой конгломерат разрозненных самодостаточных поселковых миров. Именно на этой основе стали создаваться, так называемые *чавские бражки*: *Зауда*, *Батарейка*, *ПВЗ* (или *Пацанка*; *ПВЗ* – «Пацан – Властелин Земли!»), *Шишковка* (или *Водопад*), *Мясокомбинатовские* (пос. Мясокомбината), *Стекольские* (пос. Стеклозавода) и др. *Чавы* (или *братва*, *братки*) – это общее самоназвание всех этих молодежных группировок. *Чавы* – своеобразная социальная среда или образ жизни молодежи рабочих поселков. Первоначально в *чавских* группировках состояли дети из семей рабочих, в основном русские. Причины этого во многом кроются в осо-

бенностях урбанизации Улан-Удэ. Так, с 20-х годов XX века активное участие в заселении города приняли представители «титულიной» нации – буряты. Именно в Улан-Удэ, который получил в 1923 году статус столицы Бурят-Монгольской АССР, устремился основной поток бурят-переселенцев. Этому весьма способствовала политика властей направленная на «коренизацию» и на «создание национального отряда рабочего класса». При этом буряты, прибывающие в город, охотнее включались в ряды «интеллигенции» (партийные кадры, преподаватели вузов, врачи, работники культуры и т.п.), чем в ряды «рабочего класса», который в основном пополнялся русским населением. В дальнейшем этот фактор проявился как тенденция к «классовому» воспроизводству, когда дети из семей бурятской интеллигенции шли по стопам своих родителей, получая высшее образование и место работы в «непроизводственной» сфере, а дети из русских рабочих семей становились продолжателями «*трудо-вых династий*», работая на заводах и фабриках.

На формирование *чавского* образа жизни большое влияние оказал *блатной* тюремный мир. Интенсивный рост населения за относительно короткий период времени породил многочисленные социальные проблемы: жилищный кризис, рост преступности и т.д. Сложная социальная ситуация способствовала влиянию тюремной культуры на жителей города. Это влияние еще более возросло после войны: оказали влияние «безотцовщина», массовые амнистии заключенных после смерти Сталина. Многие бывшие заключенные оседали в Улан-Удэ на рабочих окраинах. В одной из дворовых песен поется:

Есть на свете город небольшой,
Славится он речкой Селенгой.
Здесь каждый третий – вор, бандит,
И каждый день ты будешь бит.
Ах, Улан-Удэ, любимый мой!

«Эй, хунгуз, куда идешь?! Здесь братва, и ты умрешь!»...

Влияние *блатного* мира на молодежь рабочих поселков выражалось, например, в сборе *общака* (сбор денег, продуктов и вещей для помощи заключенным), в использовании таких понятий, свойственных тюремной среде, как: «*Все менты – суки!*», «*от каждого немножко – не кража, а дележка!*», «*Стремись к общему!*». Авторитетом среди *братвы* пользовались лишь те, кто сделал *ходку* (т.е. побывал за решеткой), а еще лучше – несколько *ходовк*. В разговорах *чавы* активно использовали тюремный сленг – *феню*.

Интересно также отметить влияние цыганского языка, которое нашло отражение в *чавском* сленге. Так, само слово *чава*, происходит от цыганского «*чавелло*» – брат. В *базаре* (от слова «*базарить*» – говорить) *заудинских братков* имелись следующие фразы цыганского происхождения: «*Тердѝ чава!*» – «Стоять, чава!»; «*Яводарик!*» – «Иди сюда!»; «*Лаве усы?*» – «Деньги есть?»; «*Нане*» – «Нет»; «*Девала!*» – «Погляди!»; «*Авэн!*» – «Пошли!»; «*рая*» – «милиция» и др.

Стандартная одежда *чавы* где-то уже в 1960–1970-е годы состояла из следующих элементов: в теплое время года – на голове *бакланка* (кепка), пиджак большого размера – *лепень*, рубашки навыпуск, штаны-клеш, на ногах домашние тапочки; зимой – *телаги* (телогрейки), мохеровые кепки. На улицах города *чаву* можно было узнать не только по жаргону и одежде, но и по своеобразной походке вразвалочку.

Один из информантов, кроме деления *братвы* по территориальному (поселковому) признаку, предложил еще одно деление, по которому все *чавские* объединения делились на *басоту* – низшие слои *братвы* и ее «элитный слой» – *шпану*. Так, к *басоте* он относил *водопадовскую братву* (поселок Шишковка), а к *шпане* – *путейских* (район железнодорожного вокзала). Отвечая на вопрос: «В чем различия между ними?», информант привел в качестве примера следующую историю:

«Просыпается браток, который из басоты будет, после пьянки и базарит: “Опа-на, где мой садък (шапка – Н.К.)?!”

На что ему кент (друг, товарищ – Н.К.) отвечает: “Ты чё, братан обостряешься?! Твой садык по шпане ушел. Возьми мой садык!” В подобной ситуации шпанец сказал бы: “Кто скрысячил мой садык? Надо догнать!” Если для басоты безразлично, у кого воровать, “Я не воровал, а ущипнул”, то шпана простых людей трогать не будет, но с большой охотой обворует богатеньких, интеллигентов, государство, так как они нас сами обворовывают».

Влияние тюремной культуры на молодежь рабочих поселков вовсе не означает, что все молодые люди уходили на *зону*, но, так или иначе, *чавская* среда продолжала транслировать свои ценности на подрастающие поколения.

Периодически *чавские бражки* вступали в столкновения друг с другом – «стенка на стенку», но излюбленным объектом травли для *чав* были *налимы*. Так *чавы* презрительно называли представителей бурятской молодежи. Один из участников *чавской бражки* конца 1950-х годов говорил мне:

«Мы любили ходить на рыбалку и ловить жирных налимов (смех – Н.К.) ...Понаехали налимы из улусов и заняли все жирные места! Вот мы и заставляли их сынков делиться с братвой!»

В 1960–1970-е годы ситуация на улицах города кардинально изменилась – у *чав* появились сильные конкуренты – группировки *чуваков*.

«От моста до ПВЗ нет сильнее ННЗ!»

В 1960–1980 годы население Улан-Удэ продолжало расти, и город продолжал интенсивно застраиваться новыми благоустроенными районами. В результате в Улан-Удэ стал ощущаться социально-территориальный контраст: с одной стороны, элитные благоустроенные микрорайоны (например, так называемое «Дворянское гнездо»), а с другой – барачная зас-

тройка рабочих окраин. Эти обстоятельства способствовали росту напряженности в молодежной среде. *Чавы* из рабочих поселков, по рассказам информантов, всё сильнее подвергали преследованию молодых жителей новостроек. Как ответная реакция на давление *батарейских*, в центре Улан-Удэ возникло объединение *гортон*. В начале 1970-х годов в Октябрьском районе, как ответ на преследования со стороны *заудинских*, появилась *организация чанкайшистов (чанок)* – ул. Геологическая, Терешковой, Ключевская. Эти группировки стали первыми объединениями *чуваков*. Первоначально *чуваки* себя позиционировали как «*бурятские команды*», которые защищались, по словам информанта, от «*синих русаков*».

Несколько позже появились другие команды *чуваков*: *хунхузы* (ул. Профсоюзная), *проспектовские* (проспект Победы), *LST-63* (Lenin street 63 – по названию двора дома, в котором оформилась эта *организация*) и др. После того как в 1970–1980-е годы в Октябрьском районе города были построены так называемые *Квартала*, в них возникли близкие по многим характеристикам с *чуваками* организации *пацанов* – *шошоны*, *генералы* (обе – ул. Павлова, школа № 35), *делавары* (20-й квартал, школа № 17), *самураи* (41–44 кварталы), *анархисты* (часть ул. Терешковой – «*Анархия*»), *гунны* (ул. Солнечная – «*Гунния*»), и др.

В отличие от *чав*, влияние криминального мира, по крайней мере, до перестройки, на *чуваков* было минимальным. Отсутствовала связь с *зоной*, не собирался *общак* и т.д. *Чуваки* предпочитали одеваться в костюмы, плащи, дубленки, галстуки, туфли, джинсы, тем самым подчеркивая свой высокий социальный статус. Так, один из информантов называл *чуваков* «*джинсовыми командами*». Одежда становилась важным индикатором, по которому можно было отличить «своего» от «чужого»:

«Хунхуз не должен был быть неопрятным, и если он приходил на пятак (место сбора – Н.К.) в непоглажен-

ных гэлсах (расклешенные брюки – Н.К.), получал по морде».

В 1960–1970-е годы городское пространство представляло собой поле боевых действий между различными группировками:

«За 1988 г. неформальными группировками организовано в районе четыре массовых драки, в которых с каждой стороны участвовало от 10 до 50 человек. Многие из них были вооружены палками, камнями, ножами. Эти драки были своевременно прекращены органами милиции. Однако 31.08.88 года при столкновении группировки “ЛСТ-63” (Советский район) с группировкой “самураев” одному из них было нанесено ножом тяжелое телесное повреждение, опасное для жизни»⁴.

При этом столкновения происходили не только между *чавами* и *чуваками*, но и внутри перечисленных лагерей. Для примера, *чанкайшисты* вступали в «войну» с *ЛСТ-63*, а *пэвзэвские* выясняли отношения с *аршанскими*. Для более успешной борьбы многие команды сколачивали коалиции. Но при этом *чуваки* создавали коалиции с другими *чуваками*, а *чавы* тяготели к *чавам*. Чаще всего столкновения происходили в дни проведения дискотек в местах отдыха молодежи: Городском парке культуры (или *Огороде*), парке им. Орешкова, ДК «Строитель» и др. Также излюбленным местом драк были городские пляжи. В бой участники группировок шли под своими боевыми кличками: *чанкайшисты* – «Уги-няс!», *проспектовские* – «Проспект – няс!», *хунхузы* – «Ураг-ша!» (что в переводе с бурятского языка означает «Вперед!»); бытовала речевка «Наша банда велика, клич хунхузов: “Ураг-ша!”»), *шошоны* – «Let it be!» (по названию песни «Beatles»), *LST-63* – «Viva LST-63!», *генералы* – «С нами бог!», *делавары* – «Viva fort!», *новянка* – «Кич – А!» и др. На домах и на заборах нередко

«Эй, хунгуз, куда идешь?! Здесь братва, и ты умрешь!»...

можно было встретить граффити, с помощью которых различные *движения* метили свои территории (*ННЗ* – *хунхузы*, *СНКСН* – *чанкайшисты* и т.д.), а также надписи с угрозами в адрес врагов:

Эй браток куда идешь?
Здесь хунхуз и ты умрешь!

или

Эй хунхуз куда идешь?
Здесь братва и ты умрешь!

С конца 1970-х годов наиболее сильные организации *чуваков* начали создавать («выводить») по всему городу свои филиалы: у *чанкайшистов* это были *шанхаи*, у *хунхузов* – *цинхаи*. Так, *чанки* создали семь *шанхаев*:

Семь «шанхаев» – много нас.
Вместе крикнем: «Уги-няе!»

Если *чанкайшистские* «шанхай» были в основном сосредоточены в Октябрьском районе Улан-Удэ, то «цинхай» *хунхузов* уже к началу 1990-х годов были разбросаны по всему городу.

От моста до ПВЗ,
Нет сильнее ННЗ!

ННЗ – это аббревиатура выполняла роль эмблемы для всех *хунхузов*, с помощью нее они метили свои территории. К этой аббревиатуре лишь оставалось добавить номер того или иного *цинхая*: *Первый* цинхай (*ННЗ-1*) – находился в центре Улан-Удэ, по улице Профсоюзной (где, собственно и зародилось *движение* хунхузов); *Нулевой* цинхай (*ННЗ-0*) – на проспекте 50-летия Октября (несмотря на свой номер, возник он позже *Первого*); *Пятый* цинхай (*ННЗ-5*) – в 47-м квартале; *Третий* цинхай (*ННЗ-3*) – на Шишковке; *Четвертый* (*ННЗ-4*) – на «Пентагоне» (ул. Норильская); а *Седьмой* – на ПВЗ в районе улиц Октябрьской и Комсомольской.

При этом последние три *цинхая* возникли в районах традиционного базирования *чав*.

Увеличение численности *чуваков*, их большая сплоченность и организованность, привели к тому, что *чавы* из рабочих поселков со временем были вынуждены перейти от экспансии к обороне «своих» территорий. Как поется в одной из дворовых песен:

А мы ребята с Зауды,
Мы не боимся «Чанкайши!»
Они кричат нам: «Уги-няс!»
А мы кричим им: «Х... в глаз!»

Несмотря на поддержание духа подобными песнями, реальный перевес сил был в то время все-таки на стороне *чуваков*.

Если в 1960–1970-х годах для *движений* улан-удэнской молодежи было характерно деление их по социально-этническому принципу, когда *чавы* – это в основном жители рабочих поселков, русские, а *чуваки* – жители благоустроенных районов, буряты, то в 1980-х годах состав группировок становится всё более и более смешанным, вне зависимости от социального и этнического происхождения. Причем наиболее активно этот процесс шел у *чуваков*. Именно в этот период для улан-удэнской молодежи наметилась тенденция, когда этничность в «уличных войнах» перестает выполнять роль границы между группировками:

«Это было в начале 80-х. Я, тогда еще провинциальный пионер, брел по столице и решил искупаться в Селенге, в районе автовокзала. И вот, значит, купаюсь, радуюсь жизни, подходят веселые ребята, приличные такие, и спрашивают, мол, кто я, чава или чувак, а я так честно говорю, что вы, ребята, я – бурят. Они поугарали, похлопали по плечу и попросили померить мои новые кроссы, привезенные из Болгарии. Без задних мыслей разрешаю при-

«Эй, хунгуз, куда идешь?! Здесь братва, и ты умрешь!»...

мерить, конечно. Они одели, попрощались вежливо и ушли. Благо было лето»⁵.

К середине 1990-х годов разница между *чуваками* и *чавами* начала стираться и в отношении к криминальному миру. Если первоначально группировки *чуваков* противостояли влиянию тюремного мира, то с приходом рыночных отношений они всё больше и больше втягивались в криминальную жизнь города. Например, к середине 1990-х годов в районе Шиш-ковки существовали две противоборствующие *организации*: *Третий цинхай* (*третьевские хунхузы*), участники которого считали себя *чуваками*, и *колонисты* (CLN-3), которые относились к *чавам*. Но та и другая группировки имели схожий социально-этнический состав участников, обе были связаны с *зоной*, обе «уделяли на общак», принимали активное участие в рэкете, разбое и т.д.

В результате к середине 1990-х годов городские группировки перестали существовать в той форме, в какой они существовали до этого времени, их противостояние потеряло прежний смысл. Этому также способствовала политика организованной преступности, направленная на «объединение» города – создание единой *шпаны*: «*Зачем вы деретесь, если вы уделяете в один общак?!*». Снятию противоречий между городскими группировками также способствовало усиление сельско-городской миграции.

«Головар хама угэ, места нет в Улан-Удэ!»

Как я уже говорил, в 1990-е годы противостояние между городскими движениями потеряло прежний смысл и с этого времени более важной разграничительной границей между «своими» и «чужими» стала граница между *городскими* и *головарами*.

Еще в 1970-е годы, несмотря на противостояние *чав* и *чуваков*, все разногласия забывались, когда речь заходила о

борьбе с *головарами*. Так называли и называют представитель сельской бурятской молодежи, которая прибывала в Улан-Удэ в основном за получением образования. Есть несколько легенд о происхождении слова *головар*. Одна из них гласит: деревенские ребята, плохо зная город, все свои встречи назначали у «Головы» – памятника Ленину на площади Советов – центральной площади Улан-Удэ. Отсюда и *головар*. Сельские ребята никак не вписывались в сложившуюся систему отношений по поводу городского пространства: «У них не было своей территории, они были чужими, и только даже за это их нужно было бить!». Чтобы как-то противостоять городским *движениям*, сельчане были вынуждены создавать свои группы, которые формировались либо по месту учебы, либо по земляческому принципу. И если до 1990-х годов они только защищались, то в дальнейшем они перешли в наступление, и Улан-Удэ, как полушутливо говорили мои друзья, подвергся *головаризации*. Город стал контролироваться *головарскими* группировками или командами «спортачей», как они сами себя называют.

В настоящее время, несмотря на разнородность *городских* (это может быть и «продвинутый» представитель «золотой» молодежи, и панк-неформал, и «правильный пацан», «живущий по понятиям») есть то общее, что их объединяет – это негативный образ «чужого», «некультурного» *головара*.

«Вот что я думаю о головарах: 1) Как правило, это сельский бурят, но не обязательно; 2) Неотягощен высшим образованием, но бывают исключения; 3) Плохо говорит по-русски, иногда и по-бурятски, не связывает слов без мата, при чём даже в эпистолярном жанре; 4) не знает, что такое эпистолярный жанр и вообще его словарный запас состоит в основном, из жаргонных и блатных выражений; 5) любит выпить, при чём пьёт всё что горит; 6) редко бывает в городе, основной приток головаров идёт при поступлении на учёбу, где головары долго не задерживаются; 7) любит подраться в пьяном виде, желательно с людьми из других районов. Обычно

безобиден; 8) не любит городских; 9) слушает «Руки верх», «Стрелок» и Ваню Кучина. В общем – неинтеллигентный тип»⁶.

То, что *головар* – это, прежде всего, сельский житель, имеется в представлениях многих *городских*. Так, в жаргонном словаре на сайте «Самое о самых» дается следующее ироничное определение:

«Головар – житель сельской местности, несколько обалдевший от городской жизни»⁷.

Или вот еще мнения с форумов Интернета:

«Не каждый выходец из деревни – головар, но каждый головар – выходец из деревни. Это факт... Характеристика головара: 1. из деревни, 2. борец, 3. имеет поддержку среди «огородившихся» борцов»⁸.

Для *городского* в Улан-Удэ досуговое социальное пространство четко разграничено: есть места, где собираются одни *головары*, следовательно, *городскому* там делать нечего, и места, где можно нормально расслабиться:

«Ну и где могёт нормальный чел отдохнуть в городе?... Самый ужасный и стрёмный клуб из мне известных – это “Восточные Ворота” (ул. Геологическая). При желании, с входными в 50 рублей, попивая газировку из пластмассовых одноразовых стаканчиков (или что другое), толкаясь и ругаясь с головарами города, под черт поймешь какую музыку, и, портя себе тусовочное настроение, милости просим...»⁹.

Городские фиксируют свое отличие от *головаров* также на уровне одежды:

«Не обладающие даром физиогномистов, отличающих наивные лица *головаров* от непростых ликов “продвинутых”, безошибочно узнают *головаров* по китайским “гриндерам”, тайваньским толстовкам и шапкам-домикам»¹⁰.

Важная черта, которой наделяют *городские* образ *головара*, – это его грубость и агрессивность:

«...проявление высшего восторга у него такое: ЖЖЖЖЕСТКО, МЛЯ!!! Высший комплимент в его устах: ЖЖЖЕСТКИЙ ХРАСАВЧИК, МЛЯ!! Самая жестокая угроза: Проход ноги, мля! Бросок через бедро! На пике возмущения он говорит: Ты, чо, Нах..., НАПРЯЖЕЕЕНКААА ЖЕЛАЕШЬ!»¹¹.

Приезжая в Улан-Удэ, сельская молодежь попадает в чуждое для нее социальное пространство, в котором необходимо адаптироваться. Разумеется, это социальное пространство занято освоившими город с детства *городскими*, которые живут по своим «правилам» и пытаются навязать свою «картину мира» приезжим сельским ребятам. Одно из центральных мест в этой «картине» занимает противопоставление *городских головарам*.

«После окончания школы я приехала в Улан-Удэ, чтобы поступать в университет ... когда я шла на первый экзамен, встретила двух городских девиц. Они на меня так презрительно посмотрели, а когда оказались за спиной, одна из них сквозь зубы произнесла: “Вон, головарка прошла!”. Правда, я тогда не поняла, что это значит».

По моему мнению, для того чтобы адаптироваться к городу, сельским ребятам приходится выбирать одну из двух стратегий: либо стратегию принятия, либо стратегию отрицания. Первая стратегия предполагает, что сельчанин принимает стандарты *городских* и стремится, им соответствовать, и тем самым стать *городским*, преодолевая в себе «головарство»:

«Когда начала жить в Улан-Удэ, я была такой головаркой: одевалась как головарка, вела себя как головарка! А сейчас я чувствую, что я ничем не отличаюсь от городских!».

«Эй, хунгуз, куда идешь?! Здесь братва, и ты умрешь!»...

Выбравшие эту стратегию стремятся устанавливать новые социальные контакты:

«Поначалу я в основном общался с земляками с моего села, района, прошло пять лет и сейчас большинство среди моих друзей городские».

Иногда эта стратегия понимается очень упрощенно. Это хорошо показано, пусть и в утрированной форме, в следующем анекдоте:

«Приехали как-то два головара в Улан-Удэ, походили, побродили маленько, а на них никто не обращает внимания и разговаривать с ними не хотят. И вот думают, как же им городскими стать. И тут кто-то им сказал: чтобы стать городским, надо залезть на голову Ленина. Пошли они на Площадь Советов, и давай карабкаться на голову, но залезть так и не смогли. Тогда один из головаров говорит: ты меня подсади, и тогда я залезу на голову. Тут другой головар его подсадил; тот залез на голову Ленина и сидит там. А второй ему давай кричать: мол, давай я тоже залезу. А тот, который на голове, говорит ему: “иди на фиг головар хренов!”».

Вторая стратегия направлена на отрицание установок *городских* и на создание своей схемы восприятия. Удивительно, что понятие *головары* в этой схеме также продолжает активно использоваться, но при этом в несколько ином смысле. Это понятие в представлениях многих сельских ребят теряет тот социально-этнический смысл, которые вкладывают в него *городские*.

«Все-таки не каждый сельский бурят откуда-нибудь с Курумканского или Еравнинского района есть головар. Я, например, всю сознательную жизнь, по крайней мере, ее большую часть, прожил в деревне, и ничуть не стыжусь этого»¹².

«Что вы понимаете под термином “головар” г-да горожане? Если головар, по мнению многих продвинутых ребят, это сельский житель то я – головар. Если же под словом головар понимать некую мировоззренческую позицию, на которую есть хорошее русское слово жлобьё, то да, жлобьё маст дай»¹³.

Взамен дихотомии «*городские – головары*» сельчане пытаются ввести противопоставление по линии «*мы и головары*». Слово *головар* становится в устах некоторых сельчан ругательством, это «человек, для которого нет ничего святого, в общем, моральный урод». Часто оно обращено на уроженцев других сельских районов:

«У нас в Усть-Орде головаров нет, но их много приезжает с Тунки, Закамны...».

Среди выбирающих вторую стратегию более важным является общение с земляками со своего села, района (которые, разумеется, не являются в их представлениях *головарами*), чем приобретение новых социальных контактов. В результате даже на *городских* они смотрят через призму землячеств:

«В городе нет городских, а есть тункинские, хоринские, баргузинские и другие землячества».

Тем самым подвергается сомнению существование единства *городских* и их «право» на символическое доминирование в социальном пространстве Улан-Удэ. В то же время слабость земляческих отношений среди *городских* воспринимается как существенный недостаток:

«Городские оторвались от корней, они не чтят традиций, не уважают старших...».

Всё это создает в глазах сельчан легитимность действий, направленных на подчинение социального пространства го-

«Эй, хунгуз, куда идешь?! Здесь братва, и ты умрешь!»...

рода. Часто эти действия находят свое выражение в физическом насилии против *городских*, по принципу «не мы их, так они нас!».

* * *

Таким образом, до 80-х XX века молодежные группировки Улан-Удэ формировались по этносоциальному принципу – «русские чавы» из рабочих поселков и «бурятские чуваки» из «центра»; соответственно в «уличных войнах» конструировались этнически окрашенные образы «врага» – «налим», «синий русак». В 1980-е годы состав группировок становится всё более и более смешанным, вне зависимости от социального и этнического происхождения. В 1990-е годы противостояние между «чавами» и «чуваками» потеряло прежний смысл, и произошло это во многом благодаря появлению нового образа «врага» – сельского «головара». «Уличные войны» между «русскими» и «бурятскими» группировками сменились «войнами» между «городскими» и «сельскими».

На мой взгляд, пример «уличных войн» в Улан-Удэ хорошо показывает нам, как формирование одной формы толерантности, например, в межэтнических отношениях, достигается за счет появления новой формы интолерантности, в нашем случае противостояния между городом и селом.

Примечания

- ¹ Халудорова Н.А. Молодежь Улан-Удэ: «султанки», «генералы», «чанкайшисты» и другие // Вестник Евразии. 1996. № 1. С. 167–172; Бадмаев А.А. Неформальные молодежные ассоциации в Улан-Удэ // Вестник Евразии. 2002. № 1 (16). С. 89–103; Митупов К.Б. Группировки семидесятых: воспоминание-комментарий к статье А. Бадмаева // Вестник Евразии. 2002. № 1 (16). С. 104–109; Карбаинов Н.И. Формирование городской субкультуры Улан-Удэ (неформальные молодежные объединения 50–90 гг. XX века) // Евразийское пространство глазами молодых или Новое поколение о... Альманах Школы молодого автора. 2003. Вып. 2. М., 2004. С. 220–228; Карбаинов Н.И. «Город-

- ские» и «головары» в Улан-Удэ (молодежные субкультуры в борьбе за социальное пространство города) // Вестник Евразии. 2004. № 2 (25). С. 170–183.
- ² *Салагаев А.Л., Максудов Р.Р.* Подросток в городе: проблема социализации. Казань, 1988; Криминологи о неформальных молодежных объединениях. М., 1990; *Агеева Л.В.* Казанский феномен: миф и реальность. Казань, 1991; *Прозументов Л.М.* Групповая преступность несовершеннолетних и её предупреждение. Томск, 1993; *Булатов Л.М., Шеслер А.В.* Криминогенные городские территориальные подростково-молодежные группировки (уголовно-правовые и криминологические аспекты). Казань, 1994; *Салагаев А.Л., Шашкин А.В.* Насилие в молодежных группировках как способ конструирования маскулинности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. Т. V. № 1. С. 151–160; *Салагаев А.Л., Шашкин А.В.* Молодежные группировки – опыт пилотного исследования // Социс. 2004. № 9. С. 50–59 и др.
 - ³ *Салагаев А.Л., Шашкин А.В.* Молодежные группировки – опыт пилотного исследования // Социс. 2004. № 9. С. 50.
 - ⁴ Откуда взялись «Чанки» и прочие...? // Молодёжь Бурятии. 18 марта 1989.
 - ⁵ Форум «Сайт Бурятского народа». Тема: «Как нам республику называть, или страна Головария» // buryatia.org.
 - ⁶ Форум «сайт Бурятского народа». Тема: «Как нам республику называть, или страна Головария» // buryatia.org.
 - ⁷ «Самое о Самых». Жаргонный словарь // www.baikalmet.ru.
 - ⁸ Форум «Сайта Бурятского народа». Тема: «Убей головаара» // buryatia.org.
 - ⁹ «Самое о Самых». Жизнь глазами Самых (истории и рассказы) // www.baikalmet.ru.
 - ¹⁰ *Бадугева Н.* Современные зунтугло, головаары и прочие... // Информ Полис. 3 декабря 2003.
 - ¹¹ Форум «сайта Бурятского народа». Тема «Правила настоящих уландэнцев» // buryatia.org.
 - ¹² Форум «сайт Бурятского народа». Тема: «Как нам республику называть, или страна Головария» // buryatia.org.
 - ¹³ Форум «сайт Бурятского народа». Тема: «Убей головаара» // buryatia.org.

УЛИЦА: СВОИ И ЧУЖИЕ **(на материале молодежных группировок** **городов Среднего Поволжья)**

А.В. Шашкин

Целью нашего эмпирического исследования¹ было создание целостного образа молодежных арен, акторы которых формируют властные иерархии и осуществляют процессы регулирования гендерного порядка за счет насильственного и преступного поведения. Мы сосредоточились на рассмотрении российских особенностей конструирования маскулинности/феминности в подростково-молодежных территориальных группировках, широко распространенных в г. Казани и Поволжском регионе России. Члены таких группировок создают в своих практиках не только уникальную гендерную идентичность, предопределенную особыми историческими и социальными условиями, но и специфические практики регулирования гендерных режимов и порядков своего сообщества. Таким образом, в фокусе исследовательского интереса оказались как сами описанные идентичности, так и роль насилия в процессе регулятивных воздействий доминантных групп подростковой среды на подчиненные. Особое внимание уделялось нормам и ценностям молодежных группировок, в том числе и гендерным отношениям, представляемым исследователями в терминах отношений власти/подчинения. Одной из задач исследования было изучение повседневных взаимодействий членов группировок с потенциальными жертвами уличного насилия, а также процесса превращения подростка в жертву. Виктимизация в данном контексте интерпретировалась как инструмент регулирования гендерного порядка уличной территории.

Для многостороннего изучения формирования маскулинности в подростково-молодежных группировках были проведены неформализованные глубинные интервью с актив-

ными их членами в естественных условиях улицы. Выбирая методические подходы к исследованию группировок, мы руководствовались опытом наших зарубежных коллег, давно занимающихся данной проблемой. В частности, считается, что наиболее глубоко такой сложный феномен, как подростковая группировка может быть изучен с использованием, в первую очередь, глубинного интервью. В общей сложности в конце 1990-х – начале 2000-х годов нами было проведено 42 интервью в таких поволжских городах, как Казань, Набережные Челны, Азнакаево, Ульяновск и Димитровград.

Поволжский регион и г. Казань были выбраны для проведения полевых исследований не случайно. Казань была одним из первых городов, где в конце 1960-х годов появились молодежные группировки. Именно поэтому феномен российских группировок широко известен в нашей стране и за рубежом как «казанский феномен». Затем казанские группировки включили в сферу своего влияния и другие города (в частности, Москву и Петербург), распространяя свое культурное влияние и становясь своего рода символом молодежных преступных групп городских районов (в данном смысле их можно сравнить с известными на весь мир американскими шайками Крипсов и Бладов). Поволжский регион вскоре стал одним из центров активности подростковых группировок, а также местом, где их можно обнаружить буквально повсеместно.

Наиболее трудным для исследователей был этап поиска и рекрутирования респондентов в таких опасных и закрытых молодежных сообществах, какими являются группировки. Долгие обсуждения были посвящены этическим аспектам исследования: как его проведение может сказаться на дальнейшей жизни наших респондентов, не повредит ли оно им, насколько корректно предоставлять обширную информацию о российских группировках широкой российской и мировой научной общественности, не послужит ли это дальнейшей популяризации деятельности таких групп? Большинство респондентов было найдено методом «снежного кома». Важ-

ным при проведении интервью было поручительство наших «агентов» перед членами группировок в том, что результаты интервью будут использованы только в научных целях.

В ходе исследования нами был собран большой объем материала о гендерных отношениях, репрезентациях маскулинности, нормах и ценностях членов группировок, восприятии их другими локальными акторами и т.п.²

В ходе дальнейшего изложения нам бы хотелось подробно остановиться на процессе конструирования маскулинности членами молодежных группировок за счет создания и регулирования определенного гендерного режима, а также за счет насильственной виктимизации сверстников, не входящих в группировки, то есть за счет управления гендерным порядком улицы.

Здесь необходимо отметить, что термины «гендерный порядок» и «гендерный режим» вовсе не говорят о некоем единомобразии *системы*, как предполагал бы функционалистский анализ. Напротив, мы имеем дело с единством исторической композиции – всегда незаконченной и находящейся в состоянии становления, обусловленной осязаемым, активным и часто трудным процессом приведения элементов в связь друг с другом. Результатом этого процесса является не логическое единство, а эмпирическая унификация. Она происходит в конкретном виде под воздействием конкретных обстоятельств³.

Юноши и девушки

Гендерный режим российских группировок характеризуется ярко выраженным сексизмом по отношению к девушкам, что находит свое выражение не только в отношениях и оценках представительниц противоположного пола, но и в микрокультурных нормах и практиках исследуемых сообществ. Среди обнаруженных нами узловых элементов гендерного режима группировок можно выделить следующие.

1. Не признается право девушек на создание собственных группировок:

«Женские группировки не признаются мужскими. Считают, что всё это ерунда. Если на территории мужской группировки собирается женская, то на них устраивают облавы. Если девушку из группировки поймают, то избивают или заставляют взять в рот...» [2]⁴.

2. Девушкам нельзя присутствовать на «сходняках» мужских группировок:

«Девушки – не пацаны, поэтому не могут быть членами группировки и соответственно участвовать в сходняках» [15].

«Баб на сходняках не бывает, бабы это бабы. Если кто и придет, то она будет ждать где-нибудь, или ее могут послать, чтобы она ушла» [5].

3. Права женщины нельзя защищать публично, за женщину нельзя вступаться, если она не состоит с членом группировки в родственных отношениях (не является женой, сестрой или матерью). То есть, если к девушке пристали другие парни, то нельзя ее защищать, можно только *попросить* их этого не делать.

Сексизм в отношении к девушкам характерен не только для нашей страны. Как показывает сравнительный анализ материалов различных исследований, кроме уже сложившихся норм относительно статуса и прав девушек, члены группировок в повседневной жизни часто допускают сексистские высказывания. Супруги Швендингер в своем исследовании женских шаек в США обнаружили, что сексистская эксплуатация девушек является достаточно распространенной в среде молодежи как среднего, так и низшего классов⁵. Один «домашний мальчик» в ходе своего интервью другому американскому исследователю Джоан Мур⁶ сказал об отношении к девушкам следующее:

«На мой взгляд, к 90% из них относятся как к дерьму. Обычно мы просто используем их для удовлетворения сексуальных потребностей или просто для поддержания компании. Просто нам нужно с кем-то трахаться...».

Аналогичные высказывания были получены в ходе наших интервью: «девушки могут только ублажать, решать сексуальные проблемы» [4]; «все женщины – б...» [5] и т.п.

В данном контексте нельзя не упомянуть так называемых «общих девочек» группировок, существование которых фиксировалось целым рядом отечественных исследователей. Как, например, пишет А.Тузиков, в соответствии с нормами группировок девушки делились на две группы: «своих» девочек и «чужих» (проживающих, главным образом, на территории враждебной группировки)⁷.

В отношении «чужих» девочек, которые не входили в союзные и нейтральные группировки, вполне нормальным и поощряемым было вступление с ними в насильственную половую связь (за исключением тех периодов, когда группировки заключали между собой перемирия). «Свои» девочки имели в группировках большой удельный вес. По данным исследования Тузикова, в конце 1980-х гг. удельный вес девочек в группировках составил 27,8% от числа всех участников. Как пишет Тузиков, внутри группировок различались «свои» девочки и «матрены». Разница в их статусе была значительной. «Общие» девочки удовлетворяли половые потребности всех участников конкретной группировки. Возможности отказаться от таких связей у общих девочек не было, в противном случае они могли быть подвергнуты физическому насилию или моральным унижениям:

«Мальчики часто пускали нас на “общак”. Право требовать общих девочек было у каждого пацана за исключением тех, кого выгнали из группировки. В половую связь с общими девочками пацаны вступали поочередно в присутствии всех остальных. Если кто-либо из девочек отказы-

вался вступить в половую связь, пацаны их избивали или становились вокруг них и прямо на них мочились. Часто половые акты совершались в извращенной форме...»⁸.

В некоторых группировках мораль требовала от подростков обязательного полового контакта с общими девочками. Это связывалось с тем, что половой акт рассматривался в группировках как одна из форм принятия их форм и ценностей, один из способов самоутверждения подростка и обретения им в группе определенного социального статуса. По этой причине в основе половых контактов в группировках часто лежали мотивы незрелого характера⁹.

«Матренами» в группировках являлись девушки более старших возрастов (16–17 лет), обычно они находились в постоянной связи с кем-либо из лидеров и «курировали» общих девочек (следили за соблюдением ими групповых норм). В обязанности этих девушек иногда входило обеспечение лидеров информацией о поведении других участников группировок; эту информацию девушки получали от общих девочек. Общие девочки с 16–17 лет становились проститутками, приносящими группировкам определенный доход. «Матрены» активно занимались преступной деятельностью, выступая в роли пособниц при совершении грабежей, разбоев, вымогательств и т.п.¹⁰

Сексистское отношение подростков к девушкам дополнялось также запретом на общение участниц группировок с подростками и молодыми людьми, не входящими в группировки. Кроме того, общих девочек заставляли привлекать в группировки новых девочек. Такая замкнутость девочек на образе жизни группировок отчуждала их в будущем от создания полноценных семей и материнства, сказывалась на состоянии их здоровья в связи с производством абортот и заражением венерическими заболеваниями¹¹.

В ходе проведенного исследования нам удалось обнаружить лишь «фантом женских группировок» – везде, где они

когда-то были, констатировалось их отсутствие, а возможность участия девушек в деятельности мужских групп категорически отвергалась. Мы связываем трансформацию гендерного режима российских группировок прежде всего с приходом в них и интернализацией их членами норм и ценностей тюремной субкультуры. Так как в таких «тотальных институтах», как тюрьма или армия, мужское сообщество, как правило, является однородным, именно эта гомосоциальность становится важнейшим средством поддержания гендерного режима. В дальнейшем вокруг гомосоциальности и недопущения попадания в группировку девушек строится весь комплекс регулятивных воздействий.

Так, например, предположение о конструировании маскулинности членами молодежных делинквентных группировок за счет сохранения гомосоциального единства и акцентуации отношений власти-подчинения между мужчинами и женщинами подтверждается результатами антропологического исследования особенностей репрезентации маскулинности в подростковой среде г. Тихвина. На вопрос об общении с девушками член местной группировки (в локальном сленге – «тусы») ответил следующим образом:

«...Конечно, общаемся... Я вон с одной пообщался – на полночи и домой... правильно? ...С нами, с алкоголиками, не хотят никто тусоваться. Просто мы пьем, на х., напропалую. ...У нас с бабами знаешь, какие проблемы. Раздва и обчелся. Бабу трахнуть и кинуть, а потом полгода новую искать. Вот у нас принцип»¹².

Как отмечает Е.В. Кулешов, формула, упомянутая в высказывании, явно десемантизирована: фраза «полгода новую искать» не указывает на обделенность женским вниманием, но утверждает независимое и доминирующее положение мужчины. Обособить маскулинное сообщество от девушек помогает и ссылка на употребление алкоголя¹³.

Характерные попытки «драматизации гомосоциальности» и преувеличенное, демаркирующее значение совместного мужского опыта свойственно и другим мужским сообществам, например, армейским.

Сексистское отношение к девушкам является кирпичиком в основании групповой идентичности исследованных нами российских группировок. Вместе с тем, нам не удалось обнаружить непосредственного, физического насилия над девушками: из-за низкого положения, которое все девушки и женщины занимают в гендерной иерархии, на них считается зазорным даже поднимать руку (это сравнимо также и с запретом беспредела – группового избиения беззащитной жертвы или ее унижения).

Старшие и младшие

Иерархии группировок и существующий там гендерный режим служат основой для осуществления управленческих воздействий. Наиболее четко это проявляется в процедуре приема в члены группировки, когда претенденты проходят жесткий «контроль на гендерное соответствие».

Почему подростки идут в группировки? На наш взгляд, существенным для подростка является позиционирование собственной маскулинности в одном из существующих гендерных режимов, в иерархиях маскулинностей окружающих его социальных институтов. Причем важно, чтобы властные отношения не были предзаданы существующими в обществе иерархиями между родителями и детьми, учителями и учениками и т.п. Именно поэтому семья и школа плохо подходят для таких целей. В группировке же, напротив, все новички находятся, по существу, в равном положении и имеют одинаковые возможности для продвижения вверх по ступеням иерархии.

Кроме того, гомосоциальное сообщество с определенным гендерным режимом конструирует себя посредством созда-

ния различий с «другими». Целостность сообщества обеспечивается насильственным путем: «своих» защищают, а «чужих» превращают в жертв. Иными словами, попадание в группировку дает подростку защищенность. Если он не входит в ту или иную группировку, то всегда находится под угрозой избиения, притеснения, издевательств в школах и на улицах, вымогательства денег и вещей.

Важное значение играет конструирование целостного образа представителя гегемонной маскулинности. Члены группировок романтизируют образ «настоящего пацана», ведущего определенный «группировочный» образ жизни и сумевшего за счет этого достичь высокого положения в своей среде, сесть в «социальный лифт», недоступный для многих представителей низшего класса:

«Старшие живут очень неплохо, ездят на дорогих машинах, держат ночные клубы и т.д., занимаются прибыльными делами, в то время как у человека, который сам по себе, шансов на всё это намного меньше. В наше время без этого не обойтись, если даже самому не быть членом группировки, просто необходимо иметь таких друзей» [1].

Проверка соответствия нормативным идеалам маскулинности начинается еще до того, как новичок предстанет перед старшими членами группировки. Это говорит о том, что маскулинность не сводится к особенностям поведения в диалоге или драке, она представляет собой целый культурный мир группы, к которой принадлежит индивид, включающей в себя также и социальные, классовые, этнические и иные характеристики:

«Пополнение происходит путем подбора подходящего кандидата и, в дальнейшем, подтягивания его на улицу. Если этот пацан был раньше с другой улицы, то пробивают [узнают] о его прошлой жизни у его бывших братьков» [9].

Подросток, вступающий в группировку, как бы начинает новую жизнь, а потому, если за ним есть какие-нибудь «зихера»¹⁴, то он должен о них обязательно рассказать. Мелкие «зихера» прощают, но в случае, если человек обращался ранее в милицию (имеет репутацию «козла») или у него отбирали деньги или вещи (таких называют «сладкими»), его в свои ряды не принимают.

Как правило, случайных людей в группировках нет:

«Со стороны никто не приходит: все друзья, одноклассники, родственники, живут все рядом. Смотрим на умственные и деловые качества. Но новых всех, конечно, сначала проверяем...» [14].

По словам одного из активных членов группировки «П.», его приход в группировку был продолжением образа жизни:

«Уже довольно долгое время у меня хорошие отношения с членами многих группировок города Казани, и когда мне предложили подтянуться к улице, я долго не раздумывал. Произошло это так: друг привел меня на сходняк и сказал: “Вот тут один пацаненок хочет подтянуться к улице”. Пацаны обсудили этот вопрос, затем ко мне подошли трое и довольно долгое время мы беседовали за жизнь. После этой своего рода проверки меня приняли» [9].

Здесь мы наблюдаем процесс, который можно назвать «воспроизводством маскулинности». Представители гегемонной маскулинности хотят сохранить властный статус, поэтому им необходимо организовать процесс «правильной» социализации подростков, прививать им особый кодекс норм и ценностей группировки. Так, при некоторых группировках существует категория, которая называется «подростающая молодежь», за которой наблюдают и которую обучают старшие члены группировки. Если возникнет необходимость, именно эти «проверенные» подростки могут быть «подтянуты к улице». В целом, с переходом к коммерции и разделе-

нием группировок на отдельные бригады, каждая из которых занимается определенным бизнесом, усилились и требования к «кадрам». В каждой бригаде в резерве имеется 15–20 несовершеннолетних, однако только 3–4 из них в последующем будут допущены к делам.

С другой стороны, подростки, видя отсутствие жизненных траекторий, альтернативных криминальным, уже с раннего возраста пытаются выгодно позиционировать себя. Это происходит за счет интернализации криминальных норм и ценностей, вовлечения в игры и ритуалы, характерные для «группировочного» образа жизни.

Регулирование гендерного режима группировок происходит посредством процедур приема, выхода и текущего контроля деятельности членов группировки. Данные процессы могут быть адекватно описаны с помощью концепции «дисциплинарной власти» М. Фуко. Описывая микрофизику властных отношений, Фуко выделял три инструмента дисциплинарной власти, являющихся как бы микро-властями.

1. Иерархическое наблюдение, заключающееся в надзоре над всем, что находится под контролем.

2. Нормализующее осуждение, заключающееся в наказании тех, кто нарушает нормы. Так, индивид может быть осужден и подвергнут наказанию за нарушение норм, связанных со временем (опоздание), деятельностью (бездеятельность), поведением (невежливость) и телом (неправильные предпочтения). Подобные нормализующие осуждения служат для сравнения, дифференцирования, иерархизации, гомогенизации, а если необходимо, то и для исключения людей.

3. Проверка (экзамен) используется с целью наблюдения за индивидами и применения к ним нормализующих осуждений. Третий инструмент власти включает два предыдущих, его Фуко называл «нормализующим надзором»¹⁵.

Проверка являет собой хороший пример связи «власть – знание»: те, кто имеет власть осуществлять проверку, получают за счет нее дополнительное знание о субъекте, а следо-

вательно, и власть над ним. Таким образом, проверка трансформирует «экономику видимости в осуществление власти»¹⁶.

В российских группировках существуют различные процедуры и ритуалы проверки при приеме новых членов:

«...Сначала происходит проверка: приводят кандидата на принятие во двор и говорят ему: “Ты здесь посиди, а я сейчас позвоню ...там, соберу пацанов, мы решим этот вопрос, ну и что-то в этом роде”. Затем уходит и спустя некоторое время приходит несколько человек, с которыми заранее договариваются. Они проверяют кандидата: задают ему разные вопросы, предлагают разные вещи... короче, грузят, на предмет выявления зихеров, и если во время проверки не выявляется ни одного зихера, его принимают. В противоположном случае страдает и кандидат (у него могут отобрать деньги, ценные вещи), и тот, кто его привел» [9].

Таким образом, войти в группу представителей «вышей» уличной маскулинности не так уж просто. Этому всегда предшествует жесткая и отнюдь не ритуальная процедура. Наиболее типична для приема ситуация, когда подростка приводят в общий круг (примерно 15–30 человек) и тот, кто его привел, дает ему характеристику. Далее ему задаются вопросы следующего характера: «Зачем ты пришел сюда?», «С какой целью?» Как правило, на эти вопросы существуют шаблонные ответы: «хочу жить с пацанами» или «разделяю пацановские понятия и хочу иметь вашу поддержку». Но каким бы ни был ответ, ключевыми в нем должны быть слова «пацаны» и «вместе». В случае, когда таких ответов не получают, кандидату отказывают. Если вступающий неуверенно отвечает на вопросы – его могут проверить физически:

«...кем-нибудь из старших дается указание тому из младших, кто поздоровее, стукнуть его так, чтобы он упал, но не покалечился. Если человек после этого встал, не поте-

рля самообладания, не стал кричать “не бейте меня”, то его, безусловно, берут» [10].

По мнению Симпсона, занимавшегося исследованием женских шаек в США, как в мужских, так и в женских шайках умение драться является главным инструментом завоевания престижа, репутации и достижения высокого статуса в группе. Именно поэтому жесткая церемония инициации включает проверку на умение драться – в шайку кого попало не берут¹⁷.

Большинство культур, где доминируют мужчины, требует от молодых людей способности физически защитить честь своего сообщества и его членов. Часто более старшие по возрасту мужчины вовлекают молодежь в организованные бойцовские группы, а демонстрация физической силы, защитные навыки и способность бороться за «своих» становятся основными измерениями маскулинности. Причем молодым людям бывает нелегко заработать и утвердить статус «уважаемой другими маскулинности». Если подросток не оправдывает ожидания сообщества, то его статус существенно понижается, и он легко может стать жертвой.

Однако в российских группировках ситуация обстоит несколько иначе: потенциальный член группировки должен продемонстрировать не только умение «держать удар», но и умение разговаривать, владение нормами и ценностями данной микрокультуры; он должен вести сходный образ жизни и иметь вполне определенные жизненные цели. Даже то, как человек стоит, как он смотрит, во что одевается и как причесан, имеет значение. То есть под внимание попадает весь спектр элементов маскулинной репрезентации, ведь потом принятый подросток будет уже репрезентировать не индивидуальную, а групповую маскулинность сообщества.

Для подростков, вновь вступивших в группировку, существуют определенные правила: не пить спиртное вне дома (если выпил – лучше не выходи), не курить¹⁸ (тем более

«травку»), не колотьяся, не оскорблять обидными словами членов группировки, посещать сборы и т.п. [10].

Проверка новичков продолжается и после вступления в группировку. Здесь также происходят «иерархическое наблюдение» и «нормализующее осуждение», целью которых является создание рафинированной гомосоциальной группы:

«Когда возраст только набрался – их чаще всего наказывают массово, как минимум 5 раз в неделю. Таким образом, происходит отсеивание слабых. Обычно же наказывают провинившегося несколько человек (2–3) старшего возраста. Наказывают по принципу “один за всех и все за одного”. Даже если кто-то один из младшего возраста опоздал на строгий сбор на пять минут – наказывают весь возраст. Наказание происходит в ближайшей беседке или темном месте. Чем сильнее провинность, тем большее наказание. Но ногами и предметами бить нельзя. Примерно, через 2–3 месяца такой жизни наказания происходят реже и могут носить уже индивидуальный характер. Была практика, когда за нарушение правил нарушителя отдавали в руки своего же возраста. Тогда 2–3 человека наказывали одного, но, в связи с тем, что молодежь стала озлобляться друг на друга, ее прекратили» [6].

Процедура исключения, являясь действенным инструментом социального контроля и регулирования гендерного режима группировки, также помогает избежать накопления критической массы девиаций. Так, член группировки «П» сказал в своем интервью:

«...с улицы могут отшить – тусануть за какой-нибудь зихер. При отшивании человека забивают до полусмерти и пробивают на определенную сумму денег, в виде компенсации. Например, наркоманов с улицы сразу отшивают» [9].

В другом интервью нам удалось выяснить, за какие же проступки могут выгнать из группировки:

«...Могут отшить из-за того, что сдал (“закозлил”) своего ментам или подставил своих, т.е. сдал другой группировке, но это бывает очень редко. Бывает так, что, испугавшись ментов, сдает клички своих, места и время сборов. Иногда, если разболтал чужим то, что предназначено только для своих. Еще отшивают за нерегулярное посещение сборов, неуважение старших или если общается постоянно с лохами» [7].

То есть причинами «отшivanja» чаще всего является несоответствие образу нормативной гегемонной маскулинности группировок, подрыв их гомосоциального единства, а также несоблюдение субординации. Так, общение с представителями подчиненных маскулинностей («лохами») считается особо зазорным: с ними нельзя проводить досуг, здороваться за руку и даже стоять рядом в общественном транспорте. Каждый в уличной иерархии должен знать свое место.

Однако уход может произойти и достаточно мирно, хотя такой вариант является скорее исключением, чем правилом:

«...тот, кто отходит, должен привести убедительные основания для своего ухода. Если на сходянке пацаны решат (своим возрастом), что доводы убедительные, то пацан отходит спокойно. Отойти можно и на время, но имея при этом достаточные основания (болезнь родителей и т.д.)» [9].

В некоторых группировках выход происходит после уплаты определенной суммы денег: «заплатил отходные и гуляешь» [12]. Как правило, мягко уйти позволяют далеко не многим. В эту категорию подростков попадают те, кто, даже будучи вне группы, не подорвет имидж ее коллективной гегемонной маскулинности, то есть останется «настоящим пацаном».

Таким образом, размышляя о причинах возникновения и непрерывного регулирования существующего гендерного ре-

жима в российских молодежных группировках, сущность которого заключается в изоляции от женщин и намеренном занижении их статуса, мы предположили, что доступ женщин в мужскую гомосоциальную группировочную среду повысит их символический статус и в то же время подорвет мужскую уверенность в своем превосходстве. Подобную ситуацию можно описать, введя термин «украденная маскулинность», а насилие против любого проявления женской групповой активности рассмотреть как некую маскулинную тактику по поддержанию подорванной мужественности. Появление женских группировок приходит в противоречие с сексистскими ожиданиями мужчин-группировщиков, а смешанные группировки не возникают из-за опасений членов группировок, что включение девушек нарушит существующий гендерный режим группировки и приведет к дезорганизации.

Схожим образом нарушает гендерный режим и появление мужчин, маскулинность которых не соответствует образу нормативной маскулинности членов подростковых группировок. Именно поэтому в ходе регулирования гендерного режима члены группировок стараются воспроизводить гегемонную маскулинность, не допуская попадания в группу тех, кто подрывает групповое гендерное соответствие, или вовремя избавляясь от них.

Пацаны и лохи

Улица является ареной постоянных конфликтов между разными группами молодежи. В ходе подобных взаимодействий одни группы получают реальный и символический контроль над другими, стремясь сохранить его путем насилия. Один из вариантов насилия – нападение на постороннего мужчину; как правило, агрессия осуществляется в отношении *молодых* мужчин.

В нашем исследовании мы будем исходить из предпосылки, что насилие и виктимизация в молодежной среде, с од-

ной стороны, являются отражением присутствующих там властных отношений, а с другой – действенным инструментом регулирования гендерного порядка уличного сообщества группами, репрезентирующими доминантную маскулинность (в нашем случае – молодежными группировками).

Даже в случае, когда член группировки не знает свою жертву лично, он способен практически безошибочно определить ее место в системе властных иерархий улицы. Члены группировок репрезентируют особые формы маскулинности, с очевидностью являющиеся гегемонными для того социального поля, где они действуют, тогда как жертвы уличного вымогательства и насилия репрезентируют подчиненные маскулинности. По информации, полученной из глубинных интервью с членами группировок, тех, кто представляет из себя потенциальную или реальную жертву уличных ограблений и других насильственных действий, называют «лохами». В ходе нашего исследования мы попытались найти «маркеры подчиненных маскулинностей», некие «символы жертвенности и подчинения», которые помогают членам группировок определить и выбрать жертву.

Предлагаемая нами терминология берет свое начало в социальной драматургии Ирвинга Гоффмана. Наиболее существенным для нашего исследования является понятие «гендерный дисплей»¹⁹. Гоффман пишет: «Под воздействием естественного отбора определенные типы эмоционально мотивированного поведения подвергались формализации – в этом смысле, что они оказались упрощены, чрезмерно акцентированы и стереотипизированы... Такие типы поведения являются «дисплеями» – это видимо-утилитарное понятие, которое лежит в самой основе этологических понятий коммуникации»²⁰. Дисплеи, таким образом, призваны информировать окружающих о социальной идентичности, настроении, намерениях и жизненных планах индивида. Причем в каждой культуре характерный ряд такого рода индикативного поведения и внешности становится специализирован-

ным, подвергается формализации, сводится к чему-то более или менее рутинному, но, возможно, более эффективному с точки зрения выполнения именно информативной функции.

Принимая за базовое определение гендера как культурно заданного коррелята пола (не важно, биологически или социально обусловленного), Гоффман писал, что гендерные дисплеи реферируют к конвенционализированным изображениям этих коррелятов. Он также считал, что гендер является одной из наиболее глубоко укорененных характеристик человека, более значимой, чем класс и другие социальные разделения. С одной стороны, феминность и маскулинность могут быть выражены в определенной социальной ситуации достаточно поверхностно, но при этом гендер является тем, что определяет сам базис индивидуальной конфигурации. Гендерные экспрессии являются самым порядком нашего бытия, не более чем шоу, но львиная доля того, что составляет само существо социума, вовлечено в постановку именно этого шоу. Кроме того, Гоффман считал, что практически любая сцена может дать возможность описать гендерное различие, и любая сцена является местом, которое может быть избрано для отработки такого рода дисплеев.

Таким образом, реальное наполнение «человеческой природы» мужчин и женщин в таком случае превращается в способность обучаться, выдавать и читать чужие описания маскулинности и феминности. В случае с подростковыми группировками умение читать и опознавать различия внутри маскулинного гендера становится базой для различения мы/они, а также построения иерархичных гендерных порядков. В рамках базового гендерного дисплея подчиненной маскулинности мы обнаружили ряд маркеров, позволяющих члену группировки провести иерархическую классификацию индивида и группы, ценности и нормы которой он презентует. Причем поиск таких маркеров является не просто отслеживанием символического или ритуалистического утверждения социальной иерархии, но в значительной сте-

пени конституирует эту иерархию, поддерживает ее и управляет ей.

Мы будем анализировать процесс конструирования отношений власти на примере анализа «анатомии» феномена «загрузки» – диалога члена молодежной преступной группировки с потенциальной жертвой.

Вследствие сложного характера исследуемого объекта, далеко не все наши респонденты смогли сформулировать свое отношение к данному феномену, а тем более – описать, каким образом, с помощью каких техник и тактик осуществляется «загрузка». Дойти до такого уровня рефлексии смогли только четверо из сорока двух опрошенных нами молодых людей. Несмотря на столь ограниченное количество респондентов, представленный ими вариативный ряд феномена кажется нам достаточным для его теоретического осмысления. Вместе с тем, автор не претендует на всестороннее освещение явления и будет продолжать трудиться над его исследованием.

В результате анализа интервью нам удалось выделить следующие вербальные, невербальные и репрезентационные маркеры маскулинности жертв.

1. **Страх перед членами группировок, отсутствие наглости и нахальства.** Данный маркер становится очевидным для членов группировок в ходе активных (диалог) и пассивных (внешний вид) взаимодействий. В ходе активного взаимодействия маркер начинает «работать» с самых первых фраз:

«...главной отличительной чертой “лоха” является страх перед членами группировок. При разговоре пацан всегда подчеркивает свое положение, сразу же дает знать, с кем ты разговариваешь. Это чувствуется по уверенному голосу, с некоторыми признаками нахальства, по отсутствию страха. У лохов такие качества отсутствуют...» [9].

Отсутствие самоуверенности иногда соотносится с деревенским происхождением потенциальной жертвы:

«...Вот, допустим... человек идет одет, хорошо одет, допустим, брюки, хорошие брюки такие, и с брюками одеты на ноги кроссовки. Это уже видно, что человек, вообще вот этот парень – из деревни, но он при деньгах. Вот так на человека и обращают внимание, что парень из деревни там по походке, походку там смотрят, деревенская походка, какая походка? Смотрят на характер человека, если человек чё-то суетится, идет там оборачивается по сторонам, шугается постоянно... то же самое, вот, что человек не местный, что он уже не самоуверенный и не может за себя, так сказать, заступиться. Что боится он чего-то...» [13].

Особое значение в определении потенциальной жертвы имеет взгляд. Многие исследователи маскулинности обращали внимание на то, что взгляд является статусной и иерархической категорией. Право смотреть на другого, как и первым прикасаться к нему, – социальная привилегия старшего по отношению к младшему, мужчины к женщине, но никак не наоборот²¹. При помощи взгляда определяются и властные позиции в диалоге: жертве свойственно не смотреть в глаза и стоять, потупив взор, а члены группировки в основном смотрят уверенно, пристально, стараясь вызвать жертву еще и на невербальный диалог.

2. **Извинение.** В отличие от ситуации, когда извинение является признаком хорошего тона, в диалоге члена группировки с потенциальной жертвой «вежливость» часто маркируется негативно. Например, следующий респондент так описывает ситуацию своего столкновения плечами на улице с «лохом»:

«...Я ему говорю, ты что, братан, тебя что, широта е...т что ли, ты чё братан широкий что ли? Он скажет – “нет”. А чё, а чё тогда тут свои плечи раскидываешь, чё такое? Он начинает говорить “всё нормально”, “все нормально”. И говорит там разные слова: “извини, братан”, “извини

там, пожалуйста”; а считай у пацанов это такое нереально. Допустим, он говорит мне: “Извини братан, я не хотел”. Я начинаю за его слова цепляться, чё не хотел, что именно, почему? <Если он будет извиняться,> он для меня будет... Человек он, по сути, все люди, все человеки по внутренности. А по внешности он будет для меня как чёрт деревенский, чёрт...» [13].

Другой член группировки выразил эту мысль следующим образом:

«...Если меня кто-то бы задел, я бы не извинялся, я бы сразу сам начал просто наезжать, начал бы грубо с ним разговаривать, за такое действие. Потому что когда пацаны начинают, когда пацанам дерзко что-то не нравится, они никогда не извиняются, они просто идут на драку или на разговор, серьёзный разговор...» [11].

С одной стороны, вежливость является гендерным маркером – употребление в разговоре «хороших слов» является признаком маскулинности, отличной от маскулинности членов группировок. Вместе с тем, нам кажется, что члены группировок, являясь в большинстве своем выходцами из низших слоев общества, репрезентируют свойственную рабочему классу неприязнь к «интеллигентской» манере вести разговор.

3. Несоответствие манере одеваться (иной имидж, стиль). Альтернативные нормы и ценности. Члены шаяк считают потенциальными «лохами» всех членов альтернативных микрокультур, таких как хиппи, панки, рейверы, хип-хоперы и многие другие, кто отличается стилем одежды, прической и манерами поведения (члены группировок называют их «неформалами» или «нефорами»):

«...Нефоры живут своим днем, они живут своими целями, они к пацанам вообще никакого отношения не име-

ют. Но если они пересекают дорогу пацанам, то тут без разговора их просто бьют, с ними даже не стоит разговаривать...» [13].

«...Лох, это, как можно сказать, человек, который вообще за своим имиджем не смотрит... Который за своими понятиями не смотрит...» [3].

Неадекватное поведение потенциальных жертв в диалоге вызывает смех у членов группировок. Обычно такая ситуация возникает, когда у оппонента вообще отсутствуют знания о нормах и ценностях описываемой социальной группы. Вопрос «Кто ты? Откуда будешь?» требует идентификации позиции оппонента во властной структуре гендерного порядка улицы, является попыткой начать процесс его регулирования. Здесь фактически спрашивается, имеет ли спрашиваемый отношение к гегемонной маскулинности, какую позицию он занимает по сравнению с ней, иными словами, является ли он членом группировки. Обычно непонимание этого вопроса является для членов группировок несомненным маркером подчиненной маскулинности:

«...Бывает такое, с человеком разговариваешь, допустим, его грузишь, он несет нелепые слова. Он просто теряет. Вообще не знает, чё сказать, и говорит, не знай чё. Вот допустим, я грузил одного человека, тоже парня, у нас с ним был такой разговор:

– Кто ты по жизни?

– Инженер...

Я полчаса стоял и смеялся! Он стоял передо мной и не знал, чё делать. Я ему сказал:

– Где ты инженер?

– У себя...

– А так, в жизни, кто, вообще, по улице...

– Никто... Я на улице не живу, я живу дома с бабушкой, с дедушкой, с мамой, папой.

Всю семью перечислил. Вот там уж началось все это. Что видно – человек он туповат, в этой жизни ничё не видел, ничё не слышал...» [13].

Мы также просили респондентов описать ситуацию, когда они пытаются говорить с человеком «по понятиям» группировки, но он имеет совершенно другие ценности. Это часто случается, когда оппонентом является член другой этнической группы. В Казани можно встретить достаточное число иммигрантов из Чечни и Азербайджана, и они тоже репрезентируют особую форму «восточной» маскулинности, также основанную на физической силе. В случае конфронтации с ними насильственного решения конфликта избежать очень сложно:

«...Я с чеченцами вообще не буду разговаривать. Я чеченцев вообще не перевариваю, я по счет дела и темы, по счет пацановских понятий с чеченцами вообще не разговариваю. Чеченцы это Чечня. Это для меня самое последнее. В Чечне сколько пацанов погибло, это для меня унижение, чтоб с ними разговаривать. Я просто их буду бить. Убивать и всё...»;

«...У азеров свои понятия. Я в азерские понятия не лезу. Но если у меня будет стычка с ними, я буду просто бить-ся с ними и всё...» [13].

4. Социальная неуспешность / отсутствие мотивации на повышение социального статуса. Одним из ключевых элементов гегемонной маскулинности членов группировок является желание добиться высокого социального статуса, прилагая к этому минимум усилий. Здесь наличие желания быть богатым и иметь власть подчеркивается даже больше, чем реальные действия по этому поводу. Именно поэтому отсутствие мотивации маркируется негативным образом:

«...Ему без разницы до всего в жизни, он в жизни ничего не хочет добиться. Чёрт это такой человек, ну, он, допу-

стим, что-то хочет, но у него не получается или получается в худшую сторону, он ничего не добивается и не хочет добиться...» [8].

Чаще всего члены группировок с презрением относятся к тем, кто имеет высокий экономический статус, репрезентируя, однако, подчиненную форму маскулинности. Здесь имеются в виду те подростки, которые не приложили никаких усилий к достижению занимаемого статуса, например, дети богатых родителей и т.п. (члены группировок называют их «мажорами»):

«...А мажорики – они как доильный аппарат уже, с них просто пацаны доят, деньги с них сшибают, за их счет живут... Я ему просто говорю, типа, братан, если будут какие-то проблемы, ты просто ко мне подойдешь, я тебе помогу. И все. Если он подошел, я просто отмажусь, типа, у меня свои дела, братан. Ты как там, я поинтересуюсь, ты, чё там случилось? Вот так-то, так-то. Я ему скажу: ты, братан, сам не прав, сам и разбирайся посчёт этого, а у меня сейчас просто проблемы, у меня свои дела и всё. За какого-то черта я заступаться никак не буду...» [13].

Вместе с тем, за деньги всё же можно купить защиту, а также символически нейтрализовать свою принадлежность к «касте» подчиненных или даже «опущенных»:

«...У пацанов есть такое слово, даже не слово, а... воровское понятие – “своя кормушка”. Допустим, человек сидит в зоне, его кто-то греет. Это, считай, егошняя кормушка. Пацаны сидят в зоне – пацаны же греют, считай, пацаны кормят пацанов вот то же самое... Если мажорик будет моей кормушкой, которая будет меня постоянно кормить, меня постоянно деньгами пропитывать, допустим, в месяц там триста, четыреста рублей, я за него по любому пойду, потому что это моя кормушка, я могу за него разговаривать. При пацанах я просто могу сказать,

что он моя кормушка, и я за него мазу пришел тянуть. И всё. А то, что он прав, не прав – это меня уже не касается. Если человек опущен, обоссали если, если даже он чёрт, петух, но он, допустим, кормушка, за него по любому придется разговаривать. Если он греет пацанов, выручает, если он пацанов постоянно кормит, то можно прийти за него разговаривать...» [13].

5. **Тупость/глупость, отсутствие сообразительности.** Определяя основные качества жертв, многие из наших респондентов упоминали отсутствие интеллекта. Именно отсутствие умения «быстро схватывать» часто становилось определяющим в выборе жертвы уличного вымогательства или насилия:

«...Все они плохо соображают, не могут разговаривать с членами группировок и защитить себя в простом диалоге...» [9].

Иногда глупость также связывается с деревенским происхождением:

«...Мы зовем их “быки”. Бычок это тоже деревенский парень, но вообще тупой, вообще который ничего не соображает, абсолютно ничего. Даже чёрт соображает, хоть и делает своё...» [13]

Кроме пяти маркеров жертв, описанных выше, респонденты также говорили, что они часто неуважительно относятся и «превращают в жертв» тех, кто не хочет жить по «пацановским понятиям» и знать их, не хочет помогать членам группировки и т.п.

В группировках высоко ценится способность быстро определять потенциальную жертву, умело строить с ней диалог: молодые люди, проявляющие подобные качества, имеют высокий авторитет у своих сверстников. Точное определение жертвы есть не что иное, как умение находить маркеры подчиненных маскулинностей и использовать их в своих

целях: для утверждения группового доминирования, регулирования гендерного порядка улицы и получения личной выгоды. Один из наших респондентов так описал процесс «поиска маркеров»:

«...Суть загрузки – это не разговаривать матом перед ним. Наоборот, если он, допустим, начинает перед тобой материться, за эти слова цепляешься, за действия рук, за действия человека самого, как он стоит, как он чё; он начинает дрожать, он начинает нервничать, начинает слова глотать, начинает там плевать, все действия которые проводит человек. Если видно, что он неуравновешенный, он стоит не точно уже – значит, всё – человек нервничает, он не сможет, он сейчас сдастся, он не сможет за себя постоять. Сразу можно определить какой человек...» [13].

В ходе исследования мы просили членов шайки реконструировать различные диалоги. Ниже приводится еще один пример диалога между членом группировки (П) и потенциальной, то есть еще не определенной, жертвой (Ж):

П: – Слышь, ты откуда будешь?

Ж: – Я не с улицы.

П: – Есть деньги?

Ж: – Нет [за ним первый зихер – с него уже конкретно трясут деньги].

П: – А ну выворачивай карманы!!!

Ж: –... [выворачивает карманы] – [второй зихер – это определено лох].

П: – Ты в курсе, что карманы выворачивают только черти? И кто ты после этого? Короче, чтоб завтра в 15:00 ты был здесь с 50 рублями. Если сдашь мусорам [милиции], я тебе не завидую...» [9].

Здесь мы также видим, как член группировки, накапливая сведения о типе маскулинности потенциальной жертвы

(не является членом группировки, позволяет «трясти с него деньги», выворачивает карманы), а затем, апеллируя к ним, последовательно приводит диалог к получению непосредственной выгоды. Причем, по нашему мнению, выгоды как раз и являются следствием иерархизации маскулинностей, происходящей в данном диалоге. Между изначально равными по всем социально-демографическим характеристикам подросткам и устанавливаются отношения власти/подчинения, со всеми вытекающими отсюда привилегиями для доминирующего актора.

Столкновение гегемонных маскулинностей. Интересна ситуация, когда обе стороны взаимодействия репрезентируют гегемонную маскулинность. В этом случае ситуация может разрешиться как насильственным, так и мирным способом.

В следующей цитате представлен насильственный вариант:

«...Если я зацепляюсь с пацаном каким-то, он смотрит на меня, я смотрю на него, у нас идут действия такие, он начинает со мной грубо разговаривать, я начинаю с ним грубо разговаривать, грубость за грубость. Остальные действия – если я слышу какую-то грубость в мою сторону, я просто сразу бью в лицо, и тут получается либо драка, если он в отмах не прыгает, он считай уже все, унизился, можно сказать, вот так вот...» [13].

Избежать насилия можно, если оба участника взаимодействия соответствуют образу «пацана»:

«...Да можно и без драки, если человек. Если, допустим, я задел пацана и начался у нас разговор, если он сам скажет: типа, ладно, братан... всё нормально, хорош, всё, всё, вопрос измят, типа, замят, ничёго такого не было, всё – мы так расходимся...» [13].

Еще один пример диалога представителей доминантных маскулинностей привел другой респондент. Здесь член груп-

пировки (ПЦ) разговаривает с «парнем» (ПР) – подростком, не являющимся членом группировки, но живущим по схожим нормам и правилам (фабула такова, что «пацан» решил, что разговаривает с «лохом»):

«ПЦ: – Те, тормозни-ка! Откуда будешь?

ПР: – Какое это имеет значение?

ПЦ: – Должен же я знать, с кем разговариваю.

ПР: – Я сам по себе.

ПЦ: – Есть деньги, что ли?

ПР: – (с сарказмом) Есть, полные карманы, прямо вываливаются: надо что ли?

ПЦ: – Давай [далее происходит схлест (драка), который начинается пацан не с улицы, т.к. его оскорбили]» [9].

Из интервью видно, что важным компонентом отношений в группировке является демонстрация «крутизны»: умение и желание драться, противостоять врагу, не избегать открытой конфронтации, быть «плохим», «сумасшедшим», а потому – «крутым»²². Здесь гендер завершается специфическим способом – за счет насильственного противостояния любому виду агрессии со стороны других.

Интересны и примеры взаимодействия членов группировок и милиции, также представляющей собой гомосоциальную мужскую группу, с легитимным доминантным положением. Во многих наших интервью констатировался факт, что отношений с милицией стараются избегать. Любая обида, нанесенная охраннику правопорядка даже в ситуации, не связанной с исполнением им служебных обязанностей, может затем обернуться «массовыми зачистками» со стороны милиции, сотрудники которой проявляют свойственную представителям доминантной маскулинности групповую солидарность.

Вместе с тем, интервью, взятые Е.В. Кулешовым у членов группировок г. Тихвина, свидетельствуют о нередком

массовом противостоянии представителей легитимной и нелегитимных маскулинностей. Причем последние, даже будучи в состоянии конфликта, объединяются между собой для коллективного противостояния:

«...Было дело, около вокзала, короче, тоже года полтора назад, и милицию, короче, машину чуть не перевернули... В общем, представляешь, полное поле народу. На праздник, там без разницы, там уже без разбору, как милиция приехала, кто, с кем, из-за чего, – все на милицию накинулись...»²³.

Необходимо отметить, что подобные отношения были свойственны казанским группировкам несколько лет назад. В настоящее время принадлежность к гегемонной маскулинности требует от членов группировок не быть в подчинении, что заставляет их искать возможности доминирования в сфере взаимоотношений с милицией (например, путем подкупа сотрудников), или вообще избегать контактов с ней. Это связано с тем, что представители данной доминантной группы могут легко «подорвать» маскулинность, репрезентируемую делинквентными подростками. Данные отношения сопровождаются намеренным символическим снижением авторитета милиции. Возможно именно поэтому регулирование гендерного порядка улицы легитимными способами является столь проблематичным.

Вместе с тем, процесс иерархизации и установления отношений власти/подчинения между представителями различных маскулинностей не сводится лишь к поиску маркеров субординации. Для теоретического анализа феномена «загрузки» важно вновь обратиться к связке «власть – знание», подробно разработанной в работах М. Фуко. В своей работе «Надзирать и наказывать...» он пишет: «Надо признать, что власть производит знание (и не просто потому, что поощряет его, ибо оно ей служит, или применяет его, поскольку оно полезно); что власть и знание непосредствен-

но предполагают друг друга; что нет ни отношений власти без соответствующего образования области знания, ни знания, которое не предполагает и вместе с тем не образует отношений власти»²⁴.

Определив, что перед ним представитель подчиненной маскулинности, член группировки начинает навязывать субъекту свою систему знания, внедрять в его сознание свои ценности. Более того, жертва становится жертвой, определяет себя как жертва, уже зная о ценностном поле членов группировки, на котором такие люди определяются как жертвы. Иными словами, происходит некий инверсивный эффект, когда жертва заранее знает, что она в какой-то ситуации будет жертвой. Как пишет А. Шюц, на основе типичного опыта формируются типичные ожидания. Ожидание есть как бы опережающее воспоминание о поступке, который еще только предстоит совершить в будущем. Шюц называет такое предварительное воспоминание «проектом социального действия»²⁵. В описываемой нами ситуации проекты социального действия создаются даже не с отсылкой к непосредственному опыту, а на основе знания о том, «как это обычно бывает», на основе индивидуального опыта анализа дискурсов. Таким образом, жертвы и насильники остаются самими собой даже без непосредственного взаимодействия, в некоем надеждательностном поле – поле знания, сформированном теми, кто находится в позиции доминирования. Для теоретического описания данного феномена можно ввести термин «дискурсивное доминирование».

Чтобы создать, сохранить и поддерживать дискурсивное доминирование, члены группировок должны постоянно регулировать «дискурсивный порядок» (по аналогии с гендерным), исключая из поля влияния носителей альтернативных дискурсов. Главной мыслью здесь является то, что дискурс опасен, а те, кто находится у власти, пытаются контролировать те формы дискурса, которые являются для них потенциально опасными. Фуко выделил четыре области, в кото-

рых дискурс может быть особенно опасным: политика (или власть), сексуальность (или желание), безумие и, обобщенно, в определении того, что есть правда, а что ложь. Фуко вслед за Ницше называет последнюю область «волей к правде» или «волей к власти».

Механизм установления дискурсивного доминирования в ходе процесса загрузки был описан одним из наших респондентов:

«Ему начинаешь объяснять, там, посчет пацанов ему грузишь, насчет понятий его начинаешь грузить, он уже загружается в эту тему... Ты его заманиваешь своими словами пацановскими, заманиваешь его, он становится твоим. Ну как вот, как гипноз получается. Ему объясняешь, объясняешь, ты как с ним становишься как близкие друзья, как будто бы, но, с одной стороны, ты ему не друг, а он может считать тебя за друга. Ему объясняешь вот это. Он всё думает, думает, думает, смотрит на тебя. Ты его гипнотизируешь этими словами, он начинает тебя слушаться» [13].

За счет свободной ориентации в нормах и ценностях микрокультуры группировок и презентирования себя в качестве носителя таких норм происходит постоянная отсылка к доминирующей в гендерном порядке группе, и член группировки достигает индивидуального доминирования в конкретном диалоге:

«Твой противник уже начинает чувствовать тебя, что это человек, с которым он общается, он уже приклатненный, знает блатные слова, жаргон пацановский, он уже начинает бояться, он уже садится на измену, он чувствует, что здесь он будет неправ» [13].

Парадоксальным образом членам группировки удается добиться у жертвы чувства вины за принадлежность к под-

чиненной маскулинной группе – даже когда ситуация не предполагает наличие правых и виноватых, жертве всё равно внушается, что она «не права». По нашему мнению, речь здесь идет о когда-то неправильно сделанном жертвой выборе среди различных уличных маскулинностей:

«...Ему втираешь то, что он неправ, ему делаешь расклад. Вот он чёрт, допустим, лошок какой-то, вообще никто, ему втираешь, что он неправ. Они вообще не знают, чё такое, они соглашаются с этим, они чувствуют – перед тобой стоит пацаненок, рассуждает их правильной, и они соглашаются с этим и думают... Ну, знаешь, я не был в такой ситуации, чтоб я отдавал кому-то деньги. Я сам такой человек, что всё у меня в крови, чтоб кого-то грузить, у кого-то забирать деньги. Это у меня в крови, понимаешь. Вот так вот. Из-за этого я человека грузу, настраивая, что он не прав» [13].

Чувство вины порождает ощущение неуверенности, или иными словами – ощущение «подорванной мужественности». Интересное замечание по этому поводу мы находим в работе Н. Лумана. Он пишет, что «фундаментальное условие власти состоит в том, что в отношении селекции, осуществляемой властью имущим, возникает некоторая неопределенность. При совершении своего выбора субъект власти может поселить в своем партнере неуверенность либо устранить ее»²⁶. Этот постоянный переход производства неопределенности к ее устранению является основной предпосылкой существования власти, условием, которое образует пространство генерализации и спецификации особого коммуникативного средства.

В ходе процесса загрузки член группировки стремится не просто насильственно принудить жертву к тому, чтобы она отдала свои деньги. Как мы можем видеть из интервью, целью взаимодействия является установление отношений

власти/подчинения, дискурсивного, символического и гендерного доминирования:

«Вот, допустим, мы столкнулись с человеком, и тот оказался вообще лошок какой-то, я ему втираю посчет пацановских понятий... Что, если пацанёнок, он должен другу уважение иметь, он должен уступить человеку, прежде всего. Он начинает: да, да, да. Я хочу сказать то, что если он какой-то чёрт или галимый, вообще никто – он не знает этих понятий. Пацанёнок – он должен себя уважать, он не будет уступать. А вот для чертей, они не знают ничё, а им втираешь какую-то нелепость, то же самое, какие они сами тупые. Там всё – по ушам лапши навешал ему, видно, что он вообще никто, он, считай, твой, начинаешь потом пацановские понятия объяснять ему. Ты, вообще, кто по жизни, с какой улицы и чё-чё как?» [13].

Таким образом, у членов группировок сформировался узнаваемый образ потенциальной жертвы, а также разработаны специальные технологии навязывания роли жертвы в диалогах и установления гендерного и дискурсивного доминирования.

Регулирование гендерного порядка улиц осуществляется за счет «деконструирования маскулинности жертв» – демонстрации немаскулинного характера презентаций членов альтернативных подростковых сообществ. Мужчины становятся объектом виктимизации, так как они, являясь мужчинами биологически, не могут репрезентировать специфическую маскулинность в своих повседневных практиках²⁷, а следовательно, члены группировок считают их «ненастоящими мужчинами». Разрыв между полом и репрезентируемым гендером становится очевидным для группировщиков и приходит в противоречие с их ожиданиями и представлениями о нормативной маскулинности. Имея представление о маскулинности «настоящего пацана», член группировки в ходе

диалога пытается проверить, соответствует ли ей его оппонент. Причем, с самых первых фраз диалога постоянно происходит попытка подорвать маскулинность потенциальной жертвы. Если жертва не проходит «тест на гендерное соответствие», «прокалывается», перестает соответствовать образу идеальной мужественности, данный разрыв всё более усугубляется в ходе диалога, что приводит к полной деконструкции маскулинности жертвы в его конце. Если же маскулинность разрушить не удастся, шансы не стать жертвой резко возрастают, даже если оппонент сам и не является членом группировки.

Гегемонные и подчиненные маскулинности формируют иерархии на всех ступенях общества. На самом низшем уровне овладение практиками насилия дает индивиду возможность войти в доминантную группу и завершить конструирование гендера за счет жестокого и бесчеловечного поведения как в публичных местах, так и на улице. Кроме того, насильственная виктимизация, проявляющаяся часто на символическом уровне, является действенным инструментом регулирования гендерного порядка городской уличной территории.

Использованы высказывания следующих информантов:

1. Б., 19 лет, член группировки «Ж». Казань, февраль 2001 г.
2. Г., 16 лет, член женской группировки «В». Казань, январь 2001 г.
3. Е., 19 лет, член группировки «Б». Азнакаево, август 2000 г.
4. И., 32 года, член группировки «С». Казань, февраль 2001 г.
5. К., 16 лет, член группировки «ГР». Казань, февраль 2001 г.
6. М., 21 год, член группировки «КТ». Казань, май 1998 г.
7. М., 23 года, член группировки «Г». Казань, февраль 2001 г.
8. Н., 18 лет, активный член группировки «Г». Казань, февраль 2001 г.
9. Н., 19 лет, активный член группировки «П». Казань, март 2000 г.
10. Н., 20 лет, член группировки «КТ». Казань, май 1998 г.
11. П., 17 лет, активный член группировки «Н». Ульяновск, июль 2001 г.
12. Р., 21 год, член группировки «Н». Азнакаево, декабрь 2000 г.

- 13.Р., 22 года, бывший активный член группировки «К». Казань, октябрь 2001 г.
- 14.Р., 32 года, авторитет группировки «Б». Казань, июнь 1995 г.
- 15.С., 36 лет, член группировки «К». Казань, февраль 2001 г.

Примечания

- ¹ Исследование было проведено совместно с д.с.н., проф. А.Л. Салагаевым.
- ² См.: *Шашкин А.В.* Регулирование властных отношений в подростковой уличной среде средствами насильственной виктимизации (на материале изучения молодежных сообществ делинквентной направленности). Дис. канд. соц. наук. Казань, 2002; и др.
- ³ См.: *Connell R.W.* Gender and Power: Society, the Person, and Sexual Politics. Oxford, 1987. P. 91–141.
- ⁴ В квадратных скобках даются номера информантов, список приведен в конце статьи.
- ⁵ См.: *Schwendinger H., Schwendinger J.* Adolescent subcultures and delinquency. N.Y., 1985.
- ⁶ См.: *Moore J.W.* Going down to the Barrio: Homeboys and homegirls in change. Philadelphia, 1991.
- ⁷ См.: *Тузиков А.Р.* Деформации полового поведения в подростковой среде города Казани и способы их коррекции // Развитие социальной активности подростка: тезисы докладов Республиканского научно-практического семинара, декабрь 1988 г. Казань, 1988. С. 119–120.
- ⁸ Из интервью с Ларисой К. потерпевшей по уголовному делу, возбужденному по Ч. 3 Ст. 117 УК РСФСР, одной из членов группировки «КМС», г. Казань. Цит. по: *Тузиков А.Р.* Деформации полового поведения... С. 83.
- ⁹ См.: *Тузиков А.Р.* Деформации полового поведения... С. 83.
- ¹⁰ См.: *Бессчетнова С., Панкратов А.* Конец «Казань-остры» // Комсомольская правда. 1991. 12 января.
- ¹¹ См.: *Булатов Р.М., Шеслер А.В.* Криминогенные городские территориальные подростково-молодежные группировки. Казань, 1994. С. 18.
- ¹² См.: *Кулешов Е.В.* Репрезентация маскулинности в современной подростковой субкультуре: на материале полевых исследований в г. Тихвине // Мифология и повседневность: гендерный подход в антропологических дисциплинах. Материалы научной конференции 19–21 февраля 2001 года. СПб., 2001. С. 260–271.

- ¹³ Там же. С. 270.
- ¹⁴ Действия, которые противоречат нормам группировки.
- ¹⁵ *Foucault M.* Discipline and punish: the birth of the prison. N.Y., 1979. P. 184.
- ¹⁶ *Ibid.* P. 187.
- ¹⁷ *Simpson S.S.* Caste, class, and violent crime: Explaining difference in female offending // *Criminology*. 1991. 29:1. P. 115–135.
- ¹⁸ Запрет на курение существует в большинстве группировок. Курить обычно разрешается только спустя два-три года после вступления.
- ¹⁹ См.: *Goffman E.* Gender Advertisements: Studies in the Anthropology of Visual Communication. Harper Collins Publishers, 1979. P. 1–19. Цит. по: Введение в гендерные исследования. Ч. II: Хрестоматия. СПб., 2001. С. 306–335.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ См.: *Кон И.С.* Мужское тело как эротический объект // Гендерные исследования. 1993. № 3. С. 299.
- ²² Сравн.: *Cholas: Latino girls and gangs*. N.Y., 1988.
- ²³ Цит. по: *Кулешов Е.В.* Репрезентация маскулинности в современной подростковой субкультуре...
- ²⁴ *Foucault M.* Surveiller et punir: naissance de la prison. Paris, 1975. Цит. по: *Фуко М.* Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы. М., 1999. С. 41.
- ²⁵ *Schutz A.* Der sinnhafte Aufbau der sozialen Welt. Frankfurt am Main, 1974. P. 77. Цит. по: *Абельс Х.* Интеракция, идентичность, презентация: введение в интерпретативную социологию. СПб., 2000.
- ²⁶ *Луман Н.* Власть. М., 2001. С. 14.
- ²⁷ См.: *Messerschmidt J.* Masculinities and crime: critique and reconceptualization of theory. Lanham, 1993.

МАСКУЛИННОСТИ СКИНХЕДОВ: экстремизм, мода, протест и гражданское участие

И.В. Костерина

Введение

Писать статью про скинхедов для меня очень сложно и ответственно. Во-первых, образ скинхедов, порожденный масс-медиа, стал карикатурным, но при этом очень устойчивым. Во-вторых, есть опасность «уйти в политику», когда гражданская позиция и собственные политические взгляды начинают перевешивать объективную исследовательскую позицию. В-третьих, среди моих информантов есть как наци-скинхеды, так и скины-антифашисты, которые довольно пристрасно относятся друг к другу и любые статьи о себе или о «вражеских» течениях воспринимают как пропаганду (за или против)¹. Поэтому надеюсь, что маскулинность окажется тем фокусом, который поможет мне уйти от оценок и описать скинов не как движение, а как идентичность, стиль жизни, субкультуру. Но даже само использование концепта маскулинности для анализа различий в представлениях и конструировании мужественности среди различных течений скин-движения содержит массу трудностей и противоречий, о чем будет сказано в конце статьи.

Для начала всё же не обойтись без краткого введения в историю скинхед-культуры и описания течений.

История скинхед-культуры и основные течения

Принято считать, что культура скинхедов зародилось в середине 1960-х годов в Великобритании. Сами скинхеды называют датой своего возникновения 1969 год, поэтому для них цифра 69 является культовой, и они постулируют так называемый «Дух 69-го» (Spirit of 69). Субкультурные корни

скинхедов уходят в культуру модов (mods) и руд-боев (rud-boys), связаны с общей эволюцией молодежных субкультур, происходившей в этот период.

«**Моды** (англ. Mods от Modernism, Modism) – британская молодёжная субкультура, сформировавшаяся в конце 1950-х гг. в среде лондонской мелкой буржуазии и достигшая пика в середине 1960-х гг. Моды пришли на смену тедди-боям, и позже из среды самых радикальных модов сформировалась субкультура скинхедов.

Отличительной чертой модов было их особое внимание к внешнему виду (первоначально были популярны приталенные итальянские костюмы, затем британские брэнды), любовь к музыке (от джаза, ритм-энд-блюза и соула до рок-н-ролла и ска). В качестве транспорта моды выбирали себе мотороллеры (особенно итальянские модели “Ламбретта” и “Веспа”), при этом нередко были столкновения с рокерами (обладателями мотоциклов). Моды, как правило, встречались в клубах и на приморских курортах, таких как Брайтон, где в 1964 году проходили скандально известные уличные столкновения между рокерами и модами.

Во второй половине 60-х гг. движение модов сошло на убыль и возродилось с тех пор лишь эпизодически. В конце 70-х гг. стиль модов был взят на вооружение некоторыми панк-группами (The Jam)»².

«**Руд-бои** (от англ. Rude-boy – грубиян, также руди (rudie)) – молодёжная субкультура, распространённая на Ямайке в 1960-е годы. Появление руд-боев связано с тяжёлым экономическим положением Ямайки в этот период. Массовая безработица, презрение к заботам беднейшей городской молодёжи со стороны окружающих привели к потере оптимизма и возникновению стихийных люмпенизированных группировок, помогавшим сохранить чувство собственного достоинства. Руд-бои всячески под-

черкивали свою агрессивность и презрение к опасностям. Одним из внешних признаков руди была бритая голова, очевидно, связанная с криминальной романтикой. Позднее этот атрибут унаследовали скинхеды. Излюбленной одеждой руд-боев был чёрный костюм, а также галстуки и тирольские шляпы, заимствованные из американских приключенческих фильмов. Как и большинство тогдашних ямайцев, руд-бои любили танцевать ска на улицах или в танцзалах, однако и здесь их движения выражали напряжённость, неторопливость и скрытую агрессивность. С появлением рокстеди руд-бои переключились на этот стиль музыки. Музыкальными кумирами руд-боев были The Wailing Rude Boys, Принс Бастер, Джимми Клифф и другие ска- и рокстеди-группы. В их песнях воспевалась свобода от общественных норм, часто появлялись образы лидеров криминальных группировок, например, Джесси Джеймса и Аль Капоне, содержались упоминания об оружии и наркотиках (в российской культуре эти темы повторила группа «Ленинград»). Одним из гимнов движения стала песня «Run, rudie, run» Ли Пери»³.

Моды – выходцы из английских семей высшего и среднего класса – были модниками, помешанными на изящном good-looking имидже; они носили строго регламентированные костюмы, ездили на скутерах и привнесли в скинхед-культуру именно повышенное внимание к дресс-коду. Рудиз – выходцы из рабочих семей с Ямайки, выглядевшие как гангстеры из американских боевиков; они принесли с собой музыку ска и реггей, которая, трансформировавшись во множество разных направлений, стала символьным продуктом скинхед-культуры. Многие бренды, популярные у модов, со временем стали классическими в среде скинхедов: «Fred Perry», «Ben Sherman», «Lonsdale». Как указывается в Википедии,

«субкультура скинхедов в первоначальном виде (и их подражатели из современной скинхед-среды,— традицион-

ные скинхеды) возникла в процессе эволюции субкультуры модов, выразившейся в упрощении внешнего вида в сторону более простой, но не менее опрятной одежды и ассимиляции музыкальных традиций и некоторых элементов внешнего вида ямайской эмигрантской молодёжи (рудиз) того времени»⁴.

Поскольку музыка составляла тогда одну из базовых посылок коллективной культурной идентичности, увлечение реггей обеспечило возрастающий спрос как на сами песни, так и на культуру скинхедов. Ранних скинхедов иногда называли хард-модами, и часто в разных городах Англии они имели собственные местные названия. В отличие от модов, употреблявших амфетамины и руд-боев, куривших марихуану, скинхеды предпочитали пиво.

Вторая волна истории культуры скинхедов пришлась на конец 1970-х годов и связана с появлением панк-рок-сцены и стиля стрит-панк или oi, который до сих пор является для многих скинхедов визитной карточкой их культуры.

«Oi! — музыкальное направление, возникшее в Англии в самом конце семидесятых годов как ответвление панк-рока, призванное вернуть последний к его истинным, пролетарским корням. Oi! — “панк для рабочего класса” — имеет более медленное звучание, чем панк-рок, но нисколько не уступает панку в агрессивности и порой даже превосходит его. Музыка проста, нередко песня в стиле Oi! — это три аккорда, вокал обычно грубый (бывают исключения, например Deadline). Основные oi!-темы: противостояние власти во всех её формах, насилие, футбол, алкоголь, бары, истинные мужские качества (такие как сила, достоинство) и тягостная, скучная жизнь рабочего фабрики или завода.

“Oi!” — это кокни-возглас, призванный заставить окружающих обернуться на улице. Считается, что термин “Oi!” в применении к разновидности панк-рока первым исполь-

зовал Гарри Бушелл. Но возможно, первенство тут принадлежит Стинки Тернеру: фронтмен Cockney Rejects кричал: “Oi! Oi! Oi! Oi!” — в начале каждой песни, заменяя таким образом панковское: “1, 2, 3, 4”. До него постоянно использовал возглас “Oi! Oi!” Иэн Дьюри, который, в свою очередь, заимствовал его у кокни-юмориста Джимми Уилера (Jimmy Wheeler), чья фирменная фраза звучала так: “Oi, Oi that’s yer lot”⁵.

Что касается внешнего вида, то короткие стрижки бобриком и тяжелые докерские ботинки со временем дополнили внешний облик скинхедов, став характерными для современных традов (traditional skinheads), о которых будет сказано чуть ниже. Также на их внешность и культуру оказало влияние увлечение футболом и феномен футбольного хулиганства. С расцветом футбольного хулиганства в употребление вошли темно-зеленые ветровки «Alpha Flight Jackets» (называемые также «MA1», «Flight Jacket» или «Bomber Jacket»), позволявшие легко выскальзывать из рук соперников. Так одевались в дни футбола, а на концерты и на улице носили обычные куртки, часто джинсовки, черные подтяжки и черные шнурки. Это ужесточение стиля одежды заметно повлияло на интерес рабочего класса к скинхедам⁶.

В это же время происходит «политизация» и консолидация скинхедов: их политические идеи стали склоняться к борьбе правых и левых партий. Политически правые группы склонялись к отношениям с «Национальным фронтом» (неофашисты в Англии) и имели схожие с ним идеи. Левые группы ориентировались на борьбу рабочего класса, использовали коммунистическую политику. Популярная стрит-панк-группа «Skrewdriver» стала первой группой, заявившей о своих неонацистских взглядах в скинхед-культуре, проведя концерт под лозунгом «Рок против коммунизма». Симпатизируя «Национальному фронту», они приняли расистскую позицию и начали создавать правое крыло субкультуры скин-

хед-движения, которое вылилось в создание крупнейших международных наци-скин организаций «Blood & Honor» и «White Power».

Субкультура и музыка скинхедов распространяется по Европе и США, впитывая в себя новые культурные и политические влияния. С середины 1980-х годов в массовом сознании скинхеды всё больше начинают ассоциироваться с агрессивными хулиганами, дерущимися на улицах с представителями других этнических и субкультурных групп. Их начинают называть бонхедами⁷, наци- или коричневыми скинами. Как противостояние неонацистским скинхедам появляются международные организации RASH и SHARP.

«**Red & Anarchist Skinheads** – организация “красных” и анархо-скинхедов, придерживающихся идей социализма, коммунизма и анархизма. RASH был официально основан 1 января 1993 года участниками “Мэйдэй Крю” (англ. Mayday Crew) (R.I.P.), левым крылом скинхедской crew, расположенной в Нью-Йорке, с поддержкой скинхедов из Оттавы, Минеаполиса, Чикаго, Цинциннати и Монреаля. Вскоре была сформирована сеть с отделениями, расположенными в других странах (Колумбия, Италия, Германия и т.д.) Сейчас RASH развит в Северной и Южной Америке, Европе и в Карибском регионе»⁸.

«**Skinheads Against Racial Prejudices** – Скинхеды против расовых предрассудков. Аполитичная организация, созданная в Нью-Йорке в 1987 году для отстройки от неонацистских скинхедов и пропаганды анти-расистской идеологии»⁹.

Третья волна скинхед-культуры пришлась на середину 1990-х годов. Для этого времени характерно продолжение слияние движений скинхедов и hools, практики streetfight, погромов, субкультурное взаимовлияние (а иногда и размежевание) скинов и панков, влияние хард-кор сцены. Появ-

ляются миксовые культуры и движения, такие как гей-скинны, превращающие скинхедскую эстетику в сексуальный фетиш, а также межкультурные образования – гот-скинхеды, панк-скинхеды. В это же время происходит культурное наполнение скин-движения различными символами, культовыми продуктами, фашистской и языческой идеологиями. Кельтский крест, свастика, коловрат, цифровые сочетания (88, 14), руны становятся коллективным языком для «посвященных», а 20 апреля (день рождения Гитлера) – главным коллективным праздником наци-скинхедов.

Для России расцвет националистических движений и организаций относится к середине 1990-х годов, когда огромное количество рабочей молодежи хлынуло за поддержкой и ощущением опоры и защиты в ряды РНЕ, НБП, наци-скинхедских группировок. В результате, к началу 2000-х годов более половины всех наци-скинхедов в мире составляли именно российские скинны. Поэтому говорить о субкультурной составляющей скинхедов в этот период практически невозможно, гораздо более влияние на коллективную солидарность оказывали политические, идеологические факторы, а национализм и расизм служили основой идентичности. Именно эти факторы оказались решающими для раздувания СМИ негативного имиджа скинхедов, вытеснения из умов обывателей представления о субкультурном характере скин-движения.

Лишь в последние годы можно говорить о возрождении (а в России о возникновении) «традиционных»¹⁰ скинхедов, а также большей количественной представленности шарпов и рашей, которые часто объединяются с анти-фашистскими формированиями. Некоторые скинхеды предпочитают оставаться аполитичными, для них быть скинхедом – это выглядеть определенным образом, посещать концерты, пить пиво с друзьями, ходить на футбол, читать культовые книги. Поэтому можно говорить, что сейчас в России на молодежных сценах достаточно жестко противопоставляются скинхеды и бонхеды, которые подчас не имеют ничего общего друг с другом.

Актуальные подходы к изучению маскулинности и мужских молодежных культур

Как и любая другая субкультура (будем пока рассматривать это именно как субкультуру) скинхеды являются мужской солидарностью. Важным замечанием к описанию современного состояния молодежных субкультур будет тезис представителей Бирмингемской школы культурных исследований о том, что субкультуры – явление исключительно мужское. Это выражается в том, что мужчины выступают в качестве идеологических лидеров группы. Они определяют и диктуют правила поведения, формируют иерархическую структуру, обладают наибольшим (или эксклюзивным) информационным ресурсом; они регулируют отношения внутри группы и, что немаловажно, именно ни должны маркировать свою субкультурную принадлежность при помощи различных визуальных и невербальных кодов – особой одежды, прически, аксессуаров и т.д. Еще одним убедительным аргументом в защиту этого тезиса будет количественное преимущество мужчин в субкультурных группах. Таким образом, давая характеристику какой-то субкультуры, мы описываем ее как мужское сообщество, в то время как девушки, физически присутствуя в нем, остаются существующими, но невидимыми¹¹.

Как пишет М. Киммел¹², маскулинность – это гомосоциальная установка. Мужчины испытывают себя, изображают героические подвиги, подчас идя на огромный риск, а все потому, что они хотят, чтобы другие мужчины даровали им их мужественность. Одобрение другими мужчинами как «доказательство себя» – финальная и возможно самая важная часть этого процесса конструирования. Это создает иерархию в структуре группы. Индивидуальная оценка собственной маскулинности не имеет значения без публичного подкрепления и признания или одобрения. Поэтому маскулинность – драматическое предприятие, в котором соревнова-

тельность является одним из главных элементов, и подчас именно участие в субкультуре или каком-то другом типе молодежных солидарностей становится ареной реализации проекта маскулинности.

В исследовании маскулинности мужских субкультур, особенно использующих насилие, брутальность и гипермаскулинность в качестве одних из ведущих кодов культуры, важно выделить несколько векторов, на которые обычно направлено внимание исследователей.

Часто причины возникновения и распространения движения скинхедов ищут в классовых причинах, объясняя развитие молодежных субкультур социальным протестом против неравенства и несправедливости. Но, как справедливо задается вопросом исследовательница Нэнси МакДоналд¹³, а почему руководить действиями молодых не может просто страсть или любовь к какому-то делу: музыке, танцам, тусовкам, граффити и т.д. или просто симпатия определенному стилю в одежде? Поэтому говорить исключительно о классовом наполнении этой культуры представляется весьма ограниченным, хотя, когда ниже я буду говорить о специфике молодежных про-националистских организаций, этот фактор нельзя будет обойти вниманием. Близко к классовому подходу оказывается концепт «протестной» маскулинности¹⁴, которая, будучи маркированной как субординированная по отношению к гегемонной (основываясь на «идеальных» типах маскулинности, предложенной Р. Коннеллом), стремится обнаружить и актуализировать собственные ресурсы, способствующие выведению представлений о такой маскулинности из маргинальной сферы. В частности, представители рабочего класса, будучи лишены ресурса гегемонной маскулинности в силу своего социального статуса, подвергают сомнению незыблемость маскулинности «белых воротничков» и формируют собственный дискурс, где «другими» могут быть объявлены женщины или черные мужчины, равные им по статусной позиции. Или же борьба за ресурсы маскулин-

ности может выражаться в деструктивных, протестных действиях, нарушающих общепринятые нормы, и потому бросающих вызов гегемонной (на тот момент) маскулинности.

Другим важным вектором является изучение мужских молодежных культурных формирований с точки зрения дискурса насилия и преступлений. Поэтому часто мужские сообщества, использующие насилие и совершающие нелегальные действия, анализируются в рамках проблематизирующего дискурса насилия. В частности в книге Дж. Мессершмидта «Маскулинности и преступления»¹⁵, хотя и не делается акцент исключительно на субкультурах, анализируются субкультурные явления, которые официально нелегальны. Он признает, что преступления в подавляющем большинстве случаев связаны с мужчинами. Но результат этого он видит в самой специфике создания гендера, особенно в стратегиях маскулинности. Он рассматривает и то и другое как множественные конструкты: и то и другое может представлять в различных формах. Когда у некой группы нет доступных легальных гендерных ресурсов, доступных остальным, преступление рассматривается как эффективный, доступный и вполне достижимый способ завершения/достижения мужской идентичности. Мессершмидт определяет молодежь как одну из таких групп и относит большое количество преступлений, совершаемых молодежью из-за недостатка власти/силы и доступа к конвенциональным ресурсам маскулинности. Поэтому его выводы отличаются от распространенного представления о том, что мужчины (особенно в период юности) «в силу своей природы» склонны к насилию и совершению преступлений.

Но всё же остается вопрос: почему индивиды одного возраста предпочитают одну модель или дискурс маскулинности другим. И почему индивид может пересмотреть или модифицировать свою маскулинную идентичность когда становится старше? Эти изменения скорее всего будут связаны с различными точками в индивидуальных биографиях. И

мужчины могут дополнять свою гендерную идентичность без участия силы через использование адекватных заместителей находящихся в рамках конвенциональности. Поэтому насилие и совершение преступлений не являются постоянной константой для представителей той или иной молодежной культуры, а также являются продуктом сложных биографических событий и замысловатых траекторий социализации.

Еще один аспект молодежных мужских гомосоциальных сообществ связан с представлениями о мужском теле и телесности, спорте, физической силе и выносливости. Культурологическое направление таких исследований представлено работами об эстетике мужского тела, например, о фашистском теле. В российской практике многие из этих аспектов рассматривал И.С. Кон, например, в книге «Мужское тело в истории культуры»¹⁶ он акцентирует именно телесные аспекты мужественности, анализируя как репрезентируемое в искусстве и публичном пространстве мужское тело, так и практическое воплощение мужчинами тех или иных представлений о маскулинности. В частности, такая сфера как спорт часто оказывается способом удовлетворить потребность в соревновательности, являющуюся одной из важных черт построения мужской идентичности.

Как пишет Г. Ваннел, спорт и маскулинность очень близки друг другу, одно есть часть другого и успехи в спорте означают, что ты уже не мальчик, а мужчина¹⁷. В спорте маскулинность формулируется также в терминах «проверки выносливости» и в тех же соревновательных тенденциях. М. Месснер отмечает, что спорт крайне иерархичен¹⁸. Но всегда указывается, что то, чем занимаешься ты, несмотря на его соревновательность, отличается от того, чем занимаются другие (более низкого, простого, менее престижного), например, отдельные боевые искусства преподносятся как более «интеллектуальные», духовно-ориентированные, например, по сравнению с боксом, где «глупые люди просто лупят

друг друга». Поэтому иерархия часто выстраивается между теми, кто вправе применять силу, и теми, кого лишают этого преимущества, т.е. иерархию между достойным и недостойным применением силы. Важным моментом становится определение правил применения силы и объекта, по отношению к которому она может быть применена.

Милитаристские и силовые структуры также имеют большое значение в коллективном проекте маскулинности. Например, все молодежные субкультуры предлагают четкую позицию по отношению к службе в армии. А образ мужчины-воина является ключевым символом маскулинности.

И, наконец, для моей статьи будет важным отметить значение визуальной составляющей культуры скинхедов, культурный аспект, который выражается через определенный стиль, моду, брэнды и т.д.

В своей статье я буду в меньшей степени касаться индивидуальных проектов маскулинности, и в большей апеллировать к коллективному габитусу¹⁹ двух противоположных направлений скинхед-культуры: маскулинности неонацистских скинхедов и маскулинности «традов» и антифа-скинхедов (рашей и шарпов). Эти типы маскулинности настолько различны в аспектах культуры и коллективной идентичности, насколько и различны идеологии, составляющие ядро той и другой солидарности.

Важно обозначить векторы, по которым разворачивается реализация того или иного проекта маскулинности. В случае скинхедов это – идеология, патриотизм, практики (наиболее значимые: применение физического насилия, культурные практики, музыка, ТМ), визуальные коды, символы.

Неонацистский проект маскулинности

Юноши, входящие в право-экстремистские движения, как правило, представляют собой «идеальный тип» гегемонной brutальной маскулинности, проявляющейся как во внешних

кодах, так и в характере выстраивания властных отношений внутри субкультуры и с внешним окружением. Большинство компаний, основой (или неотъемлемой частью) которых является националистические взгляды, представляют собой гомосоциальные сообщества, где значимость других мужчин, принципы мужского братства оказываются группообразующими. Поэтому часто неонацистские солидарности строятся на принципах мужского братства и солидарности. Вся власть (реальная и символическая) сосредоточена в руках мужчин. Они создают правила, по которым производится и поддерживается культура. Они являются «носителями» основной идеи и главными «контролерами» взаимодействия внутри группы и с представителями других молодежных культур. Национализм порождает особый тип маскулинности, который включает в себя патриархатные установки, брутальность, стремление к лидерству. Поэтому в случае с НС-скинхедами говорить о специфической внешней компоненте маскулинности не приходится. Если еще лет 7 назад образ скинхеда был довольно типичен, если не карикатурен: бритая голова, подкаты с подтяжками и высокие ботинки, бомбер²⁰, то сейчас, благодаря стигматизации этого образа со стороны СМИ и пристальному вниманию со стороны милиции, неонацисты перенесли акцент с внешней составляющей на внутреннюю. В целом облик НС-скинхеда должен был быть воинственным, угрожающим, суровым. А одежда должна выполнять помимо символической (маркировать принадлежность к движению), утилитарную функцию: быть удобной, практичной, приспособленной для драк – на джинсах обычно висят эффектные цепи, которые заправляются в карманы, а при удобном случае резко вынимаются и выполняют роль оружия, бомбер – прочная куртка, ее трудно порвать в драке, воротника у нее нет, поэтому схватить человека в бомбере не за что, Камелоты и берцы сами по себе представляют мощное оружие, т.к. масса одного ботинка с железными вставками составляет до двух килограмм). Тем

не менее, внешняя субкультурная составляющая не являлась обязательной, и, по мнению самих бонхедов, злоупотребляли внешними субкультурными атрибутами молодые или неадекватные участники движения, которые видели в этом возможность выделиться и продемонстрировать свою идентичность окружающим, т.к. эффективная демонстрация внутри их реер-группы невозможна по причине идеологической несостоятельности. Поэтому в своем желании выделиться и продемонстрировать свою «скинхедость» неофиты нередко нарушали внутригрупповые нормы, и именно они становились героями газетной криминальной хроники, вызывая недовольство старших товарищей, которые видели в подобных импульсивных действиях дискредитацию движения. На современном этапе, внешняя атрибутика все больше выходит из употребления, в устной агитации и на форумах, новичкам советуют не выделяться из толпы и выглядеть как «простые парни». Интересно, что именно в этом моменте часто происходит переход от внешнего (атрибутивного) к внутреннему (идеологическому) проявлению нормативной НС-маскулинности. Т.е. гораздо важнее оказывается практическая/ деятельная реализация этого проекта маскулинности, такая как участие в акциях, храбрость, выносливость, готовность к риску и даже к преступлениям. Поэтому основными требованиями к юношам, входящим в право-экстремистские сообщества становятся доверие, верность идее и группе. Зачастую конструируя себя как мессий, спасителей русского народа, НС-скинхеды претендуют на исключительную и потому доминирующую роль в выстраивании социального порядка и отношений с окружающим миром.

Можно говорить о том, что национализм формирует особое иерархическое пространство, где доминирующими (нормативными, «своими») являются молодые мужчины, которые разделяют националистические взгляды и декларируют их. А подчиненными (ненормативными, «чужими») оказываются отличающиеся по поведению, национальности и

идеологическим представлениям мужчины. Соответственно для «русских» НС-скинхедов эта иерархия выстраивается следующим образом:

- русский мужчина-национал-патриот
- русский мужчина-непатриот
- нерусский мужчина

Т.о. эта иерархия строится на противопоставлении «сильных своих», «других» («русские» мужчины, представляющие другие типы маскулинностей), «чужих других» (нерусские мужчины).

* * *

Важным посылом националистического милье становится представление о том, что настоящий мужчина должен быть защитником слабых (женщин и детей), охранять свою родину (и все, что с ней связано) от посягательств других. Такой конструкт мужчины-воина, если и не разделяется, то, по крайней мере, вызывает уважение (одобрение, боязнь) у других мужчин, т.к. легитимирует применение силы во имя «благой цели». Отсюда и представление о том, что настоящий мужчина должен служить в армии (институционализованный патриотизм), должен уметь драться, должен охранять свою территорию от чужаков. Последнее утверждение в случае бонхедов проявляется во враждебном поведении относительно представителей нетитульных национальностей, например, выходцев с Кавказа и Средней Азии.

НС-скины позиционируют себя как принципиальные гетеросексуалы и гомофобы, аргументируя это тем, что сексуальная ориентация, не приводящая к воспроизводству членов национального сообщества, бесполезна и потому идеологически вредна.

Таким образом, можно сказать, что наци-скинхеды представляют собой «идеальный тип» гегемонной брутальной маскулинности, проявляющейся как во внешних кодах, так и в

характере выстраивания властных отношений внутри субкультуры и с внешним окружением. При этом сам характер выстраивания маскулинности становится догмативным и принудительным.

«Традиционный» и антифа проекты маскулинности

В этих сценарии предписания к маскулинности с точки зрения поступков и коллективных правил не столь жесткие. Здесь важнее оказываются другие принципы солидарности. Как пишет Линда Макдауэл²¹, молодежная культура состоит из музыки, одежды, стиля, тусовок. Поэтому, говоря о «традиционных» скинхедах (традах), восходящих к волне появления классических субкультур, в первую очередь следует обратить внимание именно на эти составляющие. В начале статьи я выделила источники, повлиявшие на внешность «традиционных» скинхедов, на сегодняшний день можно отметить большую свободу и принцип личного вкуса в выборе дресс-кода, стиля и прически. Внешний вид современных скинхедов сочетает в себе стиль традов, нео-панков, хулсов, но в любом случае остается делом личного вкуса. Некоторые скинхеды предпочитают носить casual, что подразумевает дорогую брендовую одежду и обувь: Fred Perry, Ben Serman, Lonsdale, Crombie, Harrington, Crinders, Dr. Martens, в среде традов и Рашей с Шарпами, например, обсуждаются детали одежды, такие как цвет джинсов, ботинок, ширина подтяжек, шнурков, правила, как нужно подкатывать джинсы и рукава рубашек. Вот несколько цитат с сайта <http://skinheads.clan.su>, где подробно описывается внешний вид «правильного» скинхеда:

«Рубашки нельзя носить навыпуск, они всегда заправляются в джинсы. К ним полагаются подтяжки и ботинки Dr. Martens подходящего цвета. Поверх рубашки носят джинсовые куртки, а если холодно – свитеры с треугольным ворот-

ником... Летние рубашки с короткими рукавами делаются так же, как и рубашки с длинными рукавами, и тоже обычно имеют пуговицы на воротнике и накладку на плечах. Скинхеды носят рубашки с клетчатым рисунком или рубашки из тонкой джинсовой ткани.

Поло – легкие и удобные рубашки из тонкой ткани с полосками на рукавах и воротнике, которые при наличии подтяжек прекрасно подчеркивают мышцы тела. Ткань не сминается и имеет легко узнаваемую “жесткую” поверхность. Такая рубашка стоит дорого – но это не препятствие для взрослых парней, скорее наоборот.

Полоски на рукавах проходят там, где на руках расположены мышцы-сгибатели. Похожим образом украшен и воротник. Такая одежда подчеркивает не внешнюю, а внутреннюю силу того, кто ее носит. Слева на груди Fred Perry вышивают лавровый венок славы».

«Зимой скинхеды носят теплые шерстяные шапки, называемые “skullcap”, обычно черные или темно-синие. Они хорошо смотрятся с черным пальто, защищают от холода и ветра. Шапка может быть с рисунком – гербом футбольного клуба или округа, что еще лучше. Так как у пальто нет капюшона, предпочтительны шапки из толстой шерсти.

Черные шляпы, небрежно сдвинутые назад, носили карибские Rude Boys – у них скинхеды и позаимствовали эту одежду. Снова все тот же обман зрения, что и с подвернутыми джинсами – человек, надевший шляпу, кажется немного выше ростом, он как будто возвышается над всеми. Это особенно заметно издалека.

Иногда шляпа только мешает – во время драки она закрывает обзор, да и враги могут легко натянуть ее на глаза.

В холодное время года скинхеды носят кепки “carnoustie tartan cap” с теплой подкладкой и шотландским рисунком. Их называют кашкетовыми или “утиный клюв”. Та-

кая кепка прекрасно смотрится вместе с джинсовой курткой или курткой Harrington. Считается, что это отличительная черта S.H.A.R.P.».

Особое внимание уделяется одному из символов скинхедов – бомберу и объясняется, что же такого замечательного есть в этой куртке, что делает ее настолько востребованной у «хороших парней»:

«Куртка летчика, называемая “flight jacket”, “bomber jacket” или “Alpha jacket”, появилась в конце 70-х годов, почти через десять лет после Harrington и джинсовых курток. Вполне возможно, что ее стали носить из-за внешнего сходства с Harrington. Сегодня это футбольная одежда, и ее часто можно видеть на трибунах вместе с футбольными шарфами.

Бомбер – очень прочная куртка, ее невозможно разорвать в драке. Воротника у нее нет, карманы закрыты сверху. Схватить скинхеда в бомбере не за что, так как нейлоновая ткань выскальзывает из рук, и он всегда остается в относительной безопасности. Вот она, классическая внешность футбольного хулигана: зеленая куртка, подтяжки навывпуск, короткие джинсы и красные или черные ботинки. Сегодня известно две разновидности таких бомберов – MA1 без воротника и CWU с воротником. Вот подробное описание куртки MA1:

1. Крепкая застежка-“молния”, которая выдержит все, что угодно
2. Теплый воротник, пояс и запястья
3. Карман для зажигалки или карандаша
4. Двойная прокладка вокруг “молнии”, закрывающая от воды и ветра
5. Оранжевая “спасательная” подкладка, на всякий случай
6. Почти 60 крепких двойных швов
7. Не пропускающий воду нейлон DuPont 6-6

8. Наличие внутренней подкладки, подчеркивающей линию плеч

Парни носят такие куртки – значит, им это нравится. И точка».

В некоторых отрывках видно, каким образом скинхеды конвертируют свою «модность» в мужественность, акцентировав, как именно такая брендовая одежда способствует выполнению мужских действий (драки, футбол) и подчеркиванию рельефов мужского тела.

Но не все скинхеды одеваются настолько модно, некоторые предпочитают стиль ближе к панк-року или хулиганской моде. А третьи соглашаются с тем, что не важно, как ты одет, главное – какие идеи разделяешь и какой образ жизни ты ведешь. Отрицая собственно моду как цель и вообще «замороженность» на одежде и внешности как не совсем соответствующие принятому концепту мужественности, скинхеды декларируют мужские практики, а не визуальный код как отличительную черту культуры и образа жизни.

Вот как, например, манифестируется образ настоящего скинхеда на сайте <http://www.redskin.newmail.ru>:

«...у всех настоящих скинхедов есть определённые идеалы. Мы все – из рабочего или из низов среднего класса. Мы верим в единство, мы гордимся своим классовым происхождением. Мы любим музыку, танцы, хорошую вечеринку. Многие из нас любят пиво. Мы много дерёмся. Мы готовы постоять за то, во что мы верим. Мы **НЕНАВИДИМ РАСИЗМ** и сражаемся с ним везде.. Нас спрашивают, почему мы не отчаялись быть скинами, когда нас атакуют и правые за антирасизм, и левые и всё общество в целом, которые считают, что все скины – расисты. Мы отвечаем, что скинхед – это наша сущность. Это то, что мы есть, и изменить этому для нас так же невозможно, как изменить место, где мы родились, или поменять цвет кожи. Мы гордимся тем, что на самом деле

значит “быть скином” (а не тем расистским дерьмом, которое проповедуют правые и СМИ), и мы хотим создать культуру, которая выражает наши идеалы. Короче говоря, быть скинами – это наша жизнь, и мы не позволим никому отнять это у нас.

Многие из нас – анархисты, социалисты и антифашисты. Кроме борьбы с расизмом, мы боремся с сексизмом и гомофобией. Мы боремся против войны, против атак на бедных и на рабочий класс против массовые увольнения или снижение заработной платы, против империалистизма и зверств полиции».

А вот слова старого американского скина (Grover, Cincinnati RASH), бывшего ранее шарпом, и впоследствии примкнувшего к RASH:

«Когда ты становишься редскином, ты прибиваешь себя к своим убеждениям, ты немедленно становишься самым непопулярным ублюдком на всей планете, у тебя повсюду появляются враги. Люди говорят, что ты неправ, что ты ошибаешься, но тебе всё равно, потому что ты сердцем чувствуешь свою правоту. Вот что значит быть скином».

Многие современные скинхеды объединяются с панк-движением и позиционируют себя как антифашисты и антирасисты, поддерживая также другие антидискриминационные идеи. Такая практика становится ареной для реализации другого проекта маскулинности – протестного, героического, основанного на риске и противостоянии

Поэтому протест в данном случае и заслуги подаются с двойной накруткой: если коричневые скины позиционируют себя как герои, борющиеся за правое дело, то антифа-скинхеды конструируют себя как борцы с анти-героями. В частности, они подчеркивают, что быть антифа-скинхедами гораздо сложнее, чем быть бонхедами, т.к. риторика нацистов

гораздо более привлекательная, простая, доступная и находит больше поддержки в глазах обывателей, а вот понять антифашистские и нон-дискриминационные идеи, по их мнению, способен не каждый. Поэтому антифа-скинхед – это Бэтмен, человек за сценой, который не жаждет славы и признания, он лишь выполняет свою миссию.

* * *

В целом, сравнивать эти два проекта маскулинности, на мой взгляд, занятие неблагодарное, т.к. кроме названия их мало что объединяет, и с таким же успехом можно сравнивать маскулинность рабочих завода и маскулинность стриптизеров в женских клубах. Скорее следует говорить о том, какие факторы влияют на конструирование маскулинности вообще, и тогда уже анализировать, как они проявляются в разных средах, группах и сообществах. В тех средах, где существуют жесткие нормативные предписания к маскулинности (как, например, в право-экстремистской среде) именно идеологическая и нормативная сторона становятся основой коллективной гендерной идентичности и практик. Именно «правила жизни», т.е. убеждения и действия, представления, как вести себя, как поступать организуют бонхедов в «воображаемое сообщество». Эти убеждения структурируются в эссенциалистском дискурсе, т.к. именно в нем реализуется (и вообще возможен) расизм, ксенофобия, иерархия. В мире, построенном по принципу бинарных оппозиций, логика образа врага и его аргументация выстраивается гораздо проще, т.к. требует меньше доказательств. Коллективная идентичность строится на принципах противопоставления «врагу»: небелой, негегемонной маскулинности, а принципы конструирования мужской внешности и поведения архаично просты: физическая сила, небрежность к внешней атрибутике, ценности мужского братства, культ мужчины-воина, патриотизм. Но с другой стороны, все эти качества не

являются специфическими и оригинальными именно для этого скинхед-течения. Мы можем обнаружить их и в других средах, например, среди гопников.

Поэтому можно говорить, что раши, трады и шарпы представляют собой более либеральный проект маскулинности, который характерен именно для представителей некоторых субкультур. Их стиль жизни можно назвать более модернистским, новаторским, по сравнению с консервативно-охранительным стилем наци-скинхедов. Возможность отойти от принципов и проявлений гегемонной маскулинности, эксперименты в том, как должен и может выглядеть и поступать мужчина становятся признаками альтернативной маскулинности, которая не боится быть осмеянной, поставленной под сомнение и которая настаивает на возможности такого проживания мужской жизни. И скорее именно это различие будет фундаментальным и определяющим, в том числе и в реализации представлений о маскулинности.

Примечания

- ¹ Базой для написания статьи послужили материалы полевых исследований автора, а также коллективных проектов НИЦ «Регион», собранные в Ульяновске, Сочи и Санкт-Петербурге в период с 2005 по 2008 годы, а также материалы сайтов, фан-зинов и форумов наци-скинхедов, рашей и шарпов.
- ² <http://ru.wikipedia.org>.
- ³ <http://ru.wikipedia.org>.
- ⁴ <http://ru.wikipedia.org>.
- ⁵ <http://ru.wikipedia.org>.
- ⁶ *Вершинин М.В.* Современные молодежные субкультуры: скинхеды // Психология. Пермь. 2004. № 5. С. 16–20. <http://psyperm.narod.ru/S18.htm>.
- ⁷ Коричневые скинхеды придерживаются национал-социалистической идеологии, крайние националисты и/или расисты, ратуют за идею расового сепаратизма и превосходства белой расы (чаще всего под белой расой подразумевается то, что нацисты называли арийской расой). Кроме частичного повторения внешнего вида, не имеют ни-

чего общего с традиционными скинхедами. Их часто называют НС-скинхедами, наци-скинхедами, бонхедами или бонами (англ. *boneheads* – «костяные головы», «болваны») для того, чтобы не путать со скинхедами.

⁸ <http://ru.wikipedia.org>.

⁹ <http://ru.wikipedia.org>.

¹⁰ *Трады (trads)*, или *традиционные скинхеды* поддерживают классическую идеологию и культуру скинхедов образца 1969 года. Следуют образу первых скинхедов, что предполагает преданность субкультуре, память о корнях (семья, рабочий класс), антирасизм и аполитичность. Неофициальный лозунг – «Remember the Spirit of 69». Тесно связаны с музыкой ска, реггей и современной музыкой Oi!

¹¹ *McRobbie A. Feminism and Youth Culture: From Jackie to Just Seventeen*: MacMillan / Ed. A. McRobbie, M. Nava. 1991; *Masculinities and violence in youth culture* / Ed. by L. Suurpaa, T. Hoikkala. Helsinki: Finnish youth research network, 2005.

¹² *Киммел М. Маскулинность как гомофобия: страх, стыд и молчание в конструировании гендерной идентичности* // Гендерные исследования. 2006а. № 14. С. 34–52.

¹³ *Macdonald N. The Graffiti Subculture: youth, masculinity and identity in London and New York*: Palgrave Macmillan, 2002.

¹⁴ *Connell R.W. Masculinities*. Cambridge, Polity Press; Sydney, Allen & Unwin; Berkeley, University of California Press, 1995.

¹⁵ *Messerschmidt J.W. Masculinities and Crime: Critique and Reconceptualization of Theory*. Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 1993.

¹⁶ *Кон И.С. Мужское тело в истории культуры*. М., 2003.

¹⁷ *Whannel G. Media Sport Stars: Masculinities and Moralities*. London; New York, 2002.

¹⁸ *Messner M.A. Still a Man's World? Studying Masculinities and Sport*. 2005. P. 313–325; *Handbook of Studies on Men and Masculinities* / Ed. by M. Kimmel, J. Hearn, R.W. Connell. Thousand Oaks: Sage Publications, 2005; *Messner M.A. Men Studying Masculinity: Some Epistemological Issues in Sport Sociology* // *Sociology of Sport Journal*. 1990. № 7(2). June.

¹⁹ *Габитус* – термин, получивший широкое распространение благодаря П. Бурдьё, слишком многозначный, чтобы проинтерпретировать его в паре предложений. Более подробно ознакомиться с содержанием концепции габитуса можно в следующих источниках: Брандес Х. Держаться прямо: о мужском габитусе (см.: <http://www.soc.pu.ru/>)

materials/golovin/reader/brandes/derj_pr.html, источник проверен 2.01.2006); *Бурдьё П.* Практический смысл / Пер. с фр. М.; СПб., 2001.

²⁰ «Типичный» бонхед выглядел примерно так: голубые подвернутые джинсы или камуфляжные брюки, высокие ботинки («Камелоты», «Гриндерсы», Dr. Martens с металлическими вставками в носу или «берцы» – военные ботинки как более дешевый вариант), черная или зеленая куртка с резинками на рукавах и поясе (бомбер), подтяжки, которые свисают по бокам брюк; стрижка – «под ноль» или очень коротко (поскольку это становится очевидным маркером, «под ноль» со временем стали стричься только самые отчаянные или преданные идее).

²¹ *McDowell L.* Redundant Masculinities?: Employment Change and White Working Class. Malden, Ma: Blackwell Publishing, 2003.

СКИНХЕДЫ-НАЦИ МОСКВЫ: конструирование маскулинности

С.В. Беликов, Д.В. Громов

История скинхедов-наци¹ в России насчитывает уже почти два десятилетия. Деятельность этой субкультуры имела широчайший общественный резонанс; бритоголовые были и являются излюбленными героями средств массовой информации², про них пишутся книги и снимаются фильмы. Уделяли им внимание и авторы, стоящие на социологических позициях³.

Данная статья посвящена одному из аспектов бытования данной субкультуры – конструированию маскулинности в скинхедской среде.

В данной статье мы хотим ответить на следующие вопросы.

1. Насколько в деятельности скинхедов-наци преломляются традиции мужского? Как в скинхедской среде происходит конструирование маскулинности?

2. Насколько стратегии конструирования маскулинности у скинхедов-наци совпадают с аналогичными стратегиями в традиционных для России и других стран бывшего СССР уличных пацанских группировках?

В основу статьи положены полевые материалы одного из соавторов – С.В. Беликова. Эти материалы собраны в ходе включенного наблюдения, осуществлявшегося в 1996–2009 годах⁴, в том числе в рамках адвокатской практики. В качестве вспомогательного материала при проведении исследования использовались публицистические тексты, помещенные в скинхедских изданиях и на специализированных сайтах в Интернете.

Начиная статью, мы хотим оговорить, что не разделяем позицию бритоголовых, однако и не считаем нужным придерживаться в описании их уничижительного тона, как это свойственно значительной части авторов, пишущих по дан-

ной теме. Мы считаем своей задачей не «борьбу» со скинхедами-наци, а беспристрастный (насколько он может быть в данном случае беспристрастным) анализ их деятельности.

Скинхеды-наци – субкультура, имеющая свою логику возникновения и развития, свою «правду», с которой можно соглашаться или не соглашаться; в субкультуре находили и находят себя молодые люди самого разного типа – от законченных преступников до высоколобых интеллектуалов (впрочем, одно не мешает другому). В момент своего максимального подъема субкультура захватила большое количество активных и «небезразличных» молодых людей. Их деятельность во многом является реакцией на социальные проблемы, возникшие в России и в мире в конце XX века. Формирование идеологической концепции бритоголовых обусловлено, помимо прочего, социально-демографическими процессами, происходящими в России в 1990–2000-х годах: лавинообразным увеличением миграции неславянского населения при естественном убывании славян; опасностью возникновения на территории Москвы и других городов России неконтролируемых национальных районов. В середине 1990-х одним из факторов обострения межнациональных отношений стала война в Чечне и сопровождающие ее теракты. Влияние на рост активности скинхедов оказывает общий рост криминализации общества, в том числе этнической.

1. История российского скин-движения

Прежде чем приступить собственно к раскрытию темы статьи, необходимо проследить историческую динамику развития российского скин-движения.

1990–1993 годы. Первые бритоголовые появились в России уже в начале 1990-х годов. Сначала их увидели в Москве, которая с той поры стала считаться идеологическим центром скин-движения. В это время в Москве насчитывалось не более нескольких десятков поклонников скинхедского

стиля и идеологии. Основным местом встреч и общения тогдашних бритоголовых стали Старый Арбат и улицы рядом с метро «Китай-город»⁵.

Изначально, когда движение бритоголовых в России находилось в состоянии зарождения, людей, осознающих себя скинхедами, насчитывалось крайне мало. Их эстетические и культурные вкусы вполне удовлетворялись записями иностранных скин-групп, попадавшими к ним через друзей и знакомых, и самопереводными статьями из зарубежных газет и журналов. Вполне объяснимое желание послушать или почитать что-либо «свое» (идеологически близкое) удовлетворялось прослушиванием песен и изучением текстов некоторых отечественных групп, играющих в стиле панк-рок или хэви-металл. Уже в начале 1990-х годов в текстах наиболее экстремальных групп этих направлений появлялись экстремистские и национал-шовинистские черты и оттенки, однако до настоящих расистско-нацистских скин-песен им было еще далеко.

1993–1996 годы. В 1993–1994 годах численность московских бритоголовых достигла 150–200 человек⁶. Их деятельность уже заметно влияла на криминальные сводки столицы. Примерно тогда же первые «команды» скинхедов начали возникать в крупнейших городах России и, прежде всего, в Санкт-Петербурге, Ростове, Волгограде и Нижнем Новгороде.

К 1995–1996 годам общее число бритоголовых перевалило за 1000 человек, а их субкультура и идеология стали заметным явлением в мире политического экстремизма правого толка. Известные неонацистские и ультраправые политические партии и движения начали искать контакты с наиболее авторитетными и одиозными лидерами российских скинхедов.

В 1995 году в Москве стал выходить журнал «Под ноль» – первый в России печатный орган собственно скин-движения; ранее, в 1995–1996 годах, в качестве журнала скинхедов выступал музыкальный «металлический» журнал «Же-

лезный марш». Примерно в то же время возникли и первые скинхедские музыкальные группы, играющие в стиле oi.

1996–1998 годы. Скачок в численности и организованности; в определенных молодежных кругах стало модно и престижно быть скинхедом. В связи с этим общее число российских скинхедов увеличилось в несколько десятков раз.

В Москве и Санкт-Петербурге появились довольно крупные группировки, включающие до сотни участников. В одной только Москве в 1998 году насчитывалось около 20 организованных объединений.

Всё возрастающее количество скинхедов и выросший вместе с ним спрос на скин-атрибутику породили (точнее, перенесли на просторы России) целую скин-индустрию, созданную исключительно для бритоголовых. Потребности скинхедов в «спецодежде» удовлетворялись множеством различных фирм, как наших, так и зарубежных. Причем на смену штучным, заказным, кустарно выполненным вещам пришли целые цеха, производящие оптовые партии товара.

Вместо одного единственного нерегулярно выходившего скин-журнала «Под ноль» только в Москве появилось несколько новых скин-изданий: журналы «Стоп», «Удар», «Уличный боец», «Отвертка» и др. Число музыкальных скин-групп стало исчисляться несколькими десятками. В крупных городах России почти каждый месяц проходили скин-концерты, а пару раз в год – фестивали музыки в стиле oi. Лидировала здесь, безусловно, Москва, где наиболее организованные скины приглашали иностранные музыкальные коллективы, играющие в стиле «белого рока».

1998–2000 годы. Произошел значительный спад скин-движения, особенно в «столицах» – Москве и Санкт-Петербурге. На бритоголовых стали обращать внимание средства массовой информации. В обществе бритоголовые уже воспринимались не как еще один вид неформалов (достижение свободного демократического общества), а как злобные и опасные экстремисты.

В то же время бритоголовыми заинтересовалась и милиция. Их начали задерживать за внешний вид, поэтому стиль одежды существенно изменился, маскируясь под общепринятый молодежный стиль. Судьи и прокуроры при осуждении начали учитывать принадлежность к бритоголовым.

Движение избавилось от случайных людей и от тех, кто примкнул к движению только из-за его популярности. Бритоголовыми остались только полностью «отмороженные» и «упертые» – фанатики, наиболее преданные «идеям» скин-движения.

В связи с общим уменьшением скин-движения противоправных акций стало заметно меньше. Но оставшиеся скинхеды стали грамотнее и организованнее; многие из них начали серьезно сотрудничать с политическими объединениями и, прежде всего, с РНЕ, ННП, РНС, «Партией Свободы». У бритоголовых появилась письменно закреплённая идеология – «Азбука славянских бритоголовых». Общая численность движения начала увеличиваться за счет регионов. Небольшие скин-команды стали возникать не только в мегаполисах, но и в средних городах.

Поскольку почти после каждого концерта бритоголовых происходили многочисленные драки и избиения, органы власти стали их запрещать, отменять или сокращать время проведения. Концерты становились менее массовыми, в Москве они проходили в основном за пределами кольцевой дороги. Однако на музыкальном рынке появилось огромное количество прилично записанных аудиокассет (в основном студийной записи) с песнями скин-групп России, ближнего и дальнего зарубежья.

2000–2004 годы. Скин-движение снова стало наращивать свою численность. Противоправные акции стали жестче и профессиональнее. Значительная часть бритоголовых постоянно сотрудничала с правоэкстремистскими политическими объединениями или состояла в них в качестве «боевой силы». Из многочисленных политических объединений, сотрудни-

чающих с бритоголовыми, на первое место вышла Народная национальная партия. После нескольких крупных противоправных акций, произошедших в 2001–2002 годах, про бритоголовых и скин-движение написали практически все российские газеты. На фоне растущей популярности скин-движения и обострения межнациональных конфликтов появилось новое поколение бритоголовых неонацистов, более идеологизированное и жестокое.

В период 2002–2003 годов на бритоголовых как на социально-политическое явление обратили внимание органы высшей исполнительной власти. И это «внимание» стоило бритоголовым очень дорого. Произошло усиление репрессивных и сдерживающих мер со стороны государства. В России произошел ряд «показательных» судебных процессов над бритоголовыми, в том числе и над участниками организованных скин-группировок.

С 2005 года по настоящее время.

К настоящему моменту субкультура скинхедов-наци сравнительно невелика. Помимо давления на скинов со стороны властей, причинами упадка субкультуры является сравнительное снижение ксенофобии в обществе⁷ и «фактор моды» (мода на скинов прошла, численность их уменьшилась). Кроме того, уменьшение численности субкультуры не означает уменьшения количества молодежи, подверженной ультраправым идеям. Многие из этих молодых людей находят единомышленников в других сообществах; в частности, большое количество потенциальных скинхедов привлекают в свои ряды Движение против нелегальной иммиграции, «Славянский союз» и др.

На протяжении долгого времени российское скин-движение было исключительно националистическим; другие ветви движения здесь практически отсутствовали. Только в последние годы наметилась тенденция увеличения числа «красных» скинхедов и скинхедов-антирасистов, но в данной статье эти ветви не рассматриваются.

2. «Гопники» и «интеллектуалы»

Рассматривая стандарты маскулинности российских скинхедов, мы бы выделили два типажа, которые условно назовем «гопники» и «интеллектуалы». На разных этапах исторического развития движения эти группы были представлены по-разному.

Волна 1996–1998 годов включала в себя преимущественно «гопников» – дворовую молодежь.

Волна 2000–2002 годов привлекла к участию в движении большое количество «интеллектуалов».

Обусловлено это, помимо прочего, и изменением социального состава движения на разных этапах.

В первой половине 1990-х годов основная часть ультраправой молодежи рекрутировалась из молодых людей 14–18 лет, происходивших из беднейших, социально неблагополучных семей. Большинство бритоголовых, принадлежащих к этой группе, проживало в бедных «спальных» районах рабочих окраин. Данная молодежь в своей массе в силу возраста и социального развития обладала весьма низким образовательным и культурным уровнем.

Однако в дальнейшем ситуация изменилась. Во второй половине 1990-х годов основную массу скинхедов составляла молодежь из весьма благополучных социальных слоев. Значительная их часть принадлежала к семьям бывшего советского «среднего класса» – квалифицированных рабочих, работников научно-исследовательских институтов, инженеров, чье благосостояние в 1990-е годы значительно ухудшилось. Многие являлись выходцами из семей, связанных с мелким и средним бизнесом. Есть данные, что в 20% уголовных дел, заведенных на скинхедов, подсудимые оказывались детьми сотрудников милиции, работников прокуратуры или военных⁸. У 42% бритоголовых доход на одного члена семьи был ниже среднего, у 34% он определялся как средний⁹.

Мы затрудняемся с уверенностью сказать, каково было соотношение «гопников» и «интеллектуалов» на самых первых этапах развития движения. Но сравнение с другими молодежными субкультурами позволяет предположить, что толчок дали именно «интеллектуалы» – как правило именно они, имея доступ к информации и определенный уровень запросов, осваивают зарубежные социокультурные образцы и адаптируют их к отечественным условиям. Есть данные, что первоначальным костяком скинхедов-наци в Москве была группа численностью около 20 человек; их идеологические установки несколько отличались от установок нынешних скинов, в частности врагами признавались негры, но не кавказцы (взгляды были расистскими), огромное внимание уделялось стандартам внешнего вида.

Скин-объединения действуют как типичные молодежные сообщества – в них участвуют только в определенном возрасте, деятельность в них соответствует потребностям данного возраста; численность «старых» скинхедов в возрасте 25–30 лет не превышает 1–2%. Когда член сообщества достигает определенного возраста, он, как правило, без сожаления его покидает. Часто это связано с уходом в армию, поступлением в вуз, созданием семьи и рождением детей, получением специальности и устройством на работу. Для скин-движения отсев участников обусловлен еще и тем, что некоторые из них получают тюремные сроки. Если в группировке кто-то из членов сел, это часто служит причиной распада группы или прекращения (иногда временного) противоправной деятельности.

3. «Гопники»

Бритоголовые данного типа представляют собой традиционную для советских и российских городов уличную молодежь. С появлением новых социальных условий и общей моды на скинхедов участники некоторых уличных пацанс-

ких компаний забрали головы «под ноль» и стали называть себя скинхедами. Причем обычно причисление себя к скинхедам происходило без какого-либо первичного изучения идеологии этого движения.

В качестве примера рассмотрим одну из скинхедских группировок, построенных по территориальному принципу. С этой компанией одному из авторов данной статьи, С.В. Беликову, довелось плотно общаться в 1996–1997 годах; с некоторыми членами компании отношения сохранились и сейчас.

Костяк группы состоял из 7–8 человек. Это были юноши, жившие по соседству; они учились в старших классах школы и ПТУ; позже некоторые поступили в вузы, большинство пошло работать. В 1996–1997 годах им было по 14–16 лет.

Из всей команды «идейными» можно было бы назвать только двоих (так, один из лидеров слушал немецкую военную музыку, интересовался военной историей, довольно много читал), остальные были скорее любителями подраться. Дрались с разной степенью умелости, было двое сильных бойцов (один из них кандидат в мастера спорта по гребле, рост 190 см). Все члены компании занимались в спортивных секциях (карате, борьба, дзюдо, бокс), но для большинства эти занятия ограничивались двумя-тремя посещениями.

В различных ситуациях группа могла приглашать «бойцов» со стороны. Например, для большой драки могли позвать приятелей, часто это были дворовые пацаны, мало интересующиеся скинхедской идеологией, но любящие помахать кулаками.

Отношения в группе строились на основе личной симпатии. Так, один из участников группы, даже переехав в другой район, не прекратил взаимоотношений и специально приезжал на старое место жительства – общаться и участвовать в акциях.

Хорошие отношения были с соседней командой, в которой был костяк «старших» (три человека) и много «молодняка» («старшие» его называли «наш детский сад», и вооб-

ще, имели склонность к воспитанию подрастающего поколения). При «детсаде» серьезных акций не делали. Собравшись вместе, две группировки насчитывали до 40 человек. Вместе пили пиво, а после, разбившись на группы по 10–15 человек, шли патрулировать район. При подобных внутрирайонных патрулированиях члены команды были одеты «при полном параде», в одежду, соответствующую скинхедским канонам (нашивки с кельтскими крестами, хромированные цепочки весом по 200–300 граммов с карабинами).

Наиболее распространенной тактикой при таких патрулированиях было ходить по периметру района, а встречая «объект расовой неприязни», загонять его вглубь района, «подалее от милиции».

Драки рассматриваемой нами группы начинались по-разному, но можно выделить две тактики нападения на противника. Если хотелось подражаться с какой-либо молодежной группой, начинали кричать «Зиг-Хайль!», и если противники делали замечание – это служило поводом для драки. Если нападали на инородца – к нему подходил один из наиболее сильных членов команды и сбивал его ударом с ног, затем на лежащего бросались остальные. При этом группу вряд ли можно назвать беспредельщиками – били не насмерть (убивать или искалечить не старались, обычно хотели напугать и унижить), после двух минут избиения поспешно удалялись.

Вещей и денег у жертвы не брали принципиально. Был случай, когда самому младшему члену компании «наваляли» за то, что он забрал у избитого две пачки сигарет; обе пачки демонстративно растоптали. Не раз обсуждали вопрос, можно ли брать у жертв хорошие вещи, но решили, что нельзя – «пусть лучше бомжи возьмут». Таких же правил придерживалась соседняя команда; так, известен случай, когда старшие этой команды устроили молодняку своеобразные учения: отняв у жертвы плеер, демонстративно спросили, нужно ли его брать; «дети» ответили, что нет, и плеер был тут же растоптан. Надо отметить, что такое правило

было не у всех команд – некоторые охотно отбирали у жертв вещи и деньги, мотивируя это тем, что взимают «налог за нахождение на русской земле».

Описываемая группа прошла серию конфликтов с другими уличными группировками района. Успешно побили тусовки баскетболистов, скейтеров, другие компании. С переменным успехом шла борьба с рэперами (часть из которых относились к основе известной рэперской группировки White Smoke Clan); ключевым моментом в этой «войне» были переговоры, на которые скины для демонстрации силы пригласили около 80 соратников из других районов Москвы; рэперы тоже пригласили много своих знакомых. В результате этих переговоров в районе был заключен мир; при этом скинхеды обещали не заходить на территорию некоторых контролируемых рэперами домов и наоборот, рэперы не заходили на территории, контролируемые скинхедами.

В ходе всевозможных конфликтов было принято обращаться за помощью к скинам из соседних районов. Но помощь приходила только в случаях, когда она была нужна авторитетным членам сообщества; если «влипал в историю» кто-то из новичков, им обычно полагалось разбираться с проблемами самим, привлекая личных друзей и знакомых.

В группе можно выделить двух лидеров, они планировали акции, давали распоряжения по отдельным вопросам; например, один из лидеров настоял, чтобы все сделали одинаковые наколки. Еще один лидер приезжал из другого района только в тех случаях, когда готовил какую-нибудь акцию, например, находил удобный момент для нападения на инородцев в общежитии. Видимо, этот лидер были включен еще и в другие группировки. В целом авторитарным стиль руководства назвать нельзя – лидеры обычно не приказывали рядовым членам, а скорее предлагали им. Обязательного членства в компании не было – желающие в любое время могли отказаться от участия в совместных действиях (но перед силовыми акциями это надо было сделать заранее).

У группы не было никакого самоназвания – попытки его придумать предпринимались, но ничего не прижилось; общаясь с другими скинами, представлялись, как и все, по району проживания («такой-то из такого-то района»). Зато была общая татуировка – знак, выбранный в качестве эмблемы группы, а также ромб (3 на 5 см) с буквами WP – White Power. Причем ромб с WP был наколот на задней части головы, под волосами; его можно было увидеть, только если человек брился налысо; два члена группы вместо головы накололи его на руке.

4. «Интеллектуалы»

Постепенный рост интеллектуальной составляющей движения бритоголовых обусловлен, в частности, тем, что к началу 2000-х годов в России сформировался довольно обширный дискурс ультраправой теории и идеологии. Появился скиновский самиздат (хотя примитивный и на первых парах в основном переводной), русскоязычные литература и песни; были переведены зарубежные тексты, касающиеся ультраправой тематики. Это всё стало доступным в «бумажном» виде и особенно в Интернете.

Если «гопнические» команды образуются, как правило, по территориальному принципу, то команды «интеллектуалов» это обычно идеоцентрические сообщества; их участники могут проживать в разных районах и встречаться специально для каких-то общих дел. Например, такие группы образуются вокруг специализированных сайтов, музыкальных групп.

К «интеллектуальной» составляющей движения можно отнести музыкальную деятельность. Существование скинхедов как в мире, так и в России во многом поддерживается наличием собственного музыкального стиля и большого количества «субкультурных» музыкальных коллективов. Поэтому одним из мест коммуникации для бритоголовых явля-

ются концерты (последнее время, как правило, закрытые, только для своих). Меломаны могут также заниматься коллекционированием и обменом видео- и аудиозаписей, музыкальных журналов, символики и атрибутики скин-групп. В среде поклонников скин-музыки могут быть попытки самостоятельного музыкального творчества. Этот слой скинхедствующей молодежи является наиболее «мирным».

Настоящие скинхеды, особенно старшего возраста, интересуются политикой, однако почти не участвуют в политической жизни общества и стараются выражать свое политическое кредо только перед друзьями, родственниками и знакомыми. Такие бритоголовые обладают достаточно твердой, устойчивой системой взглядов и воззрений расистско-неонацистской направленности.

Часть наиболее политизированных бритоголовых, понимая неорганизованность и незрелость своего движения, неумение ориентироваться в политическом и околополитическом мире, пытается более тесно сотрудничать с относительно крупными и устойчивыми политизированными объединениями радикального толка (РНС, ННП, ДПНИ, «Славянским союзом», «Русским образом» и др.). При этом инициатива подобных контактов часто исходит со стороны этих самых политических организаций. В обмен на помощь и поддержку бритоголовые обеспечивают им в своем лице значительную часть сторонников и сочувствующих, помогают при проведении сходок и митингов, принимают участие в «силовых» акциях, распространении литературы и пропаганде.

По нашим наблюдениям, чем выше степень идеологизированности скин-группировки, тем дольше срок ее существования. Уличные компании, увлеченные исключительно драками и пивом, существуют недолго – по 2–3 года. Значительно дольше держатся в движении те бритоголовые, для кого важна идеологическая мотивация. Многие из них со временем находят приложение сил в партиях и политических организациях ультраправого толка.

5. «Требования, предъявляемые к соратникам...»

Маскулинный стандарт, которого придерживается подавляющая (85–99%) часть бритоголовых, отражен в их идеологии и нормах поведения.

В качестве программного документа, содержащего идеологию скинхедов-наци, можно назвать брошюру «Азбука славянских бритоголовых». Она написана в апреле 2000 года московским неонацистом по кличке Салазар и впоследствии неоднократно дополнялась, сейчас появилась десятая редакция. Первая часть «Азбуки...» посвящена идеологии бритоголовых, вторая – правилам их поведения.

У российских бритоголовых существует определенный набор «понятий» – правил, которым они должны неукоснительно следовать (естественно, при наличии возможности это делать). Эти «понятия» достаточно четко регламентируют, что можно, а что нельзя делать «настоящему бритоголовому», как ему поступать в той или иной ситуации. Ранее эти правила поведения не закреплялись письменно; они были известны «старым» скинхедам, которые доводили их до сведения новичков.

В первую очередь эти правила поведения включают в себя ряд запретов, исполнение которых строго обязательно. Настоящий бритоголовый должен не дружить с «инородцами», стараться не общаться с ними ни при каких обстоятельствах; игнорировать любые попытки контактов с их стороны; при любом удобном случае он должен выказывать им свою ненависть и презрение.

Система правил поведения «правильного» бритоголового емко сформулирована в манифесте одного из направлений скин-движения – hammerskins:

«Требования, предъявляемые к соратникам MHS:

1. Вера и ответственность к соратникам.
2. Твердость духа, высокий интеллект, физическая сила, честность, честь и гордость.

3. Знание своего Расового и культурного наследия.
4. Всегда будь выше упреков! Не распространяй слухи!
5. Нет наркотикам!»¹⁰

6. «Белые войны»

«Азбука славянских бритоголовых» начинается со слов:

«В настоящий момент движение бритоголовых представляет собой грозную и сплоченную силу. Ряды скинлегиона состоят из смелых и патриотичных людей готовых на все для защиты своей Страны, Расы и Нации (...).

Быть скинхедом трудно, но почетно. Бритоголовые это солдаты своей расы и нации – белые воины. Именно они стоят на передовой межрасовой борьбы, каждый день сражаясь за будущее белой расы и счастье своего народа. Быть настоящим скинхедом значит быть патриотом Своего Народа. Скинхедов боятся враги. Скинхедов уважают»¹¹.

Таким образом, задается маскулинный образец для подражания: *Белый воин*.

Расовая борьба является, пожалуй, базовой ценностью субкультуры. Как мы увидим далее, понятия расовой борьбы как базовой ценности могут проявляться и в таких сферах, как отношения с девушками, презентации телесности и проч.

Настоящий бритоголовый должен по мере возможностей не допускать дружбы и общения между своими приятелями и «нерусскими». Обращаться за помощью к «инородцу» разрешается только в случае самой крайней необходимости. Запрещается предлагать ему свою помощь, утешать и сочувствовать.

При любом удобном случае настоящий скинхед должен проявлять агрессию по отношению к «инородцу». Это может быть и избиение, и издевательства, и простое оскорбление. Допускается и нанесение «мелкого вреда» – поджога дверей, разбивания стекол, рисования лозунгов.

От «белого война» требуется самоотверженность и самопожертвование:

«Во имя нашего дела, во имя Белой Идеи, мы не щадим себя и за это получаем священное право не щадить наших врагов»¹².

Неосуществление агрессивных действий свидетельствует о лени и, что еще хуже для бритоголового, о трусости; это может привести к утрате авторитета.

Альтернативой агрессивным действиям может служить только активная деятельность по развитию своей организации и всего скин-движения в целом. Это может быть написание листовок, сочинение текстов песен, издание и распространение неонацистской литературы, налаживание контактов с другими скин-организациями.

Воинственность скинхедов отражена в их дресс-коде. С самого зарождения движения субкультурный костюм скинхов трактовался как одежда, удобная для драки. Считалось, что «классически» одетые бритоголовые носят куртку-бомбер без воротника, чтобы за него не мог ухватиться противник, а тяжелые ботинки – чтобы эффективно бить противника ногами. Отсутствие волос на голове также объяснялось неуязвимостью в драке. В дресс-коде российских скинхедов-наци второй половины 1990-х годов появились такие «воинские» элементы, как одежда камуфляжных расцветок, военная обувь, металлические цепи, ремни с массивной (иногда утяжеленной) пряжкой, милитаристские нашивки, надписи и значки.

Наиболее характерный элемент внешнего вида – бритая «под ноль» голова, – вызывает ассоциации с обритием головы в таких маскулинных сообществах, как армия и тюрьма.

На воинственность бритоголовых указывают названия их изданий: «Уличный боец», «Отвертка» (используется как оружие), «Русская воля», «Гнев Перуна», «Белое сопротивление», «Белый порядок», «Стоп», «Сполохи» и др. Довольно

часто встречаются прозвища с воинственным звучанием: Тесак, Ураган, Лютый, Погром. Некоторые прозвища, хоть и кажутся нейтральными, получены «в боях» и являются тайными, понятными для друзей, знаками доблести. Так, знакомый нам бритоголовый Китаец получил свое прозвище за то, что отличился в драке с сильным китайцем.

Деятельность скинхедов описывается ими в категориях военных действий. Так, гипотетический противник, направляющий разрушительные процессы на территории России обозначается как ZOG (от англ. Zionist Occupation Government) – Сионистское оккупационное правительство. Действия против инородцев (оккупантов) называются «партизанской войной».

Тактики ведения «партизанской войны» различаются для разных групп. При этом практически не встречается присущая многим пацанским группировкам установка на состязательность в драке и равенство противников. Иначе говоря, большинство конфликтов проводится по принципу «все на одного», считается, что противник должен быть побежден любой ценой, на войне все средства хороши.

В этом отношении показательны события, произошедшие 22 июня 2007 года на Манежной и Славянской площадях в Москве. 21 июня группа молодых кавказцев на Манежной площади совершила нападение на русского юношу (футбольного болельщика), проходившего мимо с российским флагом. Кавказцами была «забита стрелка» здесь же через день. Информация о драке интенсивно распространялась в ультра-правых и фанатских кругах, однако в нужный час против кавказцев (их пришло около 50-ти человек) не удалось собрать достаточного количества бойцов. В то же время некая группировка провела «партизанские действия» в другом районе Москвы, мотивируя это тем, что место проведения драки не важно, важен ущерб, нанесенный врагу.

При общем снижении численности скинхедов (и вообще ультраправой молодежи) наблюдается процесс их радикали-

зации. В 1990-х годах нападения на инородцев в большинстве случаев производились без применения оружия и не предполагали нацеленности на убийство; это были избиения при участии большого количества нападающих, причем начинались они часто спонтанно. В конце 2000-х появились группы, деятельность которых была осознанно направлена на убийства. Этих групп мало, они невелики по численности, замкнуты и осуществляют свои акции целенаправленно. Наиболее известный пример – московская группа Рыно–Скачевского. Появляются (чего раньше не было) случаи применения огнестрельного оружия, как, например, при некоторых убийствах, совершенных петербургской группой Боровикова–Воеводина. Последний на момент написания статьи пример применения огнестрельного оружия – убийство в сентябре 2009 года по дороге в суд члена экстремистской группы, обозначенной СМИ как «Черные ястребы», объединяющей молодых азербайджанцев (участники группы избивали граждан славянской внешности по мотивам национальной и религиозной ненависти).

Можно говорить о появлении нового типа ультраправых объединений – боевых террористических организаций.

Жизнь «белых воинов» опасна. Они не только наносят ущерб своим врагам, но и гибнут сами, а еще чаще попадают в места лишения свободы. По некоторым данным, на настоящий момент в тюрьмах сидят около 600 ультраправых молодых людей, осужденных за преступления на национальной и расовой почве.

7. «Белые братья»

«Азбука славянских бритоголовых» не только провозглашает войну против врагов, большую часть которых составляют инородцы, но и отношения братства между «белыми людьми». При этом белые люди представляют собой два круга – собственно скинхедов и белых людей, сочувствующих идеям скин-движения.

«Если БЕЛЫЙ РУССКИЙ человек может помочь СВОЕМУ он всегда ему поможет. Взаимопомощь – это основа, выживания любой нации, народа и расы»¹³.

Таким образом, скинхед-наци трактуется не просто как «белый воин», но как *защитник* для людей своей расы.

Однако всё не так просто – не все «белые» люди в равной степени считаются своими.

«В принципе настоящий бритоголовый должен оказывать возможную помощь всем простым “белым русским людям”. Эта помощь касается и защиты, и поддержки, и материальной помощи. Естественно это происходит только в том случае если “белый русский человек” разделяет или хотя бы сочувствует убеждениям бритоголовых»¹⁴.

Таким образом, «совсем своим» считается соратник – тот, кто вовлечен в «белую борьбу».

«Если бритоголовый видит драку, в которой участвуют скинхеды, он должен присоединиться к ним, встав на их сторону не выясняя причин драки. Авторитетный скинхед должен помогать скинхеду новичку. При любой удобной возможности бритоголовый должен защищать “своих”, и в первую очередь бритоголовых – членов своей группы, а также дружелюбно настроенных неонацистов и национал-патриотов»¹⁵.

Участники расовой войны и, в меньшей степени, сочувствующие представляются как своеобразная воинская каста. Внутри этой касты декларируются отношения братства, а вот касаясь остальных «белых людей» вопрос остается открытым – они могут быть восприняты как «белые братья», а могут и нет. Особенно строгое отношение к идеологически чуждым «белым»: сектантам, либералам, пацифистам, антифашистам, рэперам, гомосексуалистам и др.; по мнению скинхедов, этот «генетический шлак» подлежит уничтожению вне зависимости от цвета кожи.

Так или иначе, белый цвет кожи является фактором, ограничивающим агрессию; по крайней мере, бритоголовый должен задуматься, прежде чем напасть на «белого»:

«Бывает, я вижу, что человек не прав, заслуживает того, чтобы его побили. Но раз он белый, я стараюсь сдержаться. Бью его, но говорю: “Если бы ты был чурка, я тебя вообще убил бы”».

Бритоголовые всегда подчеркивают, что от так называемой «урлы» или «гопников» они отличаются тем, что не нападают на простых «белых» людей без причины.

По нашим наблюдениям, стиль взаимоотношений в среде скинхедов в разные периоды развития субкультуры был различным.

В 1996–1998-х годах, как ни странно, отношения друг к другу были очень жесткими, было много злых «подколок», постоянно вспыхивали конфликты; пренебрежительным было отношение старших к младшим. В качестве примера недостаточной развитости отношений можно привести случай, когда один из скинхедов занимался в своей среде спекуляцией, продавая элементы скинхедской одежды с большой переплатой, причем гордился этим («лохи должны платить»), не придавая значения тому, что «наваривает» деньги на своих соратниках.

В 2000–2002 годах уже появилось понимание того, что команду надо сплачивать, появилась атмосфера братства и взаимопомощи. В этот период от участников движения часто можно было услышать, что среда скинхедов для них – замена семьи. Показательно возникновение в одном из округов Москвы объединения, называвшегося «Белые семьи» и включавшего в свой состав несколько бригад бритоголовых.

По сравнению с 1996–1998 годами, к началу 2000-х изменилось и отношение к молодежи. Если раньше к подросткам, проявляющим интерес к движению, относились довольно жестко и пренебрежительно, то со временем отношение ста-

ло значительно более добрым и покровительственным, появилось понимание того, что они – смена, новобранцы «белых воинов».

Говоря о закономерностях формирования маскулинности применительно к этому периоду, отметим, что, по нашим наблюдениям, около половины участников объединений скинхедов были из неполных семей¹⁶. Как нам кажется, участие в скин-движении в 2000-х было для многих своеобразной компенсацией недостатка мужского общения в семье. Некоторые ультраправые организации (Народная национальная партия, Партия Свободы и др.), лидеры которых смогли создать образ отца, сплотили этим вокруг себя значительную часть «белой» молодежи.

Различие атмосферы в скин-объединениях в разные периоды существования движения обусловлено, в первую очередь, степенью свободы их бытования.

В 1996–1998-х это была субкультура, практически не подвергающаяся гонениям и в то же время модная. Так, мы наблюдали следующий эпизод: двое парней попросили принять их в команду бритоголовых, но их встретили неприветливо – заставили пить много водки и драться, подкалывали их. Когда парни ушли, мы спросили скинов, почему такое отношение, ведь это были их идейные соратники. Ответ был таким: «К нам люди – всегда придут». И действительно, в те времена недостатка в рекрутируемых со стороны не было; в бритоголовые шли потому, что это было модно и не связывалось с какой-либо серьезной опасностью.

В начале 2000-х же положение коренным образом изменилось – бритоголовые стали подвергаться давлению со стороны властей, быть скинхедом стало опасно. Это положительно отразилось на внутренней атмосфере группировок – скины стали уважительнее относиться друг к другу, появилось нормальное покровительственное отношение к молодежи. Еще одна причина изменения характера взаимоотношений – в изменении социального состава субкультуры: как

мы уже говорили, волна второй половины 1990-х включала в себя преимущественно «рабочую молодежь», а волна начала 2000-х – молодежь из семей с более высоким достатком и образованием.

Известны случаи, когда бритоголовые, получавшие обвинения в многочисленных убийствах, брали на себя и вину за чужие преступления, чтобы отвести наказание от соратников.

8. «Сильных людей уважают друзья...»

Нормой для «идеального» скинхеда-наци является отличная физическая форма, сила и спортивность. Мотивируется это, прежде всего, тем, что здоровья и сила нужны «белому воину» для расовой борьбы. «Азбука славянских бритоголовых» декларирует это следующим образом:

«Скинхеды это уличные солдаты, БЕЛЫЕ ВОИНЫ своей расы и нации и для них хорошая физическая подготовка особенно необходима.

Скинам необходимо быть СИЛЬНЫМИ.

Настоящие бритоголовые должны заниматься спортом. Спорт развивает тело, укрепляет мышцы. Развивая свое тело физическими упражнениями, белый человек закаливает и свой характер. Крепость мышц придает уверенности в себе и в своих силах. Сильных людей уважают друзья и боятся враги.

Для скинов наиболее предпочтительны те виды спорта, которые можно сразу применить на практике. Для драки особенно полезно знать некоторые виды контактных единоборств: бокс, борьбу, рукопашный бой, кик-боксинг.

Одновременно скины должны заботиться о наращивании силы мускулов и росте мышечной массы. Если есть возможность лучше качать мышцы в качалке или атлетическом зале. Но в принципе важна любая физическая

активность. (...). Белый воин должен быть сильным, чтобы бороться за СВОЮ СТРАНУ»¹⁷.

Скинхеды действительно заботятся о своей физической форме. В подвалах, в которых они собираются, как правило оборудуется место для занятий физкультурой – здесь можно найти штанги, станки для атлетической гимнастики, боксерские груши. Ультраправые организации часто снимают для своей молодежи спортивные залы. Проходят сборы на природе, в ходе которых большое внимание уделяется спорту.

Любят скины и спортивные зрелища, особенно футбол; многие являются заядлыми болельщиками, часто посещают футбольные матчи.

Установка на спортивность тесно связана с установкой на здоровый образ жизни.

Субкультурной нормой для скинхедов-наци считается отказ от дурных привычек:

«Наркоманы и алкоголики будут заключаться в трудовые лагеря, где под строгим контролем они будут работать на благо нормальных белых людей до своего полного излечения»¹⁸.

Однако этому противоречит другая субкультурная норма: возведенная в культ еще с 1960-х годов любовь к пиву. В результате занятия скинов спортом часто совмещаются с обильными возлияниями, причем употребляется не только пиво, но и крепкие напитки (хотя в настоящее время нечасто¹⁹). Как нам кажется, корректно провести аналогию между скинхедами, которые совмещают занятий спортом с разгульными попойками, и типичными для различных культурно-исторических ситуаций практиками пьянства в воинских мужских сообществах. Стереотип много пьющего воина можно встретить и у древних скифов, и в армиях Нового времени, и у махновцев.

9. «Знание Расового и культурного наследия»

Интерес к изучению культурного наследия у «гопников» и «интеллектуалов» различен. Первые ограничиваются «упрощенной теорией», содержащей набор случайных знаний, часто весьма причудливо искаженных²⁰. Вторые действительно проявляют интерес к культурному самообразованию, но надо отметить, что этот интерес довольно однокбок. Наиболее востребованным пластом интеллектуальных знаний является военно-политическая история, причем большей частью – история Второй Мировой войны. Если составить впечатление об уровне осознания исторических событий по материалам малотиражных ультраправых журналов (фэнзинов)²¹, то надо признать, что освещены они крайне предвзято²², научный уровень представления материала невысок. Показательно, что в ультраправой прессе появляются и явные фальшивки²³.

Среди «продвинутой» части бритоголовых существует понимание того, что «белая борьба» должна переходить с уровня уличных драк на политический уровень. В этом отношении показателен известный нам случай, когда один из скинхедов, студент МГУ, получил от своих товарищей по группировке (один из них по этому поводу даже прислал «маляву» из СИЗО) своеобразный наказ – несмотря на конфликты на месте учебы, закончить МГУ, поскольку с высшим образованием он сделает для «белого дела» больше.

В среде бритоголовых высок интерес к славянскому язычеству. По нашему мнению, эстетика язычества (в том понимании, которое утвердилось в современном сознании) во многом перекликается с эстетикой скин-движения; имеется в виду приписываемая язычеству установка на индивидуализм, воинственность (связанную с культом Перуна), подчеркнутую маскулинность.

10. Манеры поведения

Стереотипы поведения бритоголовых основаны на грубости и агрессии, активном подчеркивании брутального мужского начала. Бритоголовые отмечают, что именно они являются собой образец «настоящих мужиков».

Наблюдается разница в поведении и внешнем виде молодых и более взрослых скинхедов.

Молодых и неопытных бритоголовых выделить проще всего, поскольку они сразу же привлекают к себе всеобщее внимание. В первую очередь они выделяются своим внешним видом, одеваясь подчеркнуто «по-скинговски». Нашивок с символикой может и не присутствовать, но наличие тяжелых ботинок, джинсов и особого типа куртки считается обязательным. В общественных местах они ведут себя вызывающе шумно – громко смеются, постоянно ругаются, громко обсуждают тех, кто по тем или иным причинам им не нравится.

Взрослые и серьезные бритоголовые одеты гораздо скромнее и незаметнее, чем «молодые», да и вести себя они стараются по-взрослому. Как в одиночку, так и в присутствии товарищей они неизменно немногословны и мрачно сосредоточены. Постоянно осознавая свою расовую, национальную и групповую принадлежность, они стремятся ни одним своим действием не уронить звания «белого человека». Выделить их из общего числа молодежи можно только при внимательном наблюдении, основываясь как на некоторых деталях одежды, так и на манере поведения. Они ведут себя подчеркнуто вежливо по отношению к «своим» – простым русским (белым) людям. В общественных местах пожилым людям обязательно уступят место, помогут поднести какую-либо тяжелую вещь, вежливо ответят на вопрос. Такое же поведение свойственно по отношению к матери с ребенком или беременной женщине. Однако такие же категории «не своих» взрослые бритоголовые так же подчеркнуто не замечают. Или при случае могут сделать какой-либо небольшой

выпад в отношении «не своего»: тихо казать что-либо неприятное, а то и незаметно ударить кулаком. Очень часто даже при отсутствии реальной возможности для нападения они постоянно пристально или с вызовом разглядывают возможные «объекты расовой войны».

Различие в поведении «молодых» и «старых» скинов обусловлено, конечно, особенностями их возрастов, но не только. Надо учитывать, что многие «хулиганы» при достижении определенного возраста уходят из скин-движения (высокая текучесть типична для любых неформальных молодежных объединений); в рядах ультраправых остаются идейные участники, запросы которых выходят за рамки агрессивного молодежного поведения.

Как нам кажется, двух-трехлетнее пребывание в рядах скинов в большинстве случаев заметно влияет на формирование специфичного поведения. По крайней мере, многих бывших бритоголовых можно опознать по речи и манерам.

11. Борьба за чистоту движения

Участие в субкультуре скинхедов на равных предполагает следование определенному набору норм. Человека, который допускает отступление от этих норм, субкультура выталкивает из своей среды. Рассмотрим несколько «косяков», которые могут допустить участники движения.

1. Отлынивание от участия в «партизанской борьбе». Человек, претендующий на авторитет в движении, обязан участвовать в драках. Только в некоторых случаях (например, при недостаточно хороших физических данных или травме) прямое участие в боевых действиях может быть заменено другими формами работы – публицистической, издательской, музыкальной, тренерской. «Просто так *тусоваться* на стоящем скинхеду нельзя!»²⁴

На ранних этапах своего развития движение бритоголовых включало в себя большое количество т.н. «модников» –

скинов, которые следовали исключительно внешней стороне движения. Они носили скин-атрибутику, слушали соответствующую музыку, иногда посещали скин-концерты, но в массе своей были тихи и неагрессивны, не следовали скин-новской идеологии и манере поведения. Как правило, они не были способны даже ответить на оскорбления и насмешки со стороны «правильных» бритоголовых. Это была низшая и презируемая категория; бритоголовые третировали «модников», пополняя за их счет запасы субкультурных вещей. Категория «модников» составляла наиболее значительную часть скин-движения в период его наибольшей популярности; однако последовавшие затем репрессии против скинхедов быстро свели эту категорию на нет.

2. Антропологическое несоответствие. Слишком смуглый цвет лица, раскосость глаз, специфический акцент могут вызвать подозрение, что данный человек – нечистокровный славянин. Это может вызвать неприязнь и насмешки, что станет дополнительным испытанием молодому человеку и проверкой, насколько велика его мотивация участия в движении. Если учесть, что антропологический тип русского довольно вариативен, то можно представить, насколько много мелких конфликтов возникает в среде бритоголовых из-за индивидуальных особенностей внешнего вида скинов. Можно упомянуть, например, об убийстве группировкой «Mad Crowd» своего члена на основании того, что он еврей²⁵. Впрочем, стоит признать, что в среде скинхедов-наци всегда было много людей с «недостаточно славянской» внешностью. Так, нам встречались татары, армяне, грузины, таджики, обладающие более или менее европейской внешностью и желающие потратить свое время и силы отстаиванию прав «белого человека». В этом случае их обычно признавали за «белых» и даже защищали от излишних претензий со стороны сторонников «расовой чистоты». Национальная принадлежность ряда иных коренных народностей России – мордвин, удмуртов, чувашей, карел даже не обсуждалась.

3. Связь с представителями антагонистов. Так, известен случай, когда скинхед вступил в конфликт со своей группой из-за того, что собрался жениться на девушке, бабушка которой был евреем. Группа выставила претензии за то, что бритоголовый «поменял белую расу на п...», но тот предпочел остаться с девушкой и отошел от движения.

4. Излишне интеллигентный вид. Установка на имидж «белого воина» делает подозрительным излишне сублильного скинхеда, имеющего интеллигентный вид. Согласно этническому стереотипу может возникнуть мнение, что такой бритоголовый – еврей.

5. Существует довольно много мелких деталей, соответствие которым позволяет идентифицировать бритоголового как «своего».

Например, значительно повышает статус бритоголового наличие у него татуировки, содержащей символику движения. Татуировку свести нельзя, так что сделавший ее как бы заявляет о серьезности своих намерений. Оперативник, внедренный в ряды бритоголовых, вряд ли пойдет на нанесение татуировки.

Проверкой на лояльность может быть приглашение совместно сфотографироваться на фоне нацистской символики (свастики, горящего креста, с «Майн Кампф» в руках)²⁶. Отказаться нельзя, поскольку сразу возникает подозрение, что отказавшийся опасается за свою репутацию, боится, что его фото могут использовать как компромат. Нам известен случай, когда человека, пытавшегося отойти от движения, удержали в его рядах, апеллируя к многочисленным компрометирующим фотографиям, на которых он изображен.

Вызвать подозрение может даже тот простой факт, что скинхед в компании соратников пьет меньше, чем остальные (особенно при наличии повода – праздника, попойки после удачно проведенной акции).

12. Музыка

Музыка скинхедов привлекла множество подростков и юношей на скин-концерты, где они получали прививку идеологии бритоголовых (и праворадикальной идеологии) через тексты песен, плакаты, лозунги и бесплатно распространяемые листовки. Даже если в дальнейшем они и не становились бритоголовыми или неонацистами, то привыкали к наличию агрессивной радикальной пропаганды нацизма, расизма и ксенофобии. Кроме того, у многих из них формировалось благожелательное или терпимое отношение и к таким концертам, и к самим праворадикалам как к воспоминанию молодости.

Грубая, жесткая, примитивная, агрессивная музыка выступала своеобразным отборочным ситом. И постоянно ходить на концерты, слушать эту музыку, а следовательно, и воспринимать идеологию соглашались именно те люди, которым она действительно нравилась. Из мешанины людей, присутствующих на концертах, постепенно образовывался прочный слой поклонников скин-культуры, скин-стиля.

На концертах бритоголовые не только слушали песни, но и завязывали дружеские контакты, вели вербовку, распространяли идеологию. На этих концертах происходили сплочивание и радикализация разнородных групп молодежи, первоначально приходивших на скин-концерты только из любопытства.

Выбор музыкальной стилистики укладывается в общую тенденцию конструирования маскулинности скинхедами. Можно проследить закономерность: современные музыкальные стили, предполагающие жесткое звучание, агрессивность исполнения (*heavy metal*, *hardcore*), привлекают преимущественно юношей, в то время как девушки отдают предпочтение музыкальным стилям с развитой мелодической составляющей.

13. Пространство субкультуры

Как и «обычные» уличные пацаны, скинхеды, проживающие в одном районе, выбирают для коммуникации два-три излюбленных места. Это может быть автобусная остановка, скамейка в сквере, веранда детского сада и т.д. Предпочтение отдается местам укромным, где нет лишних глаз. Возможны сборы на квартире у кого-то из скинов – тех, чьи родители не возражают против этого или просто об этом не знают.

В качестве примера создания места для общения можно привести известный нам случай, когда компания скинов собиралась в вагончике на заброшенной стройке. Вагончик был утеплен, оборудован (например, туалет был устроен отдельно), в нем имелось всё необходимое для отдыха, включая магнитофон и гитару. В отсутствие скинов за вагончиком, не входя в него, присматривал «специально приглашенный» бомж, которого скины подкармливали.

Популярны места, связанные с занятиями спортом – например, спортивные площадки, оборудованные для отдыха и спорта подвалы.

Подвал-качалка как место повседневного времяпровождения – объект, типичный для пацанских компаний. В случае скинхедов он оборудовался не только спортивным снаряжением, но и ультраправой символикой – плакатами, флагами. Одна из известных нам скинхедских качалок была представлена как пункт охраны общественного порядка. Во дворе дома, где она была оборудована, не то, что не сорили, но даже убирались – подметали тротуары и мыли подъезды. Авторитетные члены группы за этим присматривали, угрожая физическим наказанием тем, кто отлынивал от работ; несколько человек даже вышло из группировки из-за того, что не хотели «махать тряпками». Несмотря на то, что рядом находилось общежитие, заселенное «цветными» иностранцами, бить кого-либо в округе запрещалось, для

проведения силовых акций уходили далеко за пределы микрорайона.

Надо сказать, что общим является правило не проводить акций вблизи своего места жительства. Даже в 1990-х годах, при общем попустительстве со стороны милиции, патрулирование бритоголовыми своего района²⁷ не предполагало серьезных драк – «попавшего под разборку» могли избить, но не причиняя серьезных повреждений. Понимали, что преступление, совершенное в районе, где тебя знают, будет легко раскрыто. Имея установку на относительно мирное поведение, на патрулирование брали младших по возрасту, девушек, случайных людей. Более серьезные же силовые акции (как, например, нападение на лагерь среднеазиатских цыган в Подмоскowie) осуществлялись далеко от места проживания. Они держались в тайне, приглашались только испытанные бойцы. К выездным акциям серьезно готовились, так, если во время патрулирования не отказывали себе в пиве, то на выезде обычно был запрет на любой алкоголь.

В общемосковском масштабе в различное время были известны следующие места коммуникации.

1. Площадка перед музеем В.И. Ленина (на сленге ультраправых националистов – «у Бланка»). Место продажи оппозиционной литературы, в том числе ультраправой; сюда заходила наиболее интеллектуальная часть бритоголовых.

2. Старый Арбат. Традиционное место тусовок московских неформалов; скинхедам здесь можно было и прогуляться, и затеять драку.

3. ДК Горбунова («Горбушка»). На существовавшем здесь рынке были лотки со скинхедской атрибутикой, аудио- и видеопродукцией.

4. Территория около Университета дружбы народов (близ метро Юго-Западная). Рядом с данным вузом, в котором учится много иностранцев, можно затеять драку с «расово чуждым элементом».

5. «Сходненский ковш» – метеоритный кратер в парке близ Тушино (здесь собирались бритоголовые с Северо-запада Москвы).

В настоящее время постоянных мест общегородских тусовок нет.

На протяжении последних десяти лет развития субкультуры большое значение придавалось коммуникации через Интернет.

Традиционными местами коммуникации бритоголовых являются концерты музыкальных групп, относящихся к субкультуре. На такие концерты ходят «при параде»; это правило продолжало действовать даже в те времена, когда ходить в скинхедской одежде по улице стало небезопасно и бритоголовые перешли на обычную одежду. Весьма распространенные раньше, сейчас концерты проходят исключительно в закрытом формате, случайному человеку на них попасть затруднительно.

14. Гомофобия

Одним из важных элементов конструирования брутальной маскулинности скинхедов-наци является их подчеркнутая гомофобия. В отличие от Запада, где направление гейскинов (Gay Skinhead Movement) развито сильно, в России оно не прижилось, а если и существует, то лишь как крайне небольшая тусовка внутри гей-сообщества. Скинхеды-наци к геям относятся крайне неприязненно. Так, ультра-правые принимают активное участие в выступлениях против гейпарадов, попытки проведения которых предпринимаются в Москве начиная с 2006 года.

Московская ультраправая среда никак не соответствует мнению о скрытом гомосексуализме, высказывавшемся в одном из научных изданий касаясь санкт-петербургской среды. Есть мнение, что информация о распространенности гомосексуализма среди наци является вбросом дезин-

формации со стороны спецслужб, милиции и антифа с целью скомпрометировать движение.

15. «Бритоголовые москвички»

Скин-движение включает в себя почти исключительно юношей. Грубость, постоянная демонстрация агрессии, питейные практики – всё это мало прельщает девушек.

При включении в субкультуру скинов девушки вынуждены встраиваться в «мужской мир», это предполагает либо принятие женских ролей, приемлемых для уже сложившейся картины «мужского мира», либо копирование мужского стиля поведения.

Личные подруги. В компаниях скинхедов можно встретить девушек, которые являются личными подругами бритоголовых. Часто это девушки не относятся к субкультуре и довольно равнодушны к ее идеологии. Визит в скинхедскую компанию для них – это визит в компанию друзей своего молодого человека, а интерес к скинхед-движению продиктован во многом желанием разделить интересы молодого человека. При разрыве личных связей такая девушка не остается в движении, хотя частичное разделение идей бритоголовых может сохраниться на длительный период времени.

Данная стратегия включения в сообщество бритоголовых – «женская»: девушка встраивается в мужской мир, не выходя за рамки традиционной гендерной композиции. Личные отношения со временем могут перерасти в брак. При взаимном согласии с условиями «гендерного договора» такой брак может оказаться гармоничным и крепким. Достаточно многие скины настроены на семейные ценности (официальный брак, мужчина – защитник и кормилец, много детей), это укладывается в идеологическую концепцию скин-движения, предполагающую ориентацию на традиционные ценности.

Скин-гёльз. В отличие от «подруг», девушки-скинхедки претендуют на роль «боевых товарищей». Они стремятся

участвовать в уличных акциях, в том числе экстремальных. Известны случаи привлечения девушек к суду по обвинению в убийствах в составе группы.

Если «подруги» следуют «женской» стратегии участия в группе, то данная категория скорее стремится копировать мужские стереотипы поведения. Соответственно, в отличие от женственных «подруг», скин-гёلز часто мужиковаты – ведут себя грубо, много пьют и курят, склонны к агрессивности.

Скинхедка, гармонично совмещающая в себе женственность и воинскую доблесть, это скорее идеальный образ:

Женская ненависть, белая кровь,
Ну а в душе у нее лишь любовь.
Во всех боях прошла за мной
За честь, за кровь, за дом родной²⁸.

Сохранить автономию в среде бритоголовых девушке затруднительно. Залогом ее успешного существования в субкультуре может быть, опять же, личная дружба с парнем-скинхедом. Одинокая девушка, вступившая в данный круг, рискует виктимизироваться и стать общедоступной.

На основе сказанного, вслед за нашими информантами, в молодежной ультраправой среде можно выделить три типажа:

1) подруга одного из участников (в том числе посторонние девушки, пришедшие в среду скинов за компанию с парнями);

2) «девочка-мальчик» – скин-гёл, копирующая мужские стандарты поведения;

3) «доступная» скин-гёл, имеющая большое количество сексуальных связей внутри сообщества²⁹.

Попытка выйти за рамки данной классификации и стремление к копированию мужского хотя и крайне редко, но приводят к попыткам созданию чисто женских команд. Так, одна из основательниц команды «Русские девушки» моти-

вирует объясняет создание группировки желанием «быть на равных» с парнями:

«У многих может возникнуть вопрос: “Зачем организовывать свою бригаду, если есть ребята, которые уже организовались? Ведь можно тусоваться и общаться с ними и, наконец, быть с ними на равных”. Однако такой вопрос возникает только у тех, кто не знает, как наши ребята относятся к девчонкам. К нашей радости, есть парни, с которыми можно просто разговаривать, шутить, спрашивать совета. Большое им за это спасибо. Но, к сожалению, основная часть ребят ущемляют нас, абсолютно не прислушиваются к нашему мнению, пристают с пошлыми шутками, считают нас куском мяса, которым можно пользоваться, когда проснутся звериные инстинкты. Но что самое обидное, они считают такое поведение нормой. “Всё и всегда буду решать на том простом основании, что я мужчина”. И нам чаще всего приходится с этим мириться, так как мы – девушки оказываемся в меньшинстве.

Именно поэтому мы решили объединиться в единое целое, в “РД”. Ведь только сплоченность поможет нам отстаивать свои права, добиваться уважения и равноправия. Только сплотившись, мы можем с гордо поднятой головой бороться за свои интересы, за свою цель, при этом не опасаясь того, что кто-то из ребят просто подойдет и оттолкнет тебя в сторону, не опасаясь, что тебя как маленькую девочку “отшлепают по попке и поставят в угол”»³⁰.

Однако в мужском мире «белой борьбы» независимым скин-гёльз быть трудно – как оказалось, данная группировка находится под покровительством мужской команды (тех парней, «с которыми можно просто разговаривать, спрашивать совета»). При встрече с участницами группы их «прикрывало» несколько взрослых и физически развитых бритоголовых³¹.

Впрочем, даже когда девушка заинтересована в «белой борьбе» и участвует в движении на правах подруги, мужское сообщество может отторгать ее «по определению»; ее присутствие в мужских рядах не идет на пользу общему делу, а только стимулирует ссоры между мужчинами:

«Я все таки считаю что лучшая роль женщины в правом движении – это сидеть дома, готовить вкусный обед и воспитывать детей. И поддерживать то что говорит муж. А вот все эти темы когда женщина (особенно молодая девушка) становится ответственной соратницей – неправильно это.

И ведет к срачу»³².

16. «Женщин мало интересует борьба...»

Распространено мнение, что скинхеды-наци – сексисты, считают девушек существами второго сорта, выступают против равноправия мужчин и женщин.

В реальности это утверждение справедливо только отчасти. Насколько мы можем судить, примерно половина скин-новских компаний действительно находится на позициях неравенства полов, но в другой половине девушки воспринимаются как равные.

Участники скин-группировок – люди молодые, они заинтересованы в общении с девушками и «идеальная» для субкультуры гендерная норма легко корректируется для того, чтобы привлечь к общению девушек³³.

Кроме того, надо учитывать, что сексизм бритоголовых во многом детерминирован основной ценностью движения – идеей «белой борьбы». В поисках информации, подтверждающей положение о сексизме скин-нов, прежде всего попадают на глаза суждения о непонимании и неприятии девушками идеологии борьбы с инородцами. И о природной «глупости» девушек говорится именно в связи с тем, что они не разделяют идей «белого сопротивления»³⁴.

Наряду с мыслью об идеологической некомпетентности женщин, сквозной в скиновском дискурсе является тема *ревности по отношению к белым девушкам, отдающим предпочтение инородцам*, соперничества с инородцами за девушек. У молодых мужчин вызывает крайнее возмущение тот факт, что «черные забирают себе (...) самых красивых девушек»³⁵, тем, что белые женщины отдаются «нерусским», выходят за них замуж и рожают «ублюдков».

Проблема непонимания девушками идей и ценностей «белого сопротивления» волнует и «гопников», и «интеллектуалов». Приведем два высказывания из интернет-блогов, их авторы явно различаются по умению выражать мысли, но говорят они об одном и том же:

«Как вы думаете почему белые девушки часто отдают предпачтение хачам? почему они не понимают сути нашей борьбы с чурками? они глупые или какая-то другая причина?»³⁶

«В фильме “Ромпер-стомпер”, лидер кучки скинхедов, валяясь на кровати со своей подругой, держит в руках “Майн кампф” и объясняет ей, что Гитлер – это наш вождь: он написал в своей книге, что мы должны мочить нигеров и узкоглазых, а подружка в ответ лишь “тупо улыбается”. (...)

Грубо суясь со своей пропагандой, мы рискуем в глазах женщины выглядеть банальными занудами. Вот в чём наша мужская беда: мы всегда бросаемся в крайности, боясь даже на время пойти на незначительный компромисс, считая это проявлением слабости. В нас женщины должны в первую очередь видеть мужчин, а не “бойцов”. (...)

В отличие от нас, “хладнокровных северных воинов”, женщин мало интересует борьба, они жаждут ласки, тепла и уюта (и вовсе не в материальном смысле значения этих слов, хотя и это не помешало бы). Поэтому они легко попадают на удочку хитрых инородцев, которые ловко

могут подменить в сознании женщины одни ценности другими – сходными, но другими. (...)

Да, добиться настоящей любви женщины иной раз трудно и долго. Но это отличный способ доказать себе и всем, что ты мужчина, что не боишься трудностей и ответственности. Взрасти в себе настоящего Белого Человека, Белого мужчину.

У белого “бойца” нет времени, чтобы заниматься этой чепухой? Избавив нас от этой “чепухи”, наши враги разрушили наш уклад, наши семьи, наш народ, наше уважение к женщинам и их уважение к нам. Избавляясь от ненужной “чепухи”, мы принимаем их правила игры. А это – путь к поражению»³⁷.

Во второй цитате заметно, как категории, связанные, казалось бы, исключительно со сферой интимного, перекодируются, согласно идеологической установке NS-движения, в категории расовой борьбы. Белому мужчине предписывается благородство по отношению к женщине; похоть без любви объявляется изобретением «врагов», «хитрых инородцев».

Тема непонимания женщинами «белой борьбы» возникает и в художественных произведениях, касающихся скин-движения; так, когда герой фильма «Russia 88»³⁸ просит свою сестру произнести в объектив камеры «Слава России!», та со смехом говорит: «Слава Зайцев!».

Не случайно в «Азбуке бритоголовых» предписывается с особой строгостью пресекать контакты мужчин-инородцев с русскими девушками:

«Если “не русский” (особенно негр, азиат или кавказец) идет с белой русской девушкой бритоголовый обязан напасть на него при малейшей возможности и жестоко избить»³⁹.

А в романе Д. Нестерова «Скины» с явным удовольствием описывается садистское избиение негра и его белой бере-

менной жены, причем делается упор на то, что наказание женщины особенно важно, ее избивают значительно жестче, чем негра, поскольку «сошлась с самцом из другой стаи»⁴⁰.

17. Скинхеды и уличные пацанские группировки

Сравнение российских скинхедов-наци 1990–2000-х годов с традиционными для СССР и постсоветского пространства уличными пацанскими группировками⁴¹ позволяет выявить и сходства, и различия.

Рассматривая два типа бритоголовых – «гопников» и «интеллектуалов» – мы видим два варианта трансформации традиций уличных группировок. Постепенный переход от преобладания в движении «гопников» к преобладанию «интеллектуалов» обусловлен, помимо прочего, общей тенденцией уменьшения количества молодежных сообществ, созданных по территориальному принципу, и увеличения количества идеоцентрических сообществ (сформированных вокруг какой-нибудь идеи, символа, совместной деятельности)⁴². При общем уменьшении количества территориальных группировок, во второй половине 1990-х получил широкое развитие Интернет, давший принципиально новые возможности коммуникации. Всё в совокупности привело к тому, что после увеличения давления на бритоголовых и общего снижения их численности к 2000 году движение возродилось уже в новом виде – с упором на идеоцентрические компании «интеллектуалов».

«Гопнические» команды скинхедов-наци, как и следует из данного им нами названия, близки к «гопникам» – наиболее агрессивной части уличной пацанской среды. Это территориальные группы, которые приняли новую для себя идеологическую концепцию «белой борьбы». Новая идеология окрасила привычные для них формы деятельности – «охрана» собственной территории стала восприниматься как патрулирование с целью выявления инородцев, грабеж приоб-

рел черты взимания налога за право находиться на «белой» территории и т.д.

И пацанов, и скинхедов объединяет интерес к спорту; но различаются обоснования этого интереса – пацаны декларируют достижение через спорт образа «настоящего мужика», а скины рассматривают его как необходимость для наиболее эффективного продолжения «белой борьбы» – настоящий воин должен быть сильным.

Типичный для пацанской среды «моральный кодекс» обычно предполагает отношения взаимопомощи между своими, обязательность участия в конфликтах, систему ограничений на насилие. С учетом корректирующей «белой идеи» эти же правила сохранились и в среде скинхедов-наци – им вменяется взаимопомощь, обязательность «белой борьбы», ограничения на насилие против «белых». Причем эти правила в большей степени выражены в среде «интеллектуалов» начала 2000-х годов.

В «моральном кодексе» скинхедов отсутствуют типичные для уличной среды запреты нападения на женщин и младших по возрасту. Впрочем, на «неидеологическом» уровне эти запреты продолжают действовать, если судить по тому, что в милицейских сводках преобладают сообщения именно о нападениях на молодых мужчин-инородцев, а нападения на женщин и детей сравнительно редки и воспринимаются как особо вопиющие события (как, например, убийство в Санкт-Петербурге в 2004 году Хуршеды Солтоновой).

У скинхедов-наци своя стратегия проведения драки. Крайне редко встречается восприятие драки как соревновательного действия; нормой стало нападение на значительно меньшего по численности противника. Практически исчезли заранее условленные групповые драки «стенка на стенку». Исчезла бытующая в пацанской среде установка на артистичность нападения и «разводки» жертв – основной целью нападения для скинов является нанесение физического ущерба противнику (причем при общем снижении числен-

ности ультраправых установка на максимальное нанесение ущерба повышается).

Сексизм в среде скинхедов-наци выше, чем в среднем в пацанской среде. Он соответствует уровню «жестких» группировок с криминальным уклоном. Опять же, на характер сексизма влияет «белая идея» – чаще всего уничижительные суждения о девушках связаны с их равнодушием к «белой борьбе».

Пространство группировок бритоголовых, организованных по территориальному принципу, строится так же, как и в традиционной для города уличной среде; групповая коммуникация осуществляется внутри районов – в подвалах, специально оборудованных вагончиках, а в теплое время года – просто на улице. Предпочтение отдается укромным местам, скрытым от взглядов посторонних. В то же время постепенно теряется характерная для пацанских компаний традиция охраны территории; вернее, она сохраняется для не слишком криминальных действий, но более серьезные акции в целях собственной неуязвимости перед законом выносятся за пределы территории.

У скинхедов-наци значительно более разработана система субкультурных символов, что типично для идеоцентрических сообществ: у них есть дресс-код, графическая символика, субкультурная музыка и т.д.

Как и в пацанской среде, конструирование маскулинности предполагает определенное щегольство, аккуратность в одежде. У скинов это, опять же, предполагает идеологическую мотивацию: неопрятность приписывается врагам – инородцам, бомжам, неформалам.

При конструировании дресс-кода и там, и там наблюдается интерес к военной одежде, к одежде, удобной для драки (что обусловлено, в частности, введением в дресс-код скрытого оружия – цепей, тяжелых пряжек и др.).

И члены уличных пацанских группировок, и скинхеды-наци ориентируются на следование сходным канонам мас-

кулинности. Идеалом для них является brutальный мужчина – сильный, мужественный, агрессивный, умеющий контролировать свое поведение; в случае скинхедов этот образ идеологизирован, сводится к представлению об идеальном «белом воине».

18. Скинхеды и любера

Часто высказывается мнение, что современные скинхеды-наци типологически близки советским люберам, «прогремевшим» во второй половине 1980-х годов. Рассмотрим, насколько сходны эти субкультуры в действительности.

Напомним, что движение люберов возникло в первой половине 1980-х годов в подмосковных Люберцах, в среде уличной молодежи⁴³. Наиболее яркими чертами данного сообщества были интерес к атлетическим видам спорта и систематические поездки в Москву для проведения досуга. Постепенно развилась и третья, идеологическая черта – любера взялись за борьбу с неформалами, якобы позорящими советский образ жизни. В 1987–1988 годах, когда произошел скачкообразный рост движения, его идеологическая составляющая стала особенно заметной, а для большинства неофитов – преобладающей.

Сопоставляя люберов со скинхедами, интересно провести два сравнения – с традиционными скинхедами 1960-х годов и с современными российскими скинхедами-наци.

Великобритания, 1960-е. Первые скины (так называемые *трады*, или традиционные скины) действительно были типологически близки люберами (особенно до трансформации этой субкультуры в 1987 году).

1. Скинхеды были выходцами из рабочих кварталов. Также и в Люберцах, по нашим наблюдениям, большинство участников уличных компаний были выходцами из семей рабочих.

2. Вплоть до 1980-х годов идеология скинхедов не имела националистической направленности, в их ряды входила

«цветная» молодежь, в ходу были ямайские музыкальные стили. Большинство бывших люберов также отрицают национальную неприязнь. Были случаи драк с нерусскими (например, с рабочими-армянами, жившими в общежитии одного из заводов), но это были скорее частные случаи традиционных драк, а не конфликты на национальной почве.

3. В целом деятельность скинхедов имела досуговый характер – они были простыми рабочими парнями, любящими пиво, футбол и драки. То же (с некоторыми оговорками) можно сказать и о люберах; по нашим подсчетам, в начале-середине 1980-х только треть из них «заморачивалась» идеологией.

4. Дресс-код скинхедов предполагал удобство в драке. То же у люберов – летом спортивная одежда и обувь, зимой – телогрейки, широкие штаны.

Разница между данными субкультурами – в выборе врагов. Английские скины выбирали их согласно классовой неприязни; в бесклассовом советском обществе почвой для конфликта стала детально разработанная советская идеология.

Английские скинхеды-трады и отечественные любера – пример того, как в различных культурно-исторических ситуациях без всякого взаимного влияния, но при совпадении определенных социальных факторов могут возникнуть сходные субкультуры.

Российские скинхеды-наци, 1990–2000-е годы. При сопоставлении скинхедов-наци и люберов сразу нужно сделать оговорку: оказавшись в одном и том же историческом времени, эти две группы стали бы непримиримыми врагами. Если любер, попав в среду наци, возможно, был бы принят за своего, то наци, чудом оказавшийся в люберской среде 1987-го года, был бы подвергнут люберами жесткой обструкции как носитель чуждой фашистской идеологии.

Но у каждого времени своя логика, и поэтому корректно провести сопоставление на уровне типологического анализа. Общей чертой и для люберов (особенно их поздней генера-

ции), и для скинхедов-наци является настрой на борьбу с неким антагонистом. Если бы субкультура люберов не сошла на нет еще в конце 1980-х, к середине 1990-х, с появлением новых социальных процессов, она, как нам кажется, во многом стала бы националистической. Как аполитичные традиционные скинхеды породили в своей среде скинхедов-наци, так и любера вполне могли бы со временем сформировать в своей среде националистическое направление.

Отличие двух субкультур, на которое указывают бывшие любера, состоит в различии проведении драк. Для люберов драка была важна как состязательный акт; считалось постыдным выступать против заведомо слабого противника, победа должна была быть честной, силы сторон примерно равными. Для скинхедов-наци такой принцип неактуален: «партизанская война» имеет целью нанесение противнику ущерба любой ценой, установка на честность боя нетипична.

* * *

Подводя итоги статьи, отметим следующее.

В движении скинхедов-наци происходит конструирование маскулинного образца, который можно было бы обозначить как «белый воин». Этот образец предполагает:

- участие в «белой борьбе» (см. пар. 6);
- отношения товарищества с соратниками (пар. 7, 11), причем сообщество «белых воинов» противопоставляет себя не только врагам-инородцам, но и многим «своим» – «белым людям»;
- занятия спортом при декларировании отказа от вредных привычек (что, впрочем, не исключает попоек в среде «белых воинов») (пар. 8);
- создание брутального маскулинного образа через внешний вид (пар. 6);
- апелляция к маскулинным образцам прошлого (пар. 9);
- подчеркнуто агрессивное поведение (особенно у скинов младшего возраста), в некоторых случаях совмещенное с

подчеркнутым контролем агрессивности (часто проявляется у старших скинов) (пар. 10);

– сексизм (пар. 15–16);

– агрессивная музыка (пар. 12);

– гомофобия (пар. 14) и неприязнь к опустившимся маргиналам (бомжам, наркоманам) (пар. 8).

В целом стратегии конструирования маскулинности у скинхедов-наци совпадают с аналогичными стратегиями в традиционных для России и других стран бывшего СССР уличных пацанских группировках (пар. 17–18). Отличия обусловлены прежде всего наличием идеологической концепции, через призму которой преломляются обычные реалии уличной жизни: занятия спортом мотивируются как способ подготовки «белого война»; в качестве «своих» воспринимаются не члены своей группировки, а участники «белой борьбы».

Примечания

- ¹ Другие варианты самоназваний: бритоголовые (рус. калька с англ. *skinhead* – «кожаная голова»); бонхеды, или боны (англ. *boneheads* – «костяные головы»), НС-скинхеды, или просто НС, NS (НС – национал-социализм).
- ² Обзор см.: Шнирельман В.А. Чистильщики московских улиц: скинхеды, СМИ и общественное мнение. М., 2007.
- ³ Тарасов А.Н. Порождение реформ: бритоголовые, они же скинхеды. Новая фашистская молодежная субкультура в России // Свободная мысль – XXI. 2000. № 4–5; Лихачев В.А. Нацизм в России. М., 2002; Костерина И.В. Конструкты маскулинности в молодежных право-экстремистских сообществах // Материалы Интернет-конференции «Мужская повседневность: труд, досуг, духовная жизнь». 2007. <http://www.mujskoe.lodya.ru> и др.
- ⁴ См.: Беликов С.В. Бритоголовые: всё о скинхедах. Эксклюзивные материалы. М., 2002 (переработанное переиздание: Беликов С.В. Скинхеды в России. М., 2005); Беликов С.В. Бритоголовые // Молодежные субкультуры Москвы. М., 2009. С. 224–252.
- ⁵ См. напр.: Как мы начинали // Под ноль. Вып. 3. [1996]. С. 3.
- ⁶ Невелев Д. Внимание: бритоголовые, погружение в мир воинствующих маргиналов // Огонек. 1995. № 19. С. 31.

- ⁷ Бавин П.С. Социальная география ксенофобии и толерантности // Политические исследования. 2006. № 6. С. 52.
- ⁸ Шнирельман В.А. Чистильщики московских улиц... С. 16.
- ⁹ Аминов Д.И., Оганян Р.Э. Молодежный экстремизм. М., 2005. С. 65.
- ¹⁰ Московское отделение hammerskin nation. Информационный вестник № 2. [Ок. 1998 г.]. С. 2.
- ¹¹ Азбука Славянских Бритоголовых / Изд. 7. М., 2002. (Далее – Азбука). Вступл.
- ¹² Азбука. Выводы части 1.
- ¹³ Азбука. Парагр. 5.1.
- ¹⁴ Азбука. Парагр. 5.1.
- ¹⁵ Азбука. Парагр. 5.3.
- ¹⁶ В одном из изданий приводится другая оценка: по результатам опроса футбольных фанатов и скинхедов, совершивших насильственные преступления, «более 30% осужденных воспитывались в неполных семьях, одной матерью или матерью и отчимом» (Аминов Д.И., Оганян Р.Э. Молодежный экстремизм в России. М., 2007. С. 67). В то же время «по данным Министерства труда и социального развития, каждый 7-й ребенок до 18 лет в России воспитывается в неполной семье» (http://statistika.ru/naselen/2007/11/24/naselen_9363.html).
- ¹⁷ Азбука. Парагр. 8.1.
- ¹⁸ Азбука. Парагр. 2.5.
- ¹⁹ Так, Тесак, один из наиболее известных в 2003–2008 годах российских бритоголовых, не только не пил спиртного и не курил, но и боролся с этими привычками в среде соратников.
- ²⁰ Пример такого «мировоззрения» приводится в интервью в одной из статей А.Н. Тарасова. См.: Тарасов А.Н. Порождение реформ: бритоголовые, они же скинхеды. Новая фашистская молодежная субкультура в России // Свободная мысль – XXI. 2000. № 4–5. См.: <http://www.screen.ru/Tarasov>.
- ²¹ Нами изучены подшивки журналов «Под ноль», «Отвертка», «Стоп», «Дело № 88», «Уличный боец», «Русская воля», «Сполохи», «Гнев Перуна», «Белый порядок», «Русская воля», «Белое сопротивление», «International skinhead bulletin», «Атака», «Наш взгляд», «Реванш», «Европеец», информационного вестника московского отделения hammerskin nation.
- ²² Впрочем, надо признать, что высокий уровень предвзятости в освещении исторических событий присущ подавляющему большинству изданий, представляющих политические направления России.

- ²³ Как, например, представленный в газете «Память» (1999. № 1) текст «Генерального соглашения между НКВД и гестапо». См.: Дюков А. «The Soviet story»: механизм лжи. М., 2008. С. 13–18.
- ²⁴ Азбука. Парарп. 7.
- ²⁵ См.: *Stogoff И.* Skinheads: История одной банды. СПб., 2008.
- ²⁶ Узнаваемая картина скинхедской вечеринки описана в исследовательском дневнике О. Доброштан; скины во время вечеринки не только сами с удовольствием «выступали на камеру», но и подключили к этому постороннего человека – исследовательницу-социолога: «Периодически включали камеру, орали скинхедовские песни. Кричали “Хайль”. Пили тосты за Россию. Фотографировались. Читали перед камерой 14 заветных слов скинхедов». *Доброштан О.* По тундре, по железной дороге... // Нормальная молодежь: пиво, тусовка, наркотики / Под ред. Е. Омельченко. Ульяновск, 2005. Ч. 2. С. 94.
- ²⁷ Отмечаем на примере группировки, описанной в параграфе 3.
- ²⁸ Из песни «Бритоголовые москвички» группы «Шмели».
- ²⁹ Подобный набор типажей мы встречали и в некоторых других молодежных субкультурах, построенных по принципу мужских сообществ.
- ³⁰ Skinhead Girl // Белое сопротивление. Вестник праворадикальной молодежи. [ок. 1998 г.]. С. 14.
- ³¹ Как нам кажется, организация девичьих группировок под покровительством группировок мужских – это типичное явление. Например, в документальном фильме «The Real Football Factories International (Russia)» (2007) можно увидеть хрупкую девушку, руководительницу одной из женских фанатских группировок Москвы; поясняется, что ее муж – авторитетный участник фанатского движения.
- ³² Зап. в ЖЖ. 2007 г.
- ³³ «Они ж женихи-то не видные», – добавил один из наших информантов, участник ультраправого движения.
- ³⁴ Этому мнению противоречат данные исследования 2009 года, согласно которому количество юношей и девушек, негативно настроенных по отношению к мигрантам, примерно одинаково. См.: *Чупров В.И., Зубок Ю.А.* Молодежный экстремизм: сущность, формы проявления, тенденции. М., 2009. С. 66.
- ³⁵ Азбука. Выводы.
- ³⁶ http://wthgt_m.livejournal.com/15686.html. Зап. 23.08.2006.
- ³⁷ <http://massya1488.livejournal.com/12783.html>. Зап. 03.01.2007.

- ³⁸ Russia 88 (реж. П. Бардин, 2009).
- ³⁹ Азбука. Парагр. 4.2.
- ⁴⁰ *Нестеров Д.* Скинны: Русь пробуждается. М., 2004. С. 110.
- ⁴¹ О том, что именно мы понимаем под уличными пацанскими группировками – см. вступительную статью данного сборника.
- ⁴² См.: *Головин В.В., Лурье М.Л.* Идеологические и территориальные сообщества молодежи: мегаполис, провинциальный город, село // *Этнографическое обозрение.* 2008. № 1. С. 56–69.
- ⁴³ См.: *Громов Д.В.* Люберецкие уличные молодежные компании 1980-х годов: субкультура на перепутье истории // *Этнографическое обозрение.* 2006. № 4. С. 23–38; *Громов Д.В.* Любера: как становились пацанами // *Теория моды. Одежда. Тело. Культура.* Вып. 10. М., 2009. С. 177–200.

Часть 2
Рабочие, вспомогательные и полевые
материалы

ОПРОСНИК
для исследования молодежных
уличных группировок

При ответах на вопросы рекомендуется приводить как можно больше примеров.

1. Общие сведения.

Входите ли Вы (или входили¹) лично в какую-либо из уличных группировок? Или знаете о них понаслышке, хорошо знакомы с их участниками и т.д.?

Какие уличные группы есть в Вашем городе (поселке...)? Перечислите².

Эти группировки организуются по территориальному принципу?

Есть ли группировки, организованные не по территориальному принципу (не по месту жительства)?

Какова численность Вашей группы? Какова численность других групп?

Каков возраст участников групп?

Каковы самоназвания групп?

Было ли самоназвание?

Каков социальный состав пацанов (из каких они семей, чем занимаются).

Есть ли какая-то закономерность: в каких домах образуются группировки?

Было ли у участников группировок какое-либо самоназвание, например, «пацаны»?

2. Локализация и повседневность группы.

Согласны ли Вы с утверждением, что молодежные уличные группы формируются постепенно, из детских дворовых компаний? Если да, расскажите вкратце случаи из Вашего детства, показывающие, как сплачивались такие группы³.

Много ли времени занимает участие в жизни группы (в день, в неделю)?

Много ли участники группы занимаются спортом?

Употребляли ли участники группы алкоголь? Как часто и как много? Каким напиткам отдавалось предпочтение? Каковы типичные ситуации употребления алкоголя?

Употребляли ли участники группы наркотики? Если да, то как часто и как много? Каким наркотикам отдавалось предпочтение? Где и как их доставали? Каковы типичные ситуации употребления наркотиков?

Есть ли у группы территория, которую она считает «своей»? Если да, то действует ли запрет на прохождение через эту территорию посторонних?

Где участники группы собираются, общаются? (Что является местом групповой коммуникации?)

Были ли у группы качалки? Если да – подробнее о качалках.

Справедливо ли утверждение: «Во дворе, где находится качалка или какое-либо другое постоянное место сбора, не мусорят, не шумят, к жителям не пристают»?

Где происходит общение с молодежью из других группировок? (Что является местом межгрупповой коммуникации?)

Есть ли понятие «дежурств» (участники группы по расписанию находятся на определенных точках своей территории, присматривая за порядком). Если есть, то каковы обязанности дежурных?

Есть ли общие для членов группы предпочтения в музыке? Любимые песни (возможно, воспринимавшиеся как гимны)?

Есть ли песни собственного сочинения? Исполняются ли они под гитару? Если да, то в каких условиях?

3. Структура группы.

Состоит ли Ваша группа из пацанов одного возраста?

Есть ли в группе младшие и старшие? Это определяется по возрасту или по каким-то другим причинам?

Есть ли специальные слова и выражения, обозначающие разные статусы участников группы? Есть ли слова и выражения, обозначающие «уважаемого» члена группы (например, «реальный пацан»)?

Приходят ли в группу молодые? Или они организуют свои группы согласно возрасту?

Есть ли правила вступления в группу новичка? Бывает ли такое, что новички приходят со стороны? Или это только местный молодежь?

Есть ли в группе лидер?

Благодаря каким качествам становятся лидером? Перечислите в порядке убывания, какие качества важны для лидера:

- физическая сила и ловкость,
- умение разрешать конфликты,
- справедливость,
- деловая хватка,
- связь с криминалом,
- агрессивность,
- другое

Справедливо ли, по-вашему, утверждение «Каков лидер – такова и группа».

4. Криминал.

Занималась ли Ваша группа какой-либо криминальной деятельностью? А другие группы?

Была ли связь с криминальным миром?

Связаны ли с криминалом лидеры группировок? Сидели ли они?

Была ли «вербовка» членов группы в «серьезный» криминал? Можно ли сказать, что участие в группе является «ступенькой» во взрослый криминал?

Собираются ли у вас средства для тех, кто попал в заключение? Если да, то как регулярно, в каком размере? Эти деньги идут адресно, конкретным заключенным, или вообще, на зону в целом?

5. «Свои» и «чужие».

Есть ли у Вашей группы враги? В том числе:

- Есть ли пацанские группировки, с которыми происходят конфликты?
- Есть ли устойчивая вражда с милицией?

Есть ли категории людей, к которым Ваша группа испытывает неприязнь?

Есть ли понятие лоха? Если да, то опишите лоха, кто он, как себя ведет, как выглядит внешне?

Есть ли неприязнь к отличникам в школе? Есть ли у вас категория «ботаника», совпадает ли она с категорией отличника? Если представления о «ботаниках» есть, то опишите ботаника, кто он, как себя ведет, как выглядит внешне?

Есть ли неприязнь к «неформалам»? Ко всем или выборочно? Преследуете ли Вы неформалов специально?

Есть ли неприязнь по национальному признаку? Преследуете ли Вы представителей других национальностей специально?

Есть ли преследование гомосексуалистов?

Есть ли категория не-пацанов, которые сдают тому или иному пацану деньги? Есть ли у пацана какие-либо обязательства перед этими людьми?

Справедливо ли утверждение, что пацан ищет конфликта преимущественно с молодыми людьми своего возраста?

Практикуется ли в Вашей группе «разводка лохов» – нападения на посторонних с целью грабежа? Если да, то ответьте на следующие вопросы.

- Как определить на улице того, кого стоит развести?
- Каковы приемы разводки?
- Какие ошибки может сделать жертва при разводке?

– Является ли разводка действием, которое надо делать артистично?

– Правда ли, что «высшим пилотажем» разводки считается случай, когда жертва отдает деньги и ценности сама?

6. Межгрупповые конфликты.

Были ли у Вашей группы конфликты с другими группами? Как долго они длились?

Бывает ли такое, что конфликты между группами происходят случайно и не имеют продолжения? Привести примеры.

Бывают ли длительные конфликты («войны»)? Привести примеры.

Из-за чего развязываются конфликты?

Бывают ли случаи решения конфликтных ситуаций с помощью специально назначенных драк или обсуждений («стрелок») – групповых и индивидуальных?

Какой степени тяжести травмы бывают в ходе конфликта (мелкие травмы; серьезные травмы; травмы, влекущие инвалидность; убийства)?

Были ли случаи примирения после конфликта? Как это происходило.

Бывает ли такое, что конфликтные ситуации разрешают («перетирают») между собой лидеры групп или старшие?

Есть ли человек, исполняющий роль «дипломата» – то есть тот, кто умеет договариваться с противником, находить общий язык?

Бывают ли драки, при которых противники, в принципе, ничего не имеют друг против друга, но встречаются подражаться чисто из спортивного интереса? Если да, то насколько такие драки регулярны? Чем они заканчиваются?

7. Закономерности проведения драки.

Как завязываются драки?

Из-за чего происходят драки?

Есть ли какие-то ритуалы начала драки?

Принято ли задирать противника «красиво»? Есть ли специальный человек, который это делает? Уважают такого человека или нет?

Принято ли выбирать для драки специальное место?

Если тот, кого задирают, на предложение «пойдем выйдем» соглашается – является ли это подтверждением его храбрости (что вызывает уважение и часто сводит драку на нет) или выявляет в нем лоха?

Есть ли распределение ролей в драке? Например, есть ли лидер, помощник и др.?

Участвуют ли в драке младшие по возрасту? Если да, то в чем выражается их участие?

Участвовали ли в драке девчонки? Если да, то в чем выразилось их участие?

Известны ли случаи, когда во время драки бьют милицию.

Можете ли Вы описать свои ощущения в процессе драки.

Приятное ли это занятие – драка?

Правда ли, что к дракам привыкаешь, они доставляют удовольствие?

Есть ли в пацанской среде запрет или ограничение на ношение и использование оружия?

Если оружие используется в драке, то какое?

Есть ли обязательное ношение оружия?

Есть ли самодельное оружие? Кто делает? Уважают ли его за это?

Принято ли после успешной драки обсуждать ее с товарищами, хвастаться, выискивать смешные моменты? И напротив, если драка неудачна, принято ли обсуждать ее, стараясь себя оправдать?

8. Внешний вид.

Есть ли у Вашей группы и у пацанов вообще некий общий стиль в одежде?

Типично ли для пацанов ношение следующей одежды?

- спортивной одежды,
- военизированной одежды,
- телогреек,
- тяжелой обуви,
- особых шарфов (в том числе фанатских),
- особых шапок.

Есть ли правило не донашивать чужой одежды кроме одежды отцов и братьев?

Свойственно ли, по-вашему, пацанам определенное щегольство?

Есть ли особые способы походки, движения, формы приветствий?

Есть ли определенный стиль поведения пацанов на танцах? Есть ли свой танцевальный стиль? Есть ли свой групповой танец?

Есть ли определенная пацанская прическа?

Есть ли отличительный имидж у группы в целом?

Есть ли элементы одежды или приемы, с помощью которых можно опознать своего в драке?

Есть ли специальные опознавательные кличи, крики, речевки?

9. Пацанские понятия.

Есть ли какое-то название для системы правил, которым следуют участники группы в общении между собой?

Что недопустимо для пацана?

- отказать своим в защите и помощи,
- отказаться от поездки на драку,
- уклониться от вызова на драку,
- сотрудничать с милицией,
- в случае коллективного задержания «отмазывать-ся», делать вид, что он здесь случайно

Существует ли правило, что плохо проявлять агрессию против определенных людей?

Опросник для исследования молодежных уличных группировок

- против младших по возрасту,
- против девушек
- против парней, идущих по улице с девушками
- против более слабой (меньшей по численности) группы

Существует ли запрет на «бесцельную» агрессивность?

Существует ли запрет на использование в драке оружия?

Есть ли в драке правила «лежачего не бьют» и «драка – до первой крови»? Если были, то договаривались ли о них перед дракой или это было «само собой разумеющимся»?

Часто ли, по-вашему, происходит нарушение пацанских правил? Многие ли из таких нарушений становятся известны другим пацанам?

Если кто-то нарушил правила, как его наказывают? Привести примеры на каждый случай из перечисленных ниже:

- выносят устное порицание,
- впредь отказывают в защите,
- бьют,
- объявляют бойкот,
- объявляют бойкот не только провинившемуся, но и всем, кто с ним общается.

Что Вы понимаете под словом «беспредел»? Приведите примеры беспредела.

Бывают ли случаи, когда пацанским традициям и правилам обучают старшие. Отдельно уточнить о старших на несколько лет (поколение «старших братьев») и отдельно – о тех, кто старше на два-три десятилетия (поколение «отцов»).

Существует ли у пацанов особое отношение к следующим людям?

- к отслужившим в армии.
- к спортсменам; существует ли разделение по принципу, что «те, кто серьезно занимается спортом – к хулиганству не слишком склонны»

Есть ли какое-то специальное название для правил поведения пацанов?

10. Гендерные установки и отношения.

Каково отношение к девушкам?

Влияет ли на отношение к конкретной девушке следующее:

- ее внешняя привлекательность,
- ее проживание в том же доме, районе,
- ее знакомство и/или близость с членом пацанской группы,
- ее уровень образования или учебных оценок,
- стиль ее поведения (если да, то попросить пояснить, как должна вести себя девушка, чтобы пацан к ней хорошо, уважительно относился),
- стиль одежды и вообще внешнего вида (если да, то попросить пояснить, как должна выглядеть девушка).

Верны ли следующие утверждения?

- «Если к девушке пристали другие парни, то нельзя ее защищать, можно только *попросить* их этого не делать».
- «Если девушка ведет себя неправильно, бьют парня, который идет с ней».
- «Если между районами идет война, агрессии подвергаются и девушки из враждебного района».

Есть ли места, куда девушек не допускали?

Если парень гуляет с девушкой из другого района – накладывает ли на него это какие-либо обязательства перед пацанами другого района?

Должен ли пацан следить за поведением своей девушки – например, чтобы она не курила, не пила, не ругалась матом?

Есть ли некие требования, которые девушка имеет право предъявлять пацанам? Например, имеет ли девушка право потребовать от пацанов, чтобы при ней не ругались матом? Любая ли девушка может предъявить такие требования или только высокостатусная («приличная»)? Влияет ли выдвижение таких требований на уважение пацанов к девушке?

Можно ли бить девушку? Почему (и если да, и если нет)?

Есть ли у группы «общие» девушки? Если да, то как происходил секс с ними (был ли прилюдный секс, был ли секс с ними новичков)? Использовались ли такие девушки в качестве проституток? Известно ли Вам о таких девушках в других группах?

Известно ли Вам о женских группировках? Если да, то каковы были их отношения с другими группировками?

Какова степень сексуального опыта у участников группировки.

11. Дальнейшая судьба (предполагаются две группы вопросов – для бывших участников группировок (представителей старших поколений) и для нынешних участников (молодежи))

Вопросы для бывших участников:

Что стало с участниками группы? Многие ли пошли в вузы? Многие ли – в криминал? Многие ли погибли и как?

Что дало Вам участие в группе?

Известны ли Вам случаи, когда милицией производились операции по дискредитированию и развалу пацанских группировок?

Вопросы для нынешних участников:

Каковы Ваши жизненные планы? Каковы планы Ваших товарищей по группе?

* * *

Данная анкета представляет собой основу для дальнейшего исследования молодежных субкультур. Первый вариант анкеты появился около полутора лет назад, и прошедшее время анкета заметно изменилась: в результате знакомства с эмпирической информацией и обсуждения с экспертами детализировались старые и появились новые вопросы. Мы считываем, что в ходе реализации проекта круг вопросов, рассматриваемых в его рамках, еще более расширится.

Во втором разделе сборника представлено несколько очерков на основе интервью, взятых с помощью представленного опросника.

Как можно заметить по приводимым материалам, интервью различны по своему объему. Видимо, это данность, с которой при сборе материала приходится смириться, поскольку сами информанты и ситуации общения с ними изначально различны. У информантов разные личностные характеристики (темперамент, степень интровертированности, эмоциональности и др.), они различаются по умению рефлексировать и рассказывать. Различна степень мотивированности (для хорошего рассказа необходим личный интерес) и близости с интервьюером (личному другу расскажут больше, чем малознакомому человеку). Наконец, как показывает накопленный материал, события, более отдаленные во времени, как правило описываются информантами более подробно (это обусловлено, в частности, тем, что о ныне существующих сообществах стараются подробно не говорить из осторожности; напротив, то, что происходило, например, в конце 1980-х – это «дело прошлое»). Ввиду сказанного, итоговые очерки могут быть различными по объему – от развернутых, как у С. Демиденко (такой подход, несомненно, предпочтительнее), до кратких, как у А. Нянюкина.

Приглашаем к сотрудничеству в рамках проекта исследователей и информантов.

Настоятельно просим при использовании представленной здесь анкеты ставить нас в курс дела и знакомить с результатами исследований.

Громов Дмитрий Вячеславович
gromovdv@mail.ru

Примечания

¹ Для людей старшего возраста. Далее – «прошедшее время» вопросов для этой категории информантов подразумевается по умолчанию.

Опросник для исследования молодежных уличных группировок

- ² Здесь надо быть осторожнее с терминами – стоит сразу понять, какое слово ближе информанту: компания, уличная компания, группа, группировка и др. Каждое из этих слов имеет свою специфику. Группировка – это скорее достаточно сплоченная и агрессивная группа, возможно, занимающаяся криминалом. Компания – не обязательно агрессивна, это просто несколько человек, которые вместе проводят время. Слово «группа» здесь – наиболее нейтральное, но информант может его не понять, решив, что речь идет о музыкальной группе. И потом, выражение «уличная группа» как-то не употребляется.
- Далее в анкете условно будет употребляться слово «группа».
- ³ Ответ на данный вопрос не должен быть слишком развернутым, чтобы не отвлекать от основной темы интервью. Если интервью проводится в затрудненных условиях, от него можно вообще отказаться.

Ижевск. Автозавод. 1980-е годы

Интервью проводилось с **Сергеем Д.**, 1974 г.р. В 1970–1990-х годах проживал в Ижевске, сейчас – в Москве. По профессии – режиссер-документалист, имеет два высших образования.

Интервьюер – **Демиденко Светлана Юрьевна.**

1. Общие сведения.

Сергей был участником группировки, возникшей в микрорайоне, входящем в состав крупного городского района – Автозавода.

Группировка называлась «санитары» из-за находящейся рядом больницы. «Потом ходили истории, всё сочиняли, откуда взялось это название. Да ниоткуда не взялось, была больница рядом и всё».

В период наибольшего подъема численность «санитар» доходила до ста человек. Их возраст составлял 13–18 лет. После службы в армии от уличной жизни обычно отходили: «Они уже были выше всех этих ребят, напрямую в их [делах] не участвовали».

У всех были клички, сами себя называли «пацанами» (слово «братва» появилось уже в начале 1990-х годов, понятие «гопник» тогда только начинало формироваться).

По социальному составу участники группировки были преимущественно детьми рабочих с ближайших предприятий. Это был достаточно благополучный и обеспеченный по тем временам слой:

«Ну, у нас это дети простых работяг. Окраина города. Самые уважаемые люди, вот я завидовал своим друзьям во дворе, у нас было два соседних двора, родители моих друзей работали на Автозаводе. Ну, три основные части – это Автозавод, строители и нефтяники. Те, кто работал на Автозаводе, я им завидовал в первую очередь, потому что родители у них работали совсем рядом, каждое утро они шли пешком на

завод, и каждый вечер они пешком оттуда возвращались. Они шли большой длинной толпой. И в этом было, что-то такое правильное. Они получали по 300, по 400 рублей в месяц, и это было еще правильнее. Это были очень большие деньги. Строители – ну тоже круто. Как раз те, кто строил этот район, вот они и получили эти квартиры, и у многих друзей родители были строители. Имеются в виду рабочие специальности: столяры, маляры, плотники, каменщики. Ну, редко, когда родители были нефтяники, но это было уж совсем круто. Круто, потому что каждое утро за ними приезжал большой красный “Икарус”, а вечером их привозил. Такие “Икарусы” были только в составе компании “Интурист”, как мне казалось, только крутых туристов могут возить. Поэтому нефтяники, помимо того, что они хорошо зарабатывали, они еще и на автобусе ездили, скорее всего, бесплатно.

А мои родители что? Отец – лесник, мама – работник культуры, поэтому... Понятно, я их никогда в этом не упрекал, но относился я к этому философски. Когда я пошел, отработал месяц на Автозаводе после 10 класса, заработал там 343 рубля, это была их зарплата, по-моему, обоих вместе взятых. А жили ведь – ну как-то вот относительно бедно. Всю жизнь копили на машину, а ездили на мотоцикле. То, что у нас был мотоцикл, это уже хорошо, мотоцикл с коляской «Иж-Юпитер-4». Мы могли себе позволить ездить, держать свой огород, каждый день ездить. Мотоциклов тогда было очень много, весь двор заставлен мотоциклами с колясками. Сейчас это уже трудно представить, машин было максимум одна на весь подъезд, а мотоцикл был одним из самых основных способов передвижения, тем более в Ижевске, на родине отечественного мотоциклостроения. А когда цены на автомобили вдруг стали расти резко, сначала в два, потом в три раза (в 89-м, начале 90-го), родители уже могли купить только старенький «Москвич», которому было 11 лет отроду, на то, что было. Вот и всё. А так не оставалось ни на одежду, ни на отдых, ни на что».

Очень многие дети из семей заводских рабочих летом ездили отдыхать на море.

«В советское время, наверное, большая часть семей считала просто необходимым съездить на море. Они потом приезжали и рассказывали, делились своими рассказами о Геленджиках, Анапах и Ялтах там, Сочи.

Деньги позволяли, до Москвы поезд стоил 13 рублей, то есть по зарплатам тогда это можно было себе позволить. У меня брат двоюродный, студент, на самолете вообще летал, мог себе позволить. Это на стипендию, плюс еще фарцевал чуть-чуть».

Микрорайон «санитаров» возник в конце 1970-х годов. В новостройке было расселено много молодых семей с маленькими детьми. Созданию местного единства способствовало то, что все дети микрорайона ходили в один класс соседней школы, а когда школа была построена в самом микрорайоне, стали ходить сюда. «У нас так получалось, что вот была улица в районе новостроек, была школа на соседней улице, потому что на нашей улице школа еще только строилась. И школа наша была на соседней улице, и классы в этой школе делили по территориальному признаку: один двор – это один класс, другой двор – другой класс. И у нас очень четко граница проходила, где какой класс хозяйничает. Поэтому у нас было всё просто. А потом школу построили к 5 классу на нашей улице. А улица наша была квадратной формы, на краю города, ограниченная конкретными улицами, ну квартал квадратный. Она была похожа на конкретную деревню, где все друг друга знали, каждую собаку знали. И школа была центром этой деревни, в ней проходила вся культурная и социальная жизнь».

Сергей говорил о постепенном формировании группировок: «Группировки появляются с первого класса». Группировка как таковая возникла в данном микрорайоне только в конце 1980-х, когда дети новоселов выросли. В других районах Ижевска они появились несколько раньше. «Кто-то говорит, что это пошло из Казани, кто-то еще откуда-то, не важно. Но группировки

просто по возрасту совпали, образовались там. Группировки – они уже делились по уличному принципу. Причем, она [здешняя группировка] образовалась как-то так не сразу, то есть она образовалась как защитный рефлекс, потому что другие улицы уже начинали иногда вольготно себя чувствовать, имея численный перевес. Поэтому, как защитный рефлекс, она образовалась на нашей улице. Были еще районные деления, то есть были центровые, “Центряк”, были... ну, там “Автозавод” общим словом. Иногда эти фронты объединялись и, например, “Автозавод” шел на “Центр”».

Городские группировки возникали по территориальному принципу. Названия давались им по имени районов: «Машиностроитель, Центр, Металлург, Татар-Базар. Как район – так они и назывались. Может быть, внутри они еще как-то делились. Может быть, были еще какие-то, но я не знаю».

На Автозаводе самой сильной и известной считалась группировка «Тридцатка», которая появилась раньше «санитар», она образовалась на базе трех микрорайонов, происхождение названия неизвестно.

По оценке Сергея, в районах, «где выше плотность населения, там больше предпосылок для образования группировки. Поэтому чем более низкоэтажный район (особенно если частный сектор), тем там сложнее организовать такую структуру, как мне кажется». Исключением являлся район Татар-Базар, состоявший сплошь из частного сектора. «Это достаточно большой район города Ижевска, которому была необходима вот такая вот защитная функция, поэтому они организовались. Но было много других частных секторов, в которых ничего подобного не было».

2. Локализация и повседневность группы.

Как уже отмечалось выше, в качестве фактора, впоследствии способствовавшего формированию уличных группировок, Сергей отметил включенность в дворовую жизнь, начиная с раннего детства.

«Ну, конечно, в основном, это обычные детские забавы. Всё лето – это беготня по двору, это футбол, сыщики-разбойники, это, ну, такие нормальные мальчишеские игры. Зимой – это хоккей с утра до вечера, вместо уроков, вместо всех, наверное, остальных увлечений; это хоккей, хоккей, хоккей. Уроки я никогда в жизни не учил, так уж получалось, не любил я это дело. Просто с первого класса втерся в доверие к тому учителю, что учил нас с первого по третий класс. Мне казалось, что учиться – это слишком просто, и только дебилы могут получать четверки в школе, поэтому учить уроки не считал нужным, и всё время проводил во дворе, а таких, как я, было очень много, почти все. Если бы вы выглянули во двор любого двора новостроек в 80-е, то вы бы поняли, что он похож на муравейник. Потому что все новостройки – они заселялись как? Это были молодые семьи, активный детородный возраст, тогда рождалось много детей. (...) Те, кто подрос к середине 80-х – это был какой-то такой нормальный демографический не рост, а уровень рождаемости. И каждый двор был муравейник. Сейчас вы этого не увидите и не увидите, наверное, уже никогда. Потому что другие интересы, уже дома. Если у человека достаточное благосостояние его семьи, то у него дома достаточно интересов. Конечно, это не хорошо, это не достаточно для нормального развития, но...

То, что дети росли на улице – это так и было, наверное, до 90-х годов, до начала XXI века, и улица воспитывала по своим законам». Один из законов улицы – «это естественный отбор. Можно много аналогий провести с естественным отбором в природе, но улица – это среда естественного отбора уже в социальном, скажем так, строго иерархизированном обществе. Родители в советском обществе не так волновались за детей, как, скажем, теперь. Отпустили ребенка гулять – и всё, и вперед, и он целый день там. И где мы, и чем мы там занимаемся, никого не волновало.

Ну, конечно, каждый раз предупреждали – не ходи на стройку, не ходи в лес, не ходи куда-нибудь. Главное об этом никому не говорить, но всегда ходили. Ситуация выходила из-под контроля только когда задерживались. Если задерживаешься где-нибудь в лесу, когда тебе 8–9 лет, а уже полночь или просто поздний вечер и тебя начинают искать, ты идешь во двор и думаешь: “А ведь где-то вот за углом могут быть родители, которые меня уже ищут”. Потому что всегда играли компанией, возвращались компанией, и кто-то из родителей, тот, кто первым не выдержит, и встречает всю вашу компанию. А попадало всем от этого родителя, который первым вас нашел. А куда мы уходили, это родителям вообще лучше не говорить. Потому что после второго класса мы ушли искать заветную свалку и прошли по шоссе 22 километра, потом возвращались, пришли, естественно, за полночь, но это было лето, и мы не замечали течения времени, потому что часов на руках ни у кого не было. И когда возвращались, и до города еще далеко, а было уже темно, мы понимали, что идем просто под ремень уже.

Или после 4 класса, играя в лесу, нашли труп человека полностью разложившегося, с червяками, вылезавшими из глаз и уже со сгнившей одеждой. Это в довольно глубоком лесу мы нашли, у ручья. Тоже зрелище из не самых приятных, и это запомнилось. Потом родители мои с ужасом увидели, что идем мы компанией по улице, подъезжает милицейская машина, нас усаживает и увозит. А мы просто позвонили 02 и сказали, мы ждем вас там-то, и мы вам сейчас покажем, где лежит труп. И вот за нами приехал этот бобик, мы сели да поехали. А родители не знали, что подумать. Вот такое бывало.

Я переехал в город из деревни незадолго до поступления в школу, один год ходил в городской садик. Мне в саду не очень нравилось, может, я не вписался в коллектив по каким-то причинам. И школа мне, по моим прогнозам, не сулила ничего приятного. Но как-то так случилось, что у нас с

первых же дней, с первого же класса сложился какой-то костяк из нескольких человек. Не знаю, как уж мы друг к другу склеились, но мы последующие восемь лет прожили вместе, и у нас не возникало никаких комплексов зажатости и забитости, и диктовали, если надо было, свои условия вплоть до диктования условий классному руководителю, если он себя неправильно вел, а он вел себя неправильно. И к середине первого класса я оценивал, что мне очень повезло с друзьями. У меня были настоящие, верные друзья, которые друг за друга стояли горой. Наверное, каждому необходимо в школьные годы иметь таких друзей.

А потом у меня было немножко сложно. У меня дом был самый новый на этой улице, и он стоял немножко неправильно – один его конец находился в одном дворе, другой – в другом. И вот верхний двор – это была “голубятня”, потому что это была голубая пятиэтажка в форме буквы «П». Весь здешний контингент моих сверстников и тех, кто был плюс-минус на три года старше и младше, он был какой-то забитый что ли, совершенно другой, нежели тот, который жил в нижнем дворе. Нижний двор назывался «муравейник», потому что у него плотность была существенно выше, чем в пятиэтажке. И мои лучшие друзья – они жили как раз в муравейнике, в нижнем дворе, ну, человек 5–6 их можно было насчитать, все были оттуда. И так получалось, что всё, что касалось хоккея, футбола, я играл в верхнем дворе. А всё, что касалось каких-нибудь более серьезных мальчишеских игр, – там, в Зарницу, сходить куда-нибудь в лес, подражаться с кем-нибудь – это нижний двор, мои настоящие друзья.

«Голубятня» с «муравейником» иногда дружили, иногда дрались до нормальной крови, до синяков, я имею в виду в детстве, а потом и всерьез дрались. Некий конфликт между этими двумя системами был. То есть каждый двор – это отдельная уравновешенная система, уравновешенная в какой-то определенной точке. В каждом дворе была своя ат-

мосфера. Дворы ведь в советское время, в 80-е годы, строили замкнутыми; ну, грубо говоря, как буква «П» или буква «О» с арками, выходящими по периметру.

За другие дворы говорить не берусь, потому что с ребятами из других дворов сближались уже ближе к классу четвертому-пятому. Тогда было противостояние какое-то, связанное, прежде всего, с нежеланием и неумением налаживать коммуникации между собой. Потом повзрослели и нормально начали ладить, и с ребятами из других дворов стали потом тоже друзьями.

Двенадцать лет – это был такой переломный момент, потому что до этого пять лет мы учились по очереди (в три смены) на других улицах, а уже с 6 класса мы пять лет учились в нормальной школе на своей улице и жили одной большой семьей, вся улица. И мы знали поименно не то что всех ребят из своей параллели 6 класса, а до 10 класса, и я их знаю до сих пор поименно и могу общаться с ними, это была одна большая семья. А с 6 класса нас начали уважать, потому что у нас случился школьный турнир по волейболу, и так как мы играли на равных с 8, 9, 10-классниками и выиграли у всех, они нас уважали с 6 класса. И с ними мы общались, и нам было интересно с ними проводить дискотеки, крутить, там, кассеты, катушки и переписывать разные песни.

Спорт – он как раз был у ребят из «голубятни». Они были в этом плане (ну не могу за всех говорить, были отдельные личности) выше дворовых интересов ежедневных, и я приклоняюсь перед теми, кто мог три года три раза в неделю ходить в одну и ту же секцию регулярно и годами, я так не мог. А были такие, и они к определенному возрасту уже достигли в своем виде спорта определенного совершенства, и с помощью такого нехитрого способа уже доказывали свою состоятельность.

Вот, например, волейбол. В него никто никогда не играл во дворе, кроме пионербола или, там, картошки, во дворе

никто никогда не культивировал этот вид спорта. Это только наши родители и те, кто постарше, когда родители вытаскивают сетку на один, на два дня, пока ее не порвут, с ностальгией могли поиграть. А так вообще не было, и это только друзья меня заразили такой внезапной любовью к волейболу, и я с ними начал играть.

А вообще я, как и большинство моих друзей, прошел десятки различных секций и кружков, начиная с начальной школы и класса до восьмого. Почему? Потому что нам было интересно всё. Потом мы не могли [посещать кружки] регулярно, это ж надо иметь большую силу воли, чтобы каждый день всерьез заниматься одним и тем же – школа, секция, уроки; школа, секция, уроки. На двор-то времени не остается, я так не мог.

Мы занимались чем угодно, и хоккеем и футболом, и сабаководством, и, там, легкой атлетикой, и рыбками, и птичками. В общем, полный список всего, чем можно было заниматься. Ходили примерно одной компанией.

А вот те друзья, которые были из нижнего двора, которые были наиболее активной частью вот этого детского сообщества, наиболее прогрессивно мыслящими (в том плане, что им больше всего хотелось от жизни взять, хотелось объять необъятное, хотелось бежать из двора, хотелось завоевывать мир всеми возможными способами, хотелось всё понять и прочувствовать), – вот эта часть детского сообщества, она, будучи неспособной к непонятному детскому разуму хождению в одну и ту же секцию каждый день, она к определенному возрасту переходит какой-то рубеж, уходит в криминал. И так получается, что годам к 13–14 самая активная часть подросткового детского сообщества уходит в криминал, это такой стандартный работающий механизм. И все мои (ну не все, но очень многие) друзья, самые интересные, самые эмоциональные, может быть не по годам развитые, закончили жизнь, многие уже закончили жизнь...»

Активность Сергея в драках частично обуславливалась желанием утвердиться в нижнем дворе. «У меня была какая-то идиотская мания, я всё время дрался, я дрался с теми, кто мне не нравится. Ну не нравится человек, мы договариваемся, идем после уроков туда-то и деремся. И как-то всё это очень сплачивает; видимо, общие победы, поражения, проблемы».

Дружба приводила даже к таким случаям, как, например, следующий. «Последний раз меня родители выпороли ремнем после третьего класса. Мы уже всерьез занимались хоккеем (ну, всерьез – это значит, что мы в своем возрасте играли на первенство города и его выигрывали). А у моего друга Рината не было своих коньков. А у нас был один парнишка постарше нас, но у него были явные задатки хорошего фарцовщика, он мне нашел мастерские коньки. Коньки с мастерскими лезвиями, сейчас, наверное, уже об этом никто не знает, тогда совершенно другие коньки были, они стоили 15 рублей. Я дома нашел у родителей деньги, купил эти коньки и отнес своему другу, а друга дома не было, я передал его родителям. Я был счастлив. И так он заиграл в хоккей. От родителей за этот случай попало всерьез. Ну а как? А как ребенка можно воспитывать? Я не могу сказать, что меня часто били, но попадало, в данном случае это было просто необходимо».

В такой дворовой среде впоследствии, при достижении детьми подросткового возраста, и возникла группировка.

Общение членов группировки происходило ежедневно – «мелкими группами каждый вечер собирались, просто так стояли, болтали и пиво пили, что-то обсуждали».

Один-два раза в неделю происходили организационные сборы.

Постоянным местом общения была территория вокруг школы. «Школа – это центр улицы и на ней есть стадион, а на нем есть удобные скамеечки, а еще есть скрытые места, где можно чем-то скрытным позаниматься, есть открытые

места, где можно посидеть, потусоваться (тогда не было такого понятия). Для совсем скрытых дел есть подвал, которых было очень много, и лес рядом». В лесу, через дорогу от квартала, происходили сборы, и на это время проход через лес для посторонних был закрыт.

Дома, в квартирах собирались редко, «только так, чисто музыку послушать, ну выпить. Но это как все. В подъездах зимой маленькими группами, но это тоже всегда было».

Продолжались занятия спортом. Во второй половине 1980-х на улице появился «молодежный клуб», иначе говоря, качалка. Появилась секция «Самбо», где помимо самбо преподавались и другие единоборства. Но в качалке и секции собиралась самая разная молодежь, эти места не воспринимались как места сбора исключительно членов группировки.

По отношению к жизни «санитаров» Сергей занимал несколько отстраненную позицию:

«В группировку входили мои друзья, большинство друзей. Потому что без этого было нельзя. Не входить в группировку – это было, ну... это было сложно. То есть, во-первых, ты в каком-то моральном положении оказывался неправильном, потому что на тебя могли смотреть косо, необходимо было держать этот удар. Но у меня как-то по-другому получилось – так как мои друзья могли принимать самое активное участие в нашей местной группировке, то они меня никогда ни к чему не принуждали. У меня было свое место, меня называли Мудрым Гудвином, и они ко мне относились с уважением, наверное».

При этом неудобно было отказаться, скажем, от посещения сборов: «Если вдруг кто-то из самой верхушки группировки [пригласит], по сути это было некое подобие призыва, всеобщий призыв. Вот пошли по улице, толпа, они знают всех, кто живет на этой улице. Если он не играет во дворе, они к нему домой зайдут и говорят: “В такое-то время сбор”, и мы собираемся. Я ходил на эти сборы. Кстати, было интересно. Мы обсуждали ближайшие проблемы

нашей улицы, проблемы... военного характера, стратегического характера.

Но насчет участия в запланированных драках – мне это было по барабану. Я говорил, что если придут на нашу улицу, я пойду, а ходить по городу, выяснять отношения с кем-то другим, мне это было неинтересно, потому что я не видел ничего, абсолютно ничего привлекательного. Поэтому моя позиция была четкая и всем понятная. Придут на нашу улицу – я буду здесь, не придут – на сторону никуда не пойду драться.

Но однажды случайно получилось. Это уже было в классе десятом, когда к нам в школу пришла достаточно большая группировка, человек 50, а нас было, может быть, чуть меньше. Но это не было запланировано. Вот там подрались».

У членов группировки можно выделить определенные музыкальные предпочтения:

«Во-первых, это дискотечная музыка, ее ведь не так много было, круг музыки был гораздо уже, чем в XXI веке. Западные группы дискотечные можно было пересчитать по пальцам; наши, советские – тем более. Это то, что касается танцев, потому что танцы, дискотеки – это было необходимым элементом, хотя бы раз в неделю, в пятницу, субботу оторваться, как следует. Ну, и слушали русский рок. Тогда такое понятие, конечно, еще не определялось. Но Цоя, “Наутилиуса” слушали, [хотя] не все, конечно. Можно выразить благодарность тому поколению рокеров, которое было старше нас на 5–10 лет – те же самые Цой, “Чайфы”, “Наутилиус” и прочее. Потому что в том протестном смысле их существования было какое-то такое порядочное рациональное зерно. Потом оно пропало, в 90-е годы его не стало, и появились всякие “Секторы Газа” и прочее. Конечно, появились и Шевчуки, какие-нибудь более интеллигентные рокеры, но те песни, которые пели в 80-е – до 91 года, их песни поют и до сих пор, и ничего нового придумать для себя не могут.

Потом, вспоминаю, в 89-м появился, практически взорвал всю нашу попсу, коллектив “Любэ”, это было тоже явлени-

ем, на том безрыбье это было просто чудом. И образы такие – Глеб Жеглов и Володя Шарапов, ну, помимо того, что это музыка была интересная, оригинальная, непривычная».

Песни пелись «на стадионе в основном, орали практически. Ну еще такой момент был. Мы почему-то сильно готовились к армии, то есть у нас армейская тематика была самой преобладающей. Я все эти песни помню наизусть, так же как помню все песни группы “Голубые береты”, очень мелодичные красивые песни, плюс самодельные песни из разных дембельских репертуаров.

Морально мы все были готовы к армии еще со школы, готовились. У нас на глазах приезжали... ну, не во множественном числе, я сам только один раз видел оцинкованный гроб в наш двор из Афганистана. Мы все жаждали попасть в армию, если попасть в армию, то только в Афганистан, больше никуда. Нам всем этого хотелось. Мы наслушались всех этих рассказов, мы брали шефство над семьями погибших воинов, которые были не намного старше нас.

Мы все готовились в армию. В 6-м классе я разбираю и собираю автомат Калашникова за 25 секунд. В 10-м классе я примерно в тот же норматив укладывался, но вообще норматив военной подготовки и строевой подготовки, рукопашный бой, кирзачи в портянках – это было регулярно. Мы принимали всё это всерьез. Всем же хочется побыстрее стать взрослым. Вот мы и приобщались к взрослой жизни».

3. Структура группы.

Группировка предполагала определенную иерархию. «Она никак не называлась. Просто она выстраивалась, она чувствовалась, просто кого-то уважали больше, кого-то меньше. Это уже складывалось из многих, многих факторов. Не обязательно, кто как учится в школе, и необязательно, кто там больше ростом, это самые отчаянные – и те, кто любит подраться, те, кто более активен в отношениях, те, кто отстаивает свою точку зрения, ну, отчасти как он учится».

В группировке можно выделить младших и старших, но они определялись даже не столько по возрасту, сколько «по габаритам», т.е. по физической силе.

«Были салаги, которые ходили и смотрели на всё это, но не участвовали в драках, это, наверное, лет от 12 до 14. И был, где-то с 14 до 16 лет, основной состав группировки. Ну еще те, кто ждал армию, но обычно перед армией отходили от группировки».

Группировка постоянно пополнялась, активно велось «рекрутирование» новичков: «Это в основном те, кто постарше, снаряжали тех, кто младше, ну, среднего возраста. Либо сами старшие. Шли по улице и всем, кто попадается, говорили, что тогда-то, тогда-то будет сбор, и ты должен прийти, если, мягко говоря, ты не трус». На сборах смотрели, кто пришел; с не явившимися «проводилась работа» – их могли побить, но большей частью пугали. От участия в группировке можно было откупиться.

Вступление в группу новичка предполагало «прописку»:

«Несколько новичков в центре круга дрались с гораздо превосходящим количеством тоже членов группировки, недавно вступивших, но уже прописанных. Дрались между собой и всё. Но тех, кто уже были прописаны, должно было быть физически, количественно больше, тогда вступающие, прописывающиеся могли себя действительно проявить, и тогда всё становилось понятным [больше], нежели в бою на равных. Это просто было необходимой формальностью, без этого в группировку вступить нельзя было». Однако сам Сергей такого посвящения не проходил (как сказано выше, он участвовал в группировке с момента ее возникновения).

Были случаи, когда в группировку вступали пацаны с других улиц, как правило, личные друзья группировщиков.

Старших, лидеров группировки, называли «паровозами».

«Паровоз – один. В каждой группировке самый сильный, не обязательно самый старший, но самый мудрый. У нас был паровоз Муха. Он был самый такой толстый, здоровый

товарищ, по фамилии Мухамедшин. Я с ним никогда не общался. Просто смотрел – Муха идет, ну и пусть себе идет. И вокруг него всегда крутился такой круг прихлебателей средней руки».

Было и понятие «шестерки». «Вообще такая страшная вещь иногда происходила. Вот салаги, от 10 до 13 лет, они тоже, как стая собак, представляли собой страшную силу. Это такие маленькие гопнички, воришки, которым нечего терять. Но, например, такая вот толпа могла напасть на какого-нибудь нашего сверстника, бывало и такое, и они его забивали просто как хотели, потому что ничего с ними не сделать, хоть замашись, они завалят любого, хоть Муху. И их могли по заказу натравить на кого-то».

Предложенные нами качества, необходимые для лидера группировки, Сергей распределил следующим образом: 1) физическая сила; 2) умение разрешать конфликты, справедливость; 3) связь с криминалом; 4) деловая хватка; 5) агрессивность.

Агрессивность была признана отрицательным качеством, потому что она «наоборот мешала, мешала как раз налаживать отношения и решать конфликты. Нужна скорее такая холодная рассудительность».

О правомерности утверждения «каков лидер – такова и группа»: «Это идеальная модель, так должно быть. Если лидер сформировался естественным образом в этой группе, так оно и есть, если он не введен откуда-то искусственно».

4. Криминал.

В группировке были участники, склонные к криминалу, но не все, и настрой на криминальность нельзя считать типичной для группы. То же касается и соседних группировок, в том числе «Тридцатки». «У нас в группе всякие были. Были и конкретные воришки, а были просто те, кому нечего было делать, но они никогда не переступали черту. Да везде так, есть определенная часть криминализируванная, потому

что в идеале в группировку должны входить все молодые люди, группировка стремится к этому, но часть молодых людей с раннего детства криминализована».

Сергей отметил, что о связях группировки с криминальным миром ему неизвестно, если они и были, то только «на уровне паровоза; наверное, это было необходимо». Сам «паровоз» не сидел, о вербовке группировщиков в серьезный криминал неизвестно. Впоследствии «в криминал ушли только самые активные, кто этого хотел, кто к этому стремился».

«Из тех, кто активно и регулярно участвовали в жизни группировки, большая часть состояла на учете в детской комнате милиции. Просто после драки их отлавливали и потом отпускали. В этом никто из членов группировки не видел ничего страшного, это такое попутное... Сопутствующая норма. Многие это считали даже неким этапом жизненным: попасть в милицию, посидеть, романтика, были такие гордые».

Сергей склонен не считать отношения с милицией враждебными: «Вражда – это когда люди воспринимают друг друга на равных, а группировки состоят ведь из молодежи. Да, молодежь материт милицию, как только может. Понятие “мусора” появляется в это время, может раньше. Но в этом возрасте как-то еще никого не сажают. То есть каждый проходит профилактическую работу в милицию и выходит с бравадой, что он отсидел, там, один, два, три дня. И что он теперь крутой, гораздо круче, чем был до этого».

Милиция вела работу в школе, поскольку участники группировок были в основе своей школьниками. «В нашей школе была очень суровая такая дама Валентина Ивановна Шутихина. Это была маленькая хрупкая женщина, а-ля Людмила Гурченко, но очень бойкая. Полностью соответствовала своей фамилии Шутихина, шутки у нее были такие, что валялись все.

Она была из детской комнаты милиции, знала всех в лицо, с каждым была знакома, со всеми его проблемами, ходила к

ним в гости домой. И она действовала так, что она вникала в проблемы каждого, начиная с самых активных и отъявленных, и заканчивая теми, кто вообще туда попадал [случайно]. И позиция у нее была такова, что она болела за них. Понятно, что она была главной грозой всех местных авторитетов, но она была главным защитником. И к ней относились очень уважительно. Она была таким представителем власти, милиции на месте».

5. Пацаны и «чужие».

По оценке Сергея, неприязнь к кому-либо со стороны группировки, как правило, была обусловлена его личными качествами, а не принадлежностью его к какой-либо группе: «Если [только] у кого-то из членов группировки были какие-то личные счеты с кем-то конкретно, относящиеся не к этой группировке. А групповой неприязни не было, не припомню». В частности, отсутствовала неприязнь по национальному признаку: «еще так вопрос не стоял, не было такого».

Об отличниках: «Если ты нормальный адекватный отличник, к тебе тоже нормальное отношение, если ты не ботаник и не букварь. [Адекватный отличник это] тот, которому по барабану все эти оценки, это не является самоцелью, не является вообще главным в жизни. Главное в жизни – друзья и двор. Школа – это просто для нормальной деятельности нервных клеток, поддерживать просто себя в готовности и всё. Чтобы идти в школу и не дрожали коленки как у некоторых, идешь и всё, и радуешься». Впрочем, пацанов-отличников в школе практически не было: «Девочки были отличниками».

О «ботаниках»: «Они живут своей жизнью, если они не мешают жить группировке, если они не надевают яркую фирменную одежду, то кому они нужны». Если же ботаники одеваются модно, одежду могут отнять: «с ними, да, ведется работа». «Ботаник должен быть, в первую очередь, не очень

хорошо физически развит, это было сразу видно по его походке такой, по отрешенности взгляда, да и так как все учились в одной школе, все примерно знали, кто есть кто».

Не было актуальным также понятие лоха: «Были какие-то отдельные недоумки, но лохов не знаю. Были отдельные уже люди, наши сверстники, ну, может, немного старше, немного тронувшиеся рассудком. Ну, один там Лева Портнов, его лев укусил в третьем классе, и он тронулся рассудком. В зоопарке он решил покормить, руку в клетку засунул, лев его и оттяпал. Но это не лох, это просто немножко неумный человек. Или там у нас Гера был, тоже имена-то такие, он был похож на Зверева, с такими же манерами, с таким же голосом. Его тоже воспринимали как человека, отдельного от всех».

Не было противостояния с «неформалами»: «Получалось, что у нас неформалы и были частью группировки, потому что это сейчас как-то неформалы отличаются от простого криминального мейнстрима. А тогда – ну что такое неформал? Ну, тот, кто выкрасит волосы. Ну, оденет, там, косуху в заклепках. Это и есть самый благодатный контингент для группировки. В Центре, может быть, неформалы были другими. Там могли быть отморозки богатые, которые никак не подходили под группировочные стандарты. Такие безбашенные товарищи, которым в жизни всё давалось легко, и не заложилось стержня в голове».

Гомосексуалистов в районе известно не было, и поэтому вопроса об отношении к ним не стояло. Впрочем, известно было о насилии гомосексуального характера: «Гомосексуалистов не было среди наших сверстников, могли быть только, наверное, постарше, которые сидели. А наши сверстники, ну да, они могли давать насильно в рот другим сверстникам более слабым или вообще маленьким детям, были и такие, насильно именно, но это еще не говорит об их ориентации, это говорит о том, что это просто отморозки сексуальные».

О практике денежных поборов с «не-пацанов» Сергеем неизвестно, но он, в принципе, не отрицает такой возможности: «Наверное, ботаники и были».

Справедливо суждение, что пацан ищет конфликт преимущественно со сверстниками, но объясняется это так: «Ну, конечно, со старшими – это вообще нерационально искать конфликт – либо со своими, либо с младшими. С младшими конфликт – как повод для агрессивного вымогательства и прочего».

Несмотря на сказанное выше, практиковались нападения на заведомо младших посторонних с целью отнять ценные вещи или деньги («Конечно, все детские годы практиковалось»). Нападали на улице, например, «если он один или если они двое, но они помладше, разница ведь огромная, даже если год разница. Это сразу видно». Приемы разводки были «в основном прямые, без всяких там отхождений и увиливаний. Выворачивайте карманы и гоните всё, что есть». Но при этом считалось «высшим пилотажем», если жертва отдавала вещи или деньги сама. Ошибочным поведением для жертвы было следование указаниям нападающего: «Ну, жертва если идет и делает то, что ее просят, это уже ошибка, наверное. Даже если у тебя пустые карманы и тебя просят их вывернуть или просят тебя попрыгать (раньше же деньги в основном были металлические, и они действительно были деньгами, поэтому просили попрыгать). Но даже если у тебя пустые карманы, зачем прыгать? Что, заяц что ли?»

6. Межгрупповые конфликты.

Как уже говорилось, на первых порах «санитары» не могли противопоставить соседним группировкам серьезную силу. К этому времени относится запомнившаяся Сергеем экстремальная ситуация, связанная с сильной группировкой «Тридцатка»:

«Ее боялись все. Если “Тридцатка” куда-то пришла, то всё, мочили всех. Потом у этой “Тридцатки” появились свои

какие-то символические признаки, они любили ходить драться в черных брюках и белых рубашках, в чем-то походило на нацистов, и день рождение “Тридцатки” был 20 апреля, в день рождения Гитлера. Как-то всё это перемешивалось, потому что они, подобно каппелевской армии, шли в психическую атаку по чужой улице, проходили маршем вот в этом облачении, чем, скорее всего, вполне деморализовывали соперников, потому что действовало страшно, со стороны это очень здорово смотрится. Численность таких групп была минимум человек 30, но до 100 и больше. Это зависело от того, какова цель вылазки, и от серьезности ее подготовки.

Такая группировка шла однажды мимо нашего двора. Если она идет, все тихо сидят и не дергаются, и не вякают. А у нас был один псих, вот этот фарцовщик, который пятью годами ранее продал мне коньки. Мы сидели на скамейке, никого не трогали, мы еще никогда ни в чем не участвовали, в серьезных этих делах. Просто сидели и смотрели, как марширует эта армия рядом с нами во дворе пятиэтажного дома. Значит, три одноклассника и этот Виталья. Он был старше на три года, и он жил в этом подъезде на четвертом этаже. И вот когда они маршировали строем, Виталья закричал: “Тридцатка козлы!”. И убежал. У нас была какая-то доля секунды, чтобы посмотреть в глаза всей этой “Тридцатке” и предпринять какое-то действие. Естественно, Виталья они не видели, они видели нас троих, сидящих на этой скамейке. Через пару сотен доли секунды мы побежали в этот же подъезд, потому что Володька наш жил на пятом этаже этого подъезда. Когда мы бежали по третьему, “Тридцатка” уже была на первом этаже. К счастью, их было очень много, и они друг другу могли мешать. В общем, добежали до пятого этажа, у Володьки ключа не было, стали звонить, там никто не открывает. И закрыли дверь за собой буквально когда их авангард уже бежал с четвертого на пятый этаж. К счастью, напротив двери Володькиной была лестница на чердак и, наверное, нас спас-

ло только то, что они подумали, что мы убежали на чердак и закрыли за собой дверь, потом что они туда очень долго ломались, стучали в эту крышку люка, которая ведет на чердак, орали, матерились на весь подъезд. Если бы они видели, в какую квартиру мы забежали, этой квартиры точно не было бы сейчас. Сестра у него – она, может, секунду открывала, но для нас эта секунда – полжизни длилась, потому что эта секунда была последней в жизни, по крайней мере, здоровой жизни».

Со временем группировка «санитаров» укрепилась, «поэтому пришло время, когда “Тридцатка“ не смогла так разгуливать по нашей улице, потому что у нас образовалась своя группировка, у них там был свой паровоз, своя иерархия, они между собой уже договаривались».

Уличные группировки «воевали все со всеми. Иногда договаривались, создавались коалиции. То есть группировки одного района объединялись для похода в какой-то еще другой район. Ходили на Центр, еще на Машиностроитель. Для похода на Центр объединялись с “Тридцаткой”, то есть со своим районом». Более масштабных объединений с другими районами не производилось – «это очень сложно, это уже такая крупнокалиберная политика».

Центр же города на районы походов не устраивал: «Центр – он активно действовал в своем районе, Центру приходилось защищаться, потому что там было очень много детей такого среднего уровня достатка, может быть, даже высокого. Это, как правило, отморозки, но среднего уровня достатка, характерного для сталинских домов. Их там было много, и они, прежде всего, контролировали эту часть города. А Центр – это часть города, через которую проходят вольно или невольно участники других группировок, которых издали было видно. Знали всех в лицо, при том, что счет шел на сотни человек, город-то маленький всё равно. Так же как вы в своем полумиллионном городе знаете очень много лиц, узнаете их каждый день на улице, примерно

так же, видно, что идет гопник, по лицу видно, не по сим-волам, а по лицу».

Некоторые группировки могли выставить на драку более ста человек (не считая ситуаций, когда несколько группировок объединялось). Впрочем, численность была не единственным фактором победы: «При массовых драках большие количества иногда компенсировались, при хорошем качестве можно было побеждать и в полтора, и два раза превосходящую группировку».

Драки с другими группировками происходили примерно раз в месяц, по разнообразным причинам («из-за кого-то конкретного, кто-то там неправильно пообщался с представителями другой группировки и всё»)

Часть конфликтов между группами происходила случайно и не имела продолжения: «Идет одна группа, встречает другую случайно и завязывается драка». Бывали и длительные «войны»: «Ну, постоянно вот есть непримиримая часть соперников, с какого-нибудь Машиностроителя, с другого конца города. Какой смысл искать с ними мир или общие интересы? Поэтому они и являются постоянным соперником». Назначенные заранее драки проводились на нейтральной территории. О местах проведения драк договаривались «паровозы», предварительно попытавшись урегулировать конфликт».

Ущерб после драк: «Отбитые кулаки, побитые лица и отбитые яйца. Многие лишились своих функций, кто-то с одним яйцом остались. Это профессиональное».

Имели место драки, в которых противники ничего не имели друг против друга, это были спонтанные драки.

В случае конфликтов о стрелках договаривались паровозы. Для стрелок выделялись «места, как правило, либо заброшенные, либо не окультуренные, было много строек рядом. У нас всё просто решалось – окраина города, дорогу перейди и тут лес, поляны, пустыри, овраги. В любой группировке есть человек, который выступает в роли дипломата. Обычно это паровоз».

Примирения в «войнах» обычно происходили при появлении третьего противника, «против кого-то, примиряются ради общей цели».

На улице были случаи убийства. «У нас одного близкого товарища зарезали, он учился у нас на два года старше нас, мы были в 8-м, а он в 10-м. Он умер на нашей улице, лежа в грязной луже, с распоротым животом, умер только потому, что к нему никто не мог подойти поздно вечером, потому что страшно было».

7. Закономерности проведения драки.

На просьбу описать, как можно задирать человека, Сергей привел такой диалог: «Ты чё тут ходишь?» – «А ты чё?» – «А ты чё?» И всё, и вперед. «А ты не чё!» Были люди, которые придирались наиболее красиво: «Да, просто есть в любом коллективе самые красноречивые, которые всегда найдут претензии к другим». Таких людей не то, чтобы уважали, но «такой нужен был».

Во время драки в начале строя находились самые сильные: «Просто самые здоровые идут впереди и косят среднюю траву, а за ними уже те, кто поменьше». Участвовали младшие по возрасту, если им позволяла физическая подготовка. А вот девушек в драке никогда не было: «Были желающие, но не участвовали».

Сам Сергей участвовал в драках нечасто, «случайно». Свои ощущения описал так: «непонимание общей тактики и ощущение такого хаоса, когда нужно отмахиваться и думать о себе». Одна из таких драк произошла во время уже упоминавшейся ситуации, когда в школу на дискотеку пришла большая группа другой группировки. «Обычная дискотека, круг одной группировки, круг другой, вот как два мыльных пузыря – они давят, давят, давят друг друга, потом всё это лопается и перемешивается. Это была просто драка без системы. Конечно, были дискотеки, когда одна группировка знала, что там будет другая группировка, и шла на конфликт. Но здесь я не могу ска-

зять, что это была запланированная акция, как это бывало, когда идет стенка на стенку. Причем в данном случае как раз я оказался на острие этого пузыря, когда спинами буквально давишь потенциальных противников, своей спиной чувствуешь уже чужую спину, буквально наступают на ноги».

Позже, когда Сергей уже учился в институте, он подвергся нападению. «Очень, очень пьяные представители одной из группировок городских, территориально ориентирующиеся на ближайшее кафе под названием “Ошмес”, ходили и всех спрашивали, “Ошмес” уважают или нет? Они спрашивали попутно уже с первым ударом, просто все разбежались, а я решил не бежать. Били сильно, а когда я на ногах не устоял, просто прыгали на голове и всё. Сколько их было – я не разобрал, там темно было, все фонари были выключены. Посчитал я их потом, когда сознание потерял, сверху их всех увидел, да посчитал, что их было четверо».

Ношение и использование холодного оружия не приветствовалось: «Даже если были ножи, то ножи какие-нибудь складенчики или с кнопочкой, не для использования в драках, а для самозащиты, на крайний случай». Но иногда использовались кастеты и нунчаки. «“Нунчаки”, мы их звали просто “чаки”... Это ж была эпоха первых видеосалонов, преобладали фильмы с Брюсом Ли, с Чаком Норрисом, всех можно перечислить. И у Брюса Ли это было любимое оружие, наверное. Две такие тяжелые палочки склеенного дерева, сцепленные цепями. Бывало, что с ними ходили. Но с кастетами чаще».

После драки принято обсуждать ее с товарищами, хвастаться. Причем это касается как победоносной драки, так и неудачной – «кто же знал, что она неудачная».

8. Внешний вид.

На вопрос, было ли пацанам свойственно определенное щегольство, Сергей ответил: «Обязательно, занимались этим с утра до вечера».

В качестве примера уличной одежды Сергей описал дресс-код 1988 года.

«Интересный, кстати, был год, может, потому что он был високосный, может, потому что нам было по 14 лет. Тогда мы активно начинали танцевать – это был очень активный год в музыке. Я даже до сих пор могу его выделить; в поп-музыке – это отдельно стоящий год. Нам всё это казалось новым, казалось, что это мы познаем мир; многие поп-артисты сделали этот год таким плодотворным. В одежде тогда был вот какой комплект.

На ногах тогда обязательно должны были быть кроссовки “Adidas”, других тогда особо и не было. “Adidas” могли быть либо замшевые с тремя полосками, в основном синие, редко красные, взять их можно было только по большому благу – достать через отдельных спортивных функционеров. Кто-то там рассказывал, что случайно купил в Москве, но я в эти сказки не верю. У меня был самый крутой друг Андрей, у него папа был глава спортивного комитета одного из районов, очень активный комсомольский, партийный деятель, у него были “адики на колесах”. “Адики на колесах” – это такая разновидность: из натуральной кожи, синие кроссовки; ну, и на колесах, потому что у них была такая сложная подошва, и в передней и задней части у нее были выступы, похожие на колеса. Ну и эти кроссовки были выше; естественно, человек казался в них выше. “Адики” – это просто самая крутая обувь. Были, конечно, там, “Puma” всякие, но это было редкостью. В волейбольной сфере у нас совсем уже большой редкостью были “Asics Tiger”, совсем уж крутые кроссовки, это была узкопрофессиональная обувь, купить и достать ее было невозможно, ее можно было только увидеть на фотографиях наших волейболистов сборной СССР. Увидеть их в жизни... Я увидел однажды у товарища из другой школы, у волейболиста, но ему дядя привез, у него дядя был один из лучших волейболистов мира в свое время, в сборной СССР, поэтому он мог себе позволить, в самом

деле. Поэтому “Adidas” – это такой вариант, который из возможно доступных был самым крутым.

Джинсы. У них иерархия шла из глубины советских времен; понятно, нам казалось, что самыми крутыми были джинсы “Montana”. Почему? Потому что у них была строчка из трех швов, вот они и самые крутые. Стоили-то они все одинаково – 100 рублей. Ну, “Montana”, “Rifle”, отличали мы их по форме шва на заднем кармане издали. Джинсы – это было круто.

Кофты-олимпийки. Вообще, если у тебя есть эластиковый костюм, то ты в жизни чего-то достиг, и в этом костюме ты можешь ходить круглые сутки. Можешь ходить в школу, тебя там будут уважать; можешь одеть школьную форму и спортивную эластиковую кофточку. Тогда еще не было спортивной х/б-шной одежды, которая появилась позже, из натуральных материалов. Эластик был самым крутым вариантом.

Олимпийки были синие. Господи, с вариациями, потому что самый классический костюм (“Adidas”) – это темно-синий костюм абсолютно без всяких там композиционных материалов, и три полоски на рукавах, с трилистником “Adidas”. Если этого трилистника нет, а у тебя какая-то подобная кофта – да Господи, взяли вот трафарет и нарисовали тебе белой краской. Рисовали на любой другой кофте. У нас с Жорой это получалось очень хорошо. Причем, не только трилистник, мы еще буквы умудрялись вырезать на трафарете достаточно аккуратно, а это очень сложно.

Два года, с 88-го по 89-й, были широкие брюки. Широкие брюки – это если часть штанины вы складываете, то их половина окружности должна была быть 33–35 см. Вот это широкие брюки. Их шили на заказ, каждый шел и шил себе.

Шапочки – «петушки», различались в зависимости от надписи. Но в целом по головным уборам это было уже не так принципиально – тогда, в 88-м году, появились кооперативы и бабушки делали шапочки абсолютно любые. Допус-

тим, прошла Олимпиада в Калгари, появились шапочки с надписями “Canada”, “Calgary”, и это лет на пять растягивается, потому что бабушки – они хоть и способны реагировать быстро на конъюнктуру рынка, но, тем не менее, у них старые запасы, лекала лежат. То есть надписи не определяли крутизну. Ну, там, “Turbo” напишут – и в клеточку будет шапочка, ну еще что-нибудь, “Consul”, “Adidas”.

Я думаю, главный признак крутости был – это иметь предмет одежды, находящийся в рамках какого-то заданного параметра (вот, «петушок», да), но с таким декором, что нет ни у кого. То есть пусть он не будет исписан всякими надписями, пусть он будет пустой, одноцветный, но на нем должна быть такая надпись, которой нет ни у кого. Вот это крутость! То есть вот эти лейблаки, вот это преклонение перед просто названиями. А что говорить, вот эта западная культура, маркетинговые дела – они четко создали из самих латинских литер целый дизайн. У нас в Советском Союзе этого не было, у нас писали как попало, у нас даже на супердорогих телевизорах и магнитофонах писали, черт-те знает как. Они думали, что чем кривее ты буквы напишешь, тем круче. Нашим дизайнерам было чужды вообще какие-то маркетинговые ходы. А западная маркетинговая стратегия – она сделала из литер латинских, из надписей элемент дизайна, который вплоть до конца 90-х владел умами всей молодежи, и готовы были носить одежду, куртку, футболку, штаны за одну надпись. Что угодно напиши, но напиши вот так вот, правильно».

Были определенные стили ношения головных уборов:

«На глаза натягивали, да носили как по линейке, чтобы горизонтальная ось глаз совпадала с осью прилегания шапочки к голове. Смотреть на мир-то было неудобно, но вот кто-то сказал, что так модно, и все так носили, неважно, что уши торчком. Мне кажется, что как раз так носили самые закомплексованные и забытые товарищи. Он прикидывался самым крутым, но если он носил так шапочку, то значит,

вот эти комплексы в нем сидели. А тот, кому всё было по барабану, носил шапку так, как хотел. Носили на макушке шапку как дембеля свои фуражки. Те, кто носил так, скорее были менее закомплексованными, чем тот крутой, кто натянул свою шапку на глаза».

«Самая крутая куртка – “аляска”. Были чешские куртки – «собаки» так называемые; либо синего, либо черного цвета из жатой болоньи с поясом с металлической пряжкой. Почему «собаки»? Не знаю, может быть потому, что у них такой лев, чешский элемент герба, был похож на собаку. Кожаные куртки начали появляться. Поэтому я в 14 лет нашел папину кожаную куртку, перешил ее немножко и стал носить.

Одно время были популярны черные широкие штаны. Потом пирамиды всякие появились. Это джинсы – сверху широкие, а к низу узкие, они появились в 89–90-м годах. Потом появились кепки. Почему-то как раз такого элемента, очень гопнического, характерного для молодежи, которую мы привыкли видеть тогда в кино (то есть молодежи, которая была ровесниками нашим родителям, там было много кепок), в нашем возрасте не было. Они появились уже в 89-м, 90-м. И то они не заполнили, по-моему, все потребности рынка. Мне тогда хотелось иметь кепку, но не было.

Военизированную одежду – всегда носили, ее и в школьные годы носили, если получалось, но просто ее не было. Если кому-то, там, от родителей что-то перепало, одевали.

Кирзовые сапоги я носил с класса третьего, мне нравилось. Мы ходили в школу юных летчиков, у нас там была своя форма. Это была просто разновидность школьной формы, но с отличительными регалиями и прочие дела.

Принято было гулять в старой школьной форме. Отрезали при этом рукава. Это была очень удобная куртка, похожая на джинсовку. Если тебе купили новую школьную форму, то ты этим летом можешь носить старую, потому что в следующем ты из нее вырастешь. Это было очень практично. То есть, вот пиджак школьный – очень хорошая вещь,

вполне, потому что у нас ничего другого-то подобного не было».

Хорошую одежду нужно было уметь защитить: «Добровольно редко менялись, просто хорошие вещи отбирали и всё, под каким-нибудь предлогом. И если ты ходишь в кожаной куртке, ты должен за нее уметь постоять. Когда у меня появилась кожаная куртка, были попытки ее снять: сначала дипломатически, потом физически, как угодно. На улице это нормально, вполне. Потому что одежда – это предмет, отражающий иерархию улицы».

В ходу были армейские ремни: «Ремни, да, солдатские, офицерские. Солдатский ремень – это вообще орудие в драке мощнейшее». В качестве оружия использовались цепи: «Цепи носили в кармане, да. Они большие настолько, чтобы поместится в грудной карман. Но это не для использования в драке, а для защиты. Для отмахивания от каких-то там случайных [нападений], ну для стычек».

Шарфы носились по-особому: «Поверх куртки завязывали впереди, ворот как бы обвязывали и впереди завязывали».

Популярны были телогрейки: «Фуфайки в полоску? Да, но это не было каким-то предметом культа».

Были распространены прически: спортивная, ёжики, площадка, полубокс; длинных волос не носили.

Имидж «санитаров» не отличался от имиджа других группировок. Среди прочих выделялась имиджем уже упоминавшаяся группировка «Тридцатка», использовавшая элементы нацистской эстетики: «У них всё как-то было похоже на нацистов. Прически, там, прилизанные назад». Униформой «Тридцатки» были черные брюки и белая рубашка.

Не припомнив особых ритуалов, способов походки, движений, Сергей отметил рукопожатие как форму приветствия: «Мальчики годам к тринадцати начинают здороваться за руку. Это такой период социальной адаптации, можно сказать. Люди учатся здороваться. А ведь это не просто так – подойти и поздороваться. К этому надо привыкнуть, через

это надо перешагнуть – здороваться с незнакомым человеком, например. Поэтому в этот период каждое рукопожатие – оно что-то значит, это серьезный шаг. Потом к этому все привыкают, мы можем здороваться сколько угодно сейчас, даже если не придаем этому такого значения, какое придавали в юном возрасте».

Как обычно, члены группировки называли друг друга по кличкам: «Клички были у всех, это обязательно. По именам, конечно, обращались, но клички были важнее».

Каких-либо опознавательных знаков в одежде для драки не делалось, потому что все и так знали друг друга в лицо. Некоторые группировки изготавливали собственные значки. «У “Тридцатки” был значок три икса – скажем так, три римских десятки. Яркий значок такой, большой. У нас, у “санитаров”, был красный крест».

Отмечаются и следующие особенности поведения уличной молодежи: «Они всегда любят плевать, потому что много курят, и громко разговаривают, потому что если кто-то сказал что-то смешное, надо смеяться всем. Надо громко кашлять, потому что это в сознании у молодых и всегда простуженных гопников сидит, что чем громче он будет кашлять, тем сильнее он будет отпугивать от себя, как собака маленькая, всякую нечисть. Замечали, наверное, вот идут люди и кашляют как собаки, просто как собаки, широко открывая рот, – это инстинкт, собачий, дикий инстинкт. Не кашлять, в трубочку зажав кулачок, это же по-интеллигентски – я буду кашлять на весь двор. Причем они ведь не туберкулезники, а просто вечно простуженные, потому что постоянно стоят в тонких кроссовках слишком долго и шатаются по улицам долго, потому что нечего делать».

Собственного стиля танцев не было. «Да, танцевали-то как, Господи, не сильно размахивая ногами и руками. Танцы тогда походили больше на хождение на одном месте. Движения были самые простые: ну, топтание на месте, ну, там, кручение руками, ну, перетоптывание ногами влево и впра-

во». Принято было танцевать кругами, иногда кто-то выходил танцевать в круг. Круги образовывали совместно (и парни, и девушки): «Это такой возраст, когда все должны танцевать, всё должно быть вперемежку, а иначе нет никакого интереса танцевать. [С.Д.: И парни танцевали?] Да, конечно, обязательно. Там, эластиковые олимпийки, застегнутые доверху, черные брюки...»

В качестве особенности танцев того времени было названо исполнение на дискотеках брейка: «Но было модно, конечно, заниматься брейком, было такое, кто-то выходил, крутил брейк на полу. У нас в школе, но не только у нас, а в любом культурно-спортивном центре, были секции, мы занимались самбо. Самбо у нас вел учитель истории. А параллельно с самбо те, у кого получалась такая акробатическая часть восточных единоборств, крутили брейк без проблем. Поэтому они вносили разнообразие в танец. И можно было аплодировать подолгу, совещаться, и поэтому танец приобрел некую ритуальность. Смысл, глубокий, причем, очень смысл».

9. Пацанские понятия.

Ознакомившись с предложенным списком норм поведения пацана, Сергей отметил несущественность некоторых из них для своей компании. Так, по его оценке, возможным было отказать своим в защите, не ездить на общие драки, уклоняться от вызова на драку, нападать на меньшую по численности группу.

Сотрудничество с милицией «было допустимо, но абсолютно не приветствовалось». В случае задержания не зазорным было отмазываться, «тут уж каждый как мог»; и это потом не осуждалось, «это ж общему делу никак не грозит».

Нехорошо было проявлять агрессию против девушек и против молодых людей, идущих с девушками: «Это табу; молодых людей трогать нельзя, но если он девушку проводил и остался один, то – он остался один, всё».

О правилах проведения драки с противником заранее не договаривались, эти правила подразумевались автоматически. Так, лежачего не били («хотя били, конечно же, но это не приветствовалось»), а вот правила «драться до первой крови» не придерживались («какая там первая кровь, там много крови было»).

Тех, кто провинился, нарушил правила, «просто били с большим усердием, потому что он в моральном плане сам опускается», но бойкотов в группе не объявлялось.

Под понятие «беспредельщики» (это слово уже было в ходу) попадали «как раз те, которые безбашенные; могли своровать что-то (то есть заниматься этим регулярно), в том числе у своих, маленьких использовать».

Усвоение традиций происходило постепенно, «это же не прописная наука».

К спортсменам в группировке не было однозначного отношения, к каждому – индивидуально. При этом Сергей согласился с положением, что «кто занимаются серьезно спортом – к хулиганству не очень склонны».

10. Гендерные установки и отношения.

В детстве общение происходило исключительно в мальчишечьем кругу. «Девушки появились в третьем-четвертом классе в виде пробуждающегося интереса, и под предлогом школьного театра или еще каких-нибудь мероприятий даже возникали романтические отношения и даже возникали драки между собой, дележки, какие-то там выяснения отношений».

Степень уважения по отношению к разным девушкам была различной, «всякие же есть девушки. К нормальным – [отношение] нормальное, к таким мочалкам – соответственно».

Мнение о конкретной девушке формировалось с детства, «девушки же к 14 годам достигают половой зрелости. Уже четко разделяются на порядочных и непорядочных».

На положительное отношение к девушке влияли: ее внешняя привлекательность («конечно, это главное»), прожи-

вание на территории группировки, дружба с авторитетным пацаном. Чтобы пацан хорошо относился к девушке, она должна была «в первую очередь иметь свое лицо, свою честь и не быть при этом ботаничкой». Никакого влияния на отношение к девушке не имели степень ее образованности и успехи в учебе. Имело значение умение девушки одеваться, «конечно, от этого многое зависело, но мы и сами не имели возможности нормально одеваться, вообще не имели возможности одеваться». Поэтому умение одеваться модно шло девушке в плюс, но таких «было очень мало».

Девушки общались с пацанами свободно, не допускали их только на сборы и драки.

В случае конфликтов между районами девушек «как правило, не трогали. Но в любой группировке своя социальная природа, всякие там бывали».

Если парень гулял с девушкой из другого района, это накладывало на него обязательства перед пацанами из района девушки, ему предлагали вступать в группировку, но он мог и согласиться, и нет, «каждый сам выбирает свой путь». Вступление в чужую группировку, хоть и имело плюсы (можно было спокойно ходить по району девушки), в собственном районе это могло восприниматься как предательство.

Девушка имела право предъявлять пацанам определенные требования, «чтоб при ней не курили, например. Но если девушка сама всё время с пацанами крутится, то она уже сама курит больше всех». В принципе, такие требования могла предъявить любая (не только уважаемая) девушка, «но будут ли ее слушать, это уже другой вопрос».

Большое значение придавалось наличию устойчивых связей между пацаном и девушкой: «было четкое понятие – “чья” девушка, “чей” парень». Отношения внутри пары считались личным делом двоих, например, если пацан бил девушку, это не то что разрешалось, а понималось как способ воздействия в межличностных отношениях близких людей.

Не было замечено серьезной ответственности пацана за поведение его подруги, «это его проблемы».

Могло происходить постепенное втягивание девушки в жизнь группировки, что было связано с повышением ее доступности: «Они же сами искали в защите и, участвуя в такой дворовой жизни, становились всё менее порядочными».

Существовали «общие» девушки, практиковался групповой секс с ними («каждый по очереди»), но секса для новичков (как ритуала вступления в группу) не предполагалось. Как проститутки такие девушки не использовались («еще возраст то такой»).

Относительно первого сексуального опыта у пацанов: «Ну, к годам 16, по крайней мере, первый опыт должны были получить уже все. А как, и сколько раз, и насколько регулярно, это уже как получалось». Вероятнее всего, факты приукрашивались.

Известны попытки создавать женские группировки: «Ну, они пытались что-то такое делать, была часть девушек агрессивно настроенных. Но у них ничего не получалось. Они, в основном, выясняли отношения между собой и другими девушками».

11. Дальнейшая судьба.

Нельзя сказать, что участие в группе являлось ступенькой во взрослый криминал, «в основном нет, для многих это было просто частью юности. Стали рабочими, по крайней мере, заняли место, адекватное способностям. В вузы пошли немногие. В криминал ушли только самые активные, кто этого хотел, кто к этому стремился».

Однако если рассматривать наиболее активных участников группировки, то на настоящий момент примерно половина из них погибла, другая половина – отсидела («от безысходности и от отсутствия альтернатив в начале 90-х»). «Многих уже к 20 годам не было, кто-то сидел, кого-то не было. Мой лучший друг по школьным годам Ринат (ну, я надеюсь,

что я был его лучшим другом) – он единственный из этой полукриминальной сферы (да не полу-, а абсолютно криминальной сферы) как-то сохранил свое лицо, остался самим собой, потому что какое-то достоинство личностное есть. И ему не нужно никому ничего доказывать, потому что люди, конечно, имеют множество комплексов, уходят в криминал, всем чего-то доказывают. Ринат, он стал простым рабочим, он был самым высоким, самым сильным, объективно говоря, никого не боялся».

Сергей рассказал еще об одном своем друге: «Яркий пример у меня был один из лучших друзей – Сашка, он был круглый отличник, он был умнее меня гораздо, любимец всех девчонок с первого класса, красавец, всё схватывал на лету буквально. Но у него была проблема, у него родители никогда не давали выходить за границы двора. Мы бегали вокруг двора, уходили на поляну, а он был очень послушным товарищем первые годы, он доходил до определенной черты и не мог дальше, не мог идти. Кончилось это тем, что он понял, как надо действовать, близко сразу подружился с “паровозом”, главным местным авторитетом, стал его, там, правой или левой рукой, наплевал на своих родителей и позволял себе всё, что хотел. Он забросил школу, и у меня до сих пор осталось в альбоме страница из тетради, которую он вырвал и написал: “Сережа, я ухожу из школы, это мой последний урок”. И вот эта страница у меня в альбоме, почему-то хранится со школы. И этот комплекс полноценности и правильности, который, наверное, в нем сидел, дал совершенно отрицательный результат. Он понимал, что хозяева жизни – вот они, те, кто может позволить себе всё, которые не боятся никаких преград в жизни, и надо держаться их. И он сам стал одним из них, сам стал авторитетом. Ну и он закончил жизнь в 20 лет. Его нашли дома, абсолютно раздетым, в одних плавках, с пробитой головой и с пистолетом в руке. Говорят, что это не было самоубийством, что его застрелили. Но мне так не показалось. Когда мне об этом

сказали, я вспомнил, что несколько ночей подряд перед этим он мне снился, и он меня очень просил ему помочь. Но у меня как-то были свои дела, я учился в университете. Мы уже жили в центре, мы уже не общались так. И я почему-то понял, что, скорее всего, это было самоубийство, потому что оно было предчувствовано на очень глубоком уровне, настолько глубоком, что все его мысли достаточно четко отложились у меня, может у кого-то еще. Он мне часто снится. Можно сказать, всю жизнь снится. И всегда снится как абсолютно живой, и никогда, ни в одном сне я не заподозрил, что это сон, что я сейчас проснусь, и ни в одном сне я не усомнился, что он не умер, как это бывает со многими умершими. А еще, почему эти сны пришли и он просил помочь. Потому что эта история произошла 30 декабря, за день до его двадцатилетия, а осенью мы с ним случайно встретились, и он сказал, что хочет поступать на юридический, и спрашивал, могу ли я ему чем-то помочь. Но я не знал, чем ему помочь, я сам был студентом, с профессорами, тем более относящимися к юрфаку, у меня не было никаких контактов».

Ульяновск. Чехия. 1999 год

Интервью проводилось в декабре 2008 года с **Сергеем Н.**, 1984 г.р. Имеет высшее образование.

Интервьюер – **Нянюкин Азат Рашидович.**

1. Общие сведения.

Уличная группировка под названием «Чехия» (район улицы Нариманова) была создана, по словам респондента, более 10-ти лет назад. В пятнадцатилетнем возрасте Сергей попал в эту группу через школьных друзей. Общее увлечение бодибилдингом, или, проще говоря, «качалкой» в то время было популярно среди молодежи. Так как городские группировки были поделены по территориальному принципу, район, где проживал Сергей, относился к данной уличной группе.

В то время насчитывалось около пятнадцати действовавших уличных групп: Польша, Чехия, Офицерье, Сапля, Сухаревские, Кузинские, Стародаманские, Пятнаревские, Песковские, Центр-Камаз, Центровские, Филатовские, Воинские, Чеченские. Эти группы нередко враждовали между собой. В группе «Чехия» состояло в активе до двухсот человек, хотя в некоторых группах количество членов доходило до двух тысяч. Это в основном юноши в возрасте от 13 до 19 лет, дети из семей со средним и малым достатком (например, в семьях рабочих заводов, учителей, врачей), а также в неблагополучных семьях.

2. Локализация и повседневность группы.

Запретов на прохождение через улицу Нариманова (территорию группировки) посторонних нет, за исключением случаев, когда «существует угроза расправы со стороны гостей или давняя вражда к ним».

Общие сборы проходили три раза в неделю на стройке, в вечернее время. К таким сборам не допускали девушек и наказывали битьем тех парней, кто не пришел. Данный вид

наказания не был слишком суровым (исключались удары по голове).

Спортзал посещали регулярно, 2–3 раза в неделю.

Общим пристрастием в музыке был шансон, в частности композиции М. Круга.

3. Структура группы.

Группировка состоит из молодых людей примерно одного возраста; есть иерархия по возрасту и по авторитету.

Лидер «Чехии» – Боцман. Являлся «старшим» и приближенным к криминальным структурам. Руководил сборами и вел переговоры со «старшаками» других групп. Обладал умением разрешать возникающие конфликты и пользовался большим авторитетом среди чужих и своих, имел более агрессивный вид и мускулатуру, чем выделялся среди остальных членов банды.

Предложенные лидерские качества Сергей выстроил следующим образом (по убыванию): 1) связь с криминалом; 2) агрессивность; 3) умение разрешать конфликты; 4) физическая сила и ловкость; 5) справедливость; 6) деловая хватка.

4. Криминал.

Имела место деструктивная деятельность: «Били машины, грабили прохожих, избивали школьников».

Вербовки в ряды криминала не было, хотя старшие имели связь с криминальным миром, некоторые бывали в заключении. Один раз в неделю сдавались членские взносы, которые впоследствии передавали на зону.

5. «Свои» и «чужие»

«Чужими» считались молодые люди из других группировок. Жертвами уличных расправ гопников становились ботаники и лохи примерно такого же возраста. Члены группы подстерегали и преследовали их, пытаясь оскорбить, унижить, избить и ограбить. Основными причинами неприязни к своим

жертвам у гопников являлись: слабость, незащищенность, трусость, неспособность за себя постоять, личная нажива. «Лох – тот, кто позволяет себя оскорблять»; «ботаник – главное учеба для него, он забитый и не может за себя постоять».

В группе практиковали разводку лохов, которых определяли на улице по внешнему виду.

С сексуальными меньшинствами и неформалами не имели дела. Практики денежных поборов по отношению к «не пацанам» нет. Неприязни по национальному признаку нет.

6. Межгрупповые конфликты.

Столкновения с другими уличными бандами проходили в парках города, либо на вечеринках в кафе «Презент», находившемся в центральной части Ульяновска.

Столкновения с другими группировками были редки. Чаще всего конфликт происходил «по пьянке» в кафе: «Из-за всяких мелочей. Цеплялись к словам, в случае раскола забивали стрелу. Намеренно толкали локтем, чтобы развязать драку; смех, провоцирующий на резкие эмоции, вызывающий неприязнь». Такие конфликты не были продолжительными.

Иногда происходят и длительные конфликты. В драках «инвалидность и убийства бывают».

Возникало противостояние с соседней группой «Офицерье» с непосредственным участием Сергея. Его дворовые друзья состояли в группе «Офицерье» и предложили ему перейти к ним, взамен обещая свою «опеку». Но Сергею не хотелось переходить на их сторону. По уличным законам нужно было решить данный вопрос сходкой двух групп, но «стрелка» не состоялась. Постепенно конфликт стихал, и в дальнейшем никаких действий не предпринималось.

Обычно все возникающие проблемы решались «старшими» групп и до драки дело доходило редко. Такого рода переговоры чаще всего заканчивались перемирием. Мирный путь разрешения конфликта считался самым приемлемым в группировках, но «беспредел» тоже встречался.

7. Закономерности проведения драки.

В драках со сверстниками из конкурентных групп не исключено было применение оружия (ножи, кастеты, арматура и т.п.), использование которых оговаривалось заранее.

Сергей отметил, что в драках испытывает «злость», но привычки к дракам у него не выработалось: «Не знаю, не привыкал. Это как увлечение от безделья или просто [чтобы] пообщаться с пацанами».

8. Внешний вид.

Типичный внешний вид участника группировки включал спортивную одежду темного или черного цвета, вязанную черную шапку-«пидорку» и кроссовки. Было принято коротко стричься. Такой облик был типичен для разных группировок.

Чтобы опознавать своих в драке, снимали шапки.

Сергей признал, что участникам группировки свойственно определенное щегольство.

9. Пацанские понятия.

В группировке не приветствовались:

- трусость при драке или уклонение от драки;
- пособничество правоохранительным органам;
- проявление агрессии по отношению к девушкам и пенсионерам;
- попытки отмазаться от обвинений в случае задержания милицией («я тут случайно оказался») и т.п.

Более опытные учат новичков, «как действовать в той или иной ситуации, как отмазываться в милиции и т.п.». Имеют место некие воспитательные методы внутри группы.

Хотя Сергей и отметил, что в группе нет ограничений на бесцельную агрессивность, но понятие «беспредел» определил так: «Когда “наезжают” без всякой причины и используют опасное оружие».

10. Гендерные установки и отношения.

Отношения с противоположным полом у молодых парней были серьезными не всегда. Встречались случаи, когда девушка использовалась только для совершения полового акта («Как у всех (любовь там...) или “чисто потрахаться”»).

Половой опыт и опыт любовных отношений у этой группы лиц был очень низок. Мнение девушек в группе мало что решало и чаще всего не принималось во внимание. В пользу девушки говорит ее соответствие «гоповскому» стилю («ей нужно разделять стиль гоповской жизни, походить на него и не отрицать его») и привлекательная, но не вычурная внешность.

Избиения девушек и прилюдного секса не допускалось, хотя по слухам, всё же бывали случаи такого обращения («Некоторые бьют, но вроде в принципе нельзя»).

Существовали и женские группировки, также выяснявшие отношения между собой («Пионерские» – самая сильная группа, «Монализовские»).

11. Дальнейшая судьба.

С годами подростки изменяются во взглядах и образе жизни. Кто-то отслужил, женился, переехал в другой город, поступил в вуз, устроился на серьезную работу: «Среди тех, с кем поддерживаю связь (это три человека) двое доучиваются в Школе высшей летной подготовки, один пришел с армии, работает на заводе».

Состоять в группировке модно, особенно в школьном возрасте. Это большая поддержка со стороны сверстников и старших, защищенность во дворе и даже престиж. Участие в группировке накладывает на подростков определенные обязательства, что объединяет их и укрепляет мужскую дружбу.

Москва. Западный округ. 2002–2006 годы

Интервью проводилось в августе 2009 года с **Николаем С.**, 1989 г.р.

Интервьюер – **Корженко Анна Леонидовна.**

1. Общие сведения.

Группа, к которой Николай имел отношение в 2002–2006 годах, насчитывала в общей массе до 100 человек и была организована по территориальному признаку – все участники проживали в одном из районов Москвы. Принадлежность к одной территории определяла молодых людей как группу: самоназвание соответствует названию района. Территория района «считалась своей, безопасной». Огромный плюс участия в группе заключалась в том, что Николай «мог пойти куда угодно в любое время».

В состав группы входили различные социальные и возрастные категории: от школьников и студентов до молодых людей, занимающихся различной трудовой деятельностью, в числе которых были и лица, отбывшие тюремный срок за нанесение телесных повреждений различной тяжести. Возраст участников колебался от 14 до 25 лет.

Взаимодействие с группой осуществлялось только при необходимости разрешения конфликтов с другими группами посредством драк. По словам Николая, большее количество участников не знали друг друга в лицо, и никакая деятельность помимо драки их не объединяла.

2. Локализация и повседневность группы.

Группа, которая собиралась вместе только для драк, состояла из меньших подгрупп, включавших по 10–15 человек.

Участники подгруппы Николая входили в категорию друзей, которые постоянно виделись, так как живут в соседних домах. Они вместе проводили досуг, посещали футбольные

матчи, отмечали праздники (обычно на квартире кого-нибудь из участников).

Характеризуя участников своей группы, Николай неоднократно отмечал, что «каждый человек – самостоятельная личность». Свобода для индивидуальности отмечается в отсутствии общего стиля в одежде, пристрастий в музыке; в группе болели за разные футбольные команды, и данный вопрос не поднимался во избежание конфликтов.

Отношение к музыке также было индивидуальным: «от националистических до попсы». Ценилось умение играть на гитаре. В компании Николая один молодой человек сочинял собственные песни. Специфического отношения к такому увлечению не было: «Над чем-то смеялись, чего-то нравилось».

К молодым людям с хорошей физической формой относились уважительно. Но это опять же дело личное. Исходя из той деятельности, в которой участвовали молодые люди, заниматься спортом было выгодно. «Кто занимался спортом – целым приходил, с меньшим количеством синяков и ссадин».

3. Структура группы.

В подгруппах имелся свой лидер. Николай считает, что утверждение «каков лидер – такова и группа» верно. Оценивая значимость качеств для лидера по десятибалльной шкале, Николай таким образом обозначил иерархию: ум, умение разрешать конфликты, справедливость – 10 баллов, деловая хватка – 9, физическая сила и ловкость – 8, связь с криминалом – 2.

Для того чтобы стать частью группы, никаких особых ритуалов не было. Новичок обычно оказывался в группе вследствие знакомства с кем-то из участников. Также были распространены случаи, когда молодой человек со стороны обращался к участникам группы за помощью в разрешении конфликта и в качестве благодарности впоследствии оказывал ответную помощь при необходимости (обычно приводил с собой и друзей), таким образом становясь членом группы.

По словам Николая, возраст молодого человека и стаж его участия в группе не имеют значения, «главное – качества человека, как он проявляет себя и относится к группе». В уличной группе воспитываются храбрость, азарт, надежность, самоконтроль, чувство собственного достоинства, верность слову («сказал – сделал»). Как утверждает Николай, проявление человеком указанных качеств ценилось в его группе и закрепляло за участником хорошую репутацию.

4. Криминал.

Как уже отмечалось, в «большую» группу входили люди отсидевшие. Но для широкой массы участие в деятельности группировки не предполагало связи с криминалом, если не считать драк.

5. «Свои» и «чужие»

Отмечена наибольшая неприязнь к представителям чужеродных этнических групп. Конфликт с такой категорией людей приводил к тому, что при возможности лицо «не славянской внешности ставили на деньги». В зависимости от рода занятий определяли сумму, которую можно получить. Каждая подгруппа лично занималась такого рода делами, подключать другие подгруппы не было необходимости ввиду того, что агрессия в большинстве случаев распространялась на одно лицо. Поскольку преследования такой категории людей осуществлялись намеренно, это сулило большие проблемы приезжим из других стран. По словам Николая, после уплаты указанной суммы человек старался поменять место жительства, переехать в другой район. Были случаи избиения лиц нерусской национальности, если не было возможности получить с них материальных ценностей. В противном случае: «Зачем калечить источник финансов, он же должен их как-то зарабатывать». Если после «откупа» человек сталкивался с компанией Николая снова и вел себя «соответствующе», более проблем у него не возникало. Больше всего молодых

людей раздражало, когда «они тарабанят по-своему» – лица другой этнической группы плохо владеют русским языком.

Крайне негативное отношение к гомосексуалистам, но конфликтов с данной категорией людей не наблюдалось.

Успешность в учебе не вызывала у участников группы желания проявить агрессию, Николай не отмечал в качестве жертвы так называемых «ботаников». «Бить слабого неинтересно, а выбивать из кого-то деньги от нечего делать – бессмысленно». Участники компании в большинстве своем имели возможность заработать другим способом. Николай говорит, что лично не присутствовал при процессе так называемой «разводки». Отнять материальные ценности могли в качестве наказания за несоответствующее поведение, но не в целях заработать.

Компания Николая старалась не осуществлять агрессию против представителей своего района, но были отмечены случаи, когда при соответствующем настроении первыми начинали конфликт, и коснуться это могло кого угодно. «Прицепиться можно к любому слову, вообще к любому». Направление агрессии подгруппой на одно лицо – редкость, но если поведение казалось им несоответствующим, человек «понтывался», следовало предложение: «пойдем, выйдем». Как утверждает Николай, если тот, кого задирают, соглашается «выйти» – это вызывает уважение и может свести драку на нет.

6. Межгрупповые конфликты.

Каждая подгруппа могла обратиться к другим подгруппам своего района для финансовой поддержки и помощи в разрешении конфликтов в любое время. Связь осуществлялась по телефону. Николай отмечает высокую организованность группы. В зависимости от месторасположения намеченного мероприятия, молодые люди вызванивали участников тех подгрупп, которые быстрее смогут добраться до места. Соответственно, состав участвующих в драках постоянно варьировался сочетанием различных подгрупп. Посред-

ством телефонной связи возможно было собрать до 60 человек для разрешения какого-либо конфликта в течении короткого промежутка времени: от 15 минут до часа.

Конфликты в основном происходили с группами из других районов, также организованными по территориальному признаку, с идентичным возрастным составом. В основном это были разовые конфликты. Отмечен долговременный конфликт с соседним подмосковным районом, так как представители этой группы в поисках развлечений попадали в район, где жила рассматриваемая нами группа.

Разовые конфликты завязывались в основном из-за покушения на представителя группы, оскорбления в его адрес. Противоборствующие стороны «забивали стрелку». Уточнялась численность, но в основном всегда приходило несколько больше народу. «Бывало, что получалась большая разница в количестве, своего рода обман – это подло и не по-мужски». Если была возможность дожидаться подмоги, драка начиналась, если же место стрелки было удалено, приходилось отступать. Посредством телефонной связи осуществлялся сбор людей, договаривались о месте встречи, примерном количестве человек и цветовой гамме одежды (это должно было служить отличительным признаком группы, и было необходимо, так как многие участники не знали друг друга в лицо).

В опыте Николая не отмечается таких случаев, когда конфликты «перетирали на словах». Неоднократно указывалось, что суть участия в группе заключалась в возможности при необходимости проявить физическую силу. Поэтому в группе не было молодых людей, которые не участвовали в драках.

7. Закономерности проведения драки.

Николай отметил, что драться приятно: «чувствуешь, что ты – сильнее». Именно в драке молодой человек видит результат своей физической подготовки, соответственно, использование оружия мешает такому процессу. К тому же,

по словам Николая, «суть была не убить, не покалечить, а показать, кто сильнее». Но если группа противника будет использовать оружие (а такое бывало), не отступать же. Поэтому на всякий случай имелись машины, загруженные бейсбольными битами.

Определенных правил вроде «драки до первой крови» в компании не отмечалось. Драка заканчивалась, когда одна из групп начинала отступать. Но всё же понятие «беспредела» у молодых людей существовало: «Беспредел – это когда пинаешь лежащего, который и так еле дышит». Тем не менее, бывают разные ситуации; например, «если он огрел тебя по затылку, появляется плохо преодолимое желание его убить».

Бывали случаи, когда Николай оказывался задержан милицией вследствие драки. Если, ввиду массовости события, приезжал ОМОН, то драка оканчивалась отступлением и побегом обеих групп.

Воспоминания о стрелках становятся частью группового фольклора и поддерживают мифологию группы, делая ее сильнее. Молодые люди находятся под впечатлением до следующего конфликта, вспоминают забавные и необычные моменты. Притом, как сказал Николай, больше обсуждаются неудачные драки, анализируются ошибки. Если все прошло успешно: «Все молодцы, все хорошо всё сделали».

8. Внешний вид.

Как уже говорилось, общего стиля не было.

9. Пацанские понятия.

Как отметил Николай, «правила понимаешь в процессе участия в группе – специально никто этому не учит и вводных лекций не дает».

Недопустимо унижать мужчину при девушке, даже если он ведет себя неправильно или это делает его девушка. С таким человеком следует разобраться тогда, когда он будет один.

Проявлять агрессию или нет – зависит от силы противника, поэтому девушек, младших по возрасту, меньшую по численности группу «бить не интересно, если очевидно, что ты победишь».

Если в советское время служба в армии считалась делом престижным и обязательным для мужчины, а ударить отслужившего считалось недопустимым, то в глазах современных молодых людей такое правило потеряло свою значимость. Но если конфликта с отслужившим в армии нет, то отношение к нему уважительное.

Николаю был задан вопрос о том, какое поведение недопустимо в его группе. Оценивая нарушения по десятибалльной шкале, он составил такую иерархию: сдавать своих, отказать в защите и помощи – 10 баллов, уклониться от вызова на драку – 9, сотрудничать с милицией – 8, отказаться от поездки на драку – 7. Если участники группы задерживались милицией, отрицалось участие в каких-либо действиях, знакомство с представителями группы и участие этих людей в драке. Коллективного задержания, когда кто-то «отмазывался» при очевидности обвинения группы, Николай не припомнил.

За нарушение правил, неверное поведение, наказывают. В зависимости от совершенных действий могли перестать общаться, объяснить на словах, «разъяснить» (побить), но, что интересно, какими бы ни были отношения с участником или бывшим участником группы, при обращении его к группе за помощью никогда в ней не отказывали.

В ходе интервью возникло ощущение, что защита территории для такой группы выступала как вторичная мотивация. Причины возникновения конфликтов связаны в первую очередь не с наличием «чужаков» в своем пространстве, а с проявлением агрессии к личности, оскорблением ее. Как утверждает Николай, суть участия в такой группе: «Один за всех и все за одного». Таким образом, задача состояла прежде всего в защите личности. Также стоит отметить мужскую солидарность участников группы, уважение к индивидуаль-

ности и к мужским качествам (стоит вспомнить слова Николая о порицании унижения мужчины при женщине, даже если такой человек выступает как «не свой», как противник).

Николай отмечал, что участники его компании, детство которых пришлось на девяностые, когда различных секций и кружков, за исключением рукопашного боя, не было, не имели иного выбора в занятиях, кроме как развитие физической силы. А результат необходимо видеть, и в такого рода группах молодой человек мог проверить свои силы.

10. Гендерные установки и отношения.

Девушки никакой роли в группе они не играли. На «тусовках» в основном присутствовали девушки участников подгруппы, иногда бывшие подружки, если расставание с членом компании проходило без эксцессов. Агрессия в адрес девушек не поощрялась. Если она ведет себя неправильно, на это могли попросту не обратить внимания или же устно вынести порицание. Строгих регламентаций по защите их не было: «если за девушку затупился на улице – хорошо, если нет – “ну что, ну слабак”».

Категорически не допускали девушек на драки. «Девушке нечего делать на таких мероприятиях». Николай отмечает, что «другие группы приводили с собой девушек на стрелки, а это очень глупо». Несмотря на плохое отношение к проявлению агрессии против девушек, когда группа «противника» проигрывала и отступала, в общей массе часто (ненамеренно) доставалось и представительницам слабого пола.

11. Дальнейшая судьба.

Обретение семьи, своей ячейки в обществе способствует выходу из подростково-молодежной группы. Как объясняет Николай, с возрастом понимаешь, что «можно объяснить на словах, а не обязательно доказывать физической силой свою правоту».

Одесса. Сборка. 2004–2009 годы

Интервью проводилось 25 августа 2009 года с молодым человеком по прозвищу **Ремень**, 1992 г.р. Родился и проживает в Одессе. В этом году окончил школу, увлекается медициной и со временем надеется открыть свой массажный салон с ориентацией на китайскую медицину, на настоящий момент работает курьером.

Интервьюер – **Маерчик Мария Степановна**.

1. Общие сведения.

Ремень – один из «неформалов» города Одессы¹. С 14–15 лет он относит себя к общей неформальной тусовке, в рамках которой формируются более мелкие компании, образующиеся на основе симпатии и общих интересов.

«Там есть и металлисты, и панки, там рокеры, хиппи... Кого нужно было найти, кто попадал под наши интересы – с теми мы и общались. То есть, не было какого-то такого жесткого направления. Просто есть люди, с которыми интересно общаться, а есть, с которыми нет. Ну, мы собирались и в тусовки с теми, с кем нам было интересно общаться; под них попадали люди с разных субкультур. Но в основном, да, были отдельные какие-то более дружные компании, в которых присутствовали люди одной субкультуры. То есть, у них как бы больше общего находилось. Но оставалась общая масса, которая общалась вместе».

Костяк компании составляли около 20 человек. На настоящий момент возраст участников – 17–29 лет. Первоначально (лет пять назад) компания состояла преимущественно из ровесников. «Это были [ребята] наших лет, ровесники наши, и мы с ними общались. Были те, кто учились с нами в школах, в лицеях (в нескольких школах). Были те, с кем я общался, с каких-то заведений. Мы в основном шли на какие-то тусовки; это были какие-то стадионы, [места] на море... ну, уже договоренные, куда приходят из разных мест много людей».

Общая стилевая направленность компании со временем могла меняться при общей установке на панк и металл. «Когда тусовался с панками, металлистами, мы, само собой, называли себя “отбросами общества”, и нам это нравилось, мы называли себя анархистами, мы проводили какие-то движения. Как только компания меняется – сразу меняется ее название и направления. Было очень много названий, которыми мы себя называли. В основном названия происходили от названий субкультурных групп. Или от каких-то групп музыкальных, которые мы слушали».

Места для встреч тусовок неформалов: «Соборная площадь, там есть фонтан. Парк Победы – там много людей тусуются. Склоны на море – буквально всё побережье, можно найти разные тусовки. Известные клубы – там, “XXI век”, “Орех”, “Шкаф”... Какие-то дворы, которые большие, ближе к кому-то, в которых мы уже не раз сидели».

Встречи компании проходили в свободное время: «Пока мы были в школе, у нас много свободного времени. Мы там огромным количеством людей собирались и встречались почаще, каждый день буквально, с какими-то хорошими друзьями». На настоящий момент, по окончании школы, встреч стало меньше: «Сейчас есть людей пять, с которыми вижу постоянно, потому что живу рядом, и просто мне с ними интереснее. Вот три человека живут здесь, на Таирова, с ними общаюсь больше всего. Еще несколько людей живут в центре. А со всеми остальными просто вижу через какое-то определенное количество времени. Или случайные встречи, город не такой большой. Буквально через день можно встретить знакомого; ну или еще созвонимся».

2. Локализация и повседневность группы.

Как уже говорилось выше, места для встреч компании, как правило, выбирались в центре города. Приведем описание типичного времяпрепровождения:

«Каждый раз, когда встречаемся, можем выбрать себе варианты: поехать в город, или на море, пока лето... ну вот, мы за день, за несколько договариваемся, что мы завтра будем делать. Обычно так получается. Такого спонтанного обычно не бывает. Договариваемся, что завтра идем на море – идем на море. Также можем пойти в город, можем пойти друг к другу домой. Или еще какие-то варианты похожие... Улица, море, город, дом – что-то между этим.

Пока день, можно погулять на улице, повстречать знакомых, пообщаться, после этого можно пойти попить там... чаю, пива, чего-нибудь такого, где-нибудь посидеть, поговорить и поехать к кому-то домой, уже вечером».

«Своей» территории у компании не было, но определенные места в городе могли восприниматься как временно собственная территория: «Были территории, на которые другие компании пускались под каким-то предлогом или не пускались вообще. Но таких мест было мало. Это, в основном, те места, где тусуются постоянно одни и те же люди. Ну, то есть, новые люди там не появляются. Скажем так. Это более-менее закрытое место. Не кусок улицы. Это [например] какой-то двор, в котором гуляет одна и та же компания, собирается. Ну, туда не пускаются компании какого плана... не там 10 человек, которые пришли посидеть, а такие же большие компании, – они туда уже не пускаются. Чтобы не было *нагала*, нагромождения людей».

Большое значение для компании имели музыкальные интересы: «Ну, там, например, “Металлика”, “Ария”, даже советская группа “Пурген” – это всё относится к панк-року, к тяжелому року. И еще у нас было направление легкого рока – “Наутилус”, “Агата Кристи”, Цой, Высоцкий...» Среди любимых песен группы были названы «Мама Анархия» В. Цоя, «Скованные одной цепью» «Наутилуса Помпилиуса», «Крещение огнем» и «Падший ангел» «Арии» и некая «песня про смерть» В. Высоцкого.

«Мы играли на музыкальных инструментах, рок-группа, бэнд, нас было девять человек (в том числе две девушки). Очень много. У нас были почти все виды гитар, соло-гитара, бас-гитара, синтезатор, губная гармошка и флейта. И барабан. И мы умудрялись на этом всем делать музыку. Получался, конечно, не самый лучший вариант, но было достаточно интересно, потому что абсолютно различные инструменты, старались подобрать гамму, чтобы оно нравилось слушать. Ну так вот и не довершили это дело, не хватало времени, чтобы учиться на этих музыкальных инструментах, не хватало времени, чтобы тренироваться вместе. Если по отдельности еще получалось (дома у себя тренируешься), то вместе у нас [получалось] уже всё меньше и меньше. Каждый уходил в своем направлении. Мне тогда было 14–15 лет. А другим плюс-минус год.

Мы собирались в основном в нескольких квартирах. То есть у одного парня, у которого есть барабанная установка, у него большой зал дома. И еще у одного друга был гараж, мы могли все завалить в гараж и там тренироваться. И еще знакомый наш держал ресторан, и летом были моменты, когда он не работал, и тогда мы могли иногда прийти и заниматься. Знакомому было тогда, по-моему, уже 37 лет. Мы пытались [выступить], но ни одного концерта так, чтобы он был записан и выдавались билеты, – не было».

Имело место публичное исполнение песен, свойственное «неформалам»:

«На [Потемкинской] лестнице играет молодежь, играют, поют и спрашивают деньги. Называется аск. И вот кто-то из них спрашивает деньги, кто-то играет, кто-то поет, и находятся там длительное время. То есть зарабатывают деньги. Они как бы тусуются, общаются по своим предпочтениям. И вот этим пением на гитаре зарабатывают какие-то деньги, то есть им кидают копейки, рубли; там, не знаю, 50 рублей бывает.

На Потемкинской лестнице можно было [это] делать, в парке Победы. Но там, в основном, просто все играли для

себя. А аском мы занимались в центре города, на Дерibasовской, возле Соборки, на Потемкинской лестнице.

Заработанные деньги шли в основном на сигареты, выпивку. Что-то скидывалось в общак, на какие-то общие тусовки, – мы хотели куда-то, допустим, поехать или пойти на какой-то концерт вместе, или купить новые инструменты... [На инструменты] надо было, само собой, докладывать деньги еще другие, но аск помогал накапливать эту сумму потихоньку».

Некоторые участники компании (Ремень в том числе) занимаются спортом, но это скорее исключение. «А в основном в компании отношение к спорту было не очень. В основном интерес был к выпивке, музыке и к другой фигне.... Там занималось спортом буквально 20–30 процентов... В таких тусовках очень мало задумываются о своем здоровье. Это очень далекий приоритет. Быть здоровым – это не их желание...»

Одно из мест коммуникации различных компаний – заведения, где танцуют: «Я вот, например, не очень люблю танцевать, но многие люди любят танцевать. К какой бы они субкультуре не относились, они могут танцевать, они могут где-то собираться. Ходить на какие-то танцполы, на какие-то дискотеки, еще что-то. Просто на дискотеках в основном крутят музыку, которая мне не нравится, поэтому я туда не хожу. Это кислота, попса, причем не нормальный попс (те же «Битлз» – это поп-рок)».

3. Структура группы.

Каких-либо значимых иерархических отношений в своей компании Ремень не отметил, не встречался он и с обрядами вступления в группу. Но указал закономерность: младшие легко входят в группу более старших по возрасту; и наоборот, «старшему человеку труднее влиться в компанию молодых».

Что касается лидерства, «существуют как бы такие “отцы”, которые считаются авторитетными. Может, и не авторитетными, просто к их мнению прислушиваются. Но одного лидера не существует. В других группировках, напри-

мер, у рэперов, может быть такое. В рокерских неформальных группировках это редко случается».

4. Криминал.

Криминальной деятельностью компания не занимается, за исключением проделок в панковском духе: «Очень любили пакости, то есть причинить какой-то минимальный вред, но создать интересную ситуацию, смешную или какую-то... Это может быть... не знаю, в кого-то кинуть помидорой, или вышибить стекло... простые случаи. То есть ничего, за что можно было бы привлечь к уголовной ответственности. Что-то сломать, что-то разбить. С места на место переставить какие-то вазы с цветами каменные, мусорники перевернуть. В нашей компании больше присутствовал такой прикол. У нас несколько человек висело на передачах с приколами, мы тоже таким страдали. Но это приносило меньше вреда, чем оторвать трубку или на кладбище вандализм. В чем прикол перевернуть мусорник – я знаю, это весело. Не знаю, как это описать, но это весело. Это прикольно. И то это не самый лучший прикол. В основном это может быть весело, потому что группа людей пьяная и могут дебоширить. Дебош может включать в себя разнесение хаоса на окружающую среду. А вот разрушать могилы – я не знаю, в чем тут прикол».

5. «Свои» и «чужие».

Противниками компании были гопники и рэперы. «В основном они очень не любили наши субкультуры, и как представлялась хорошая возможность для них, они любили атаковать. Поодиночке, когда кто-то домой идет, или целыми группами на группу. Ну вот – стенка на стенку. С нашей стороны – были только ответные какие-то волны, удары. На моей памяти не было, чтобы мы первые пошли и каких-то рэперов или эмо начали убивать».

Неприятными были отношения к милиции: «Никто из нас не любил ментов. Но и никто из нас не любил проблемы с

ними. Но также и менты очень-очень любят к нам пристать, проверить, потому что они считают, что в основном преступность зарождается в таких вот неформальных группировках. Я считаю, что это не так. Из-за такого предубеждения общества мы были частой мишенью полиции-милиции».

Милиция систематически досматривала «неформалов» на предмет наркотиков: «Документы никого не волновали. Даже если у тебя есть документы, у тебя всё равно проверяют карманы. Наркотики, колющие, режущие, оружие. Какие-то запрещенные законом предметы. То есть каждый карман проверялся. Если человек был сильно подозрительным (ну, с точки зрения ментов), то они проверяли и сумки... Проверяли все возможные места нахождения этих запрещенных предметов».

Понятие лоха Ремню знакомо: «Лох – опущенный человек. То есть он своим поведением показал, что он... ну, тупо себя ведет. Даже затрудняюсь сейчас ответить. В принципе, лохом может быть каждый, кто неправильно себя поставит в компании. Если общая оценка общества сводится на ноль, то он автоматически становится лохом. Этот человек не обязателен от природы. Это может быть абсолютно умный, нормальный человек. Или может быть и глупый. Лохом мог стать человек, который просто не умеет себя поставить в компании. Тот, кого не уважают».

Разводка лохов на деньги производится «ну, такими... подталкиваниями, что ли. Вот собираются человек пять на одного. Они его вроде и не бьют, но они его между друг другом толкают, какие-то страшные вещи говорят, давят ему на психику, но никаких физических повреждений ему не делают. Он не выдерживает, потому что они впятером могут его на части порвать, и отдает им деньги». Для разводки выбирают «того, кого считают лохом. Лоха тоже можно увидеть. Это человек, который себя как-то ведет. Он не производит вид крутого парня. Например, подойдут к какому-нибудь хиленькому или какому-нибудь странному и, само собой, подходят к тому, у кого есть деньги. Надо знать, у

кого есть деньги. Это объект, само собой, специально выби-
рается. Смотрят на его внешние показатели, лох он или не
лох, чтобы можно было развести. Оценивается его толщина
кошелекка. В нашей компании это тоже не сильно присут-
ствовало. Всё зависело от того, какие люди вместе с нами
тусуются и [какова] степень их трезвости. То есть бывали
ситуации абсолютно всякие, но чтоб такое стационарно про-
исходило – то нет».

К отличникам неприязни не было, «скорее к зубрилам
таким, которые могли пожаловаться учителям и, не знаю
там... зубрили целыми днями. То есть, отличник – нет, а
именно праведник, как бы это сказать, школьный. К ним –
да, была неприязнь». Также ботаник – «это тот человек,
который увлечен учебой, знаниями, который постоянно этим
занимается. Мало того, что он учится на отлично, он посто-
янно новые знания черпает... В принципе, этот человек ни-
чего плохого не сделал. Но с нашей точки зрения это был
отрицательный персонаж. Ботаник и зубрила, в принципе,
один и тот же персонаж».

По национальному признаку неприязнь проявляется к
азербайджанцам. «Во-первых, потому что они живут в на-
шем городе и ведут себя, мягко говоря, очень некрасиво.
Потому что живут на нашей территории... я имею в виду
территорию города, одесситов, русских людей. А они сюда
заехали и очень сильно подрывают наше законодательство.
Много воруют, убивают людей. И это делает каждый второй
айзер. У них это очень-очень-очень распространено. Поэто-
му возникает уже не расовое недолюбство, а к людям, кото-
рые ведут такой образ жизни. Так получилось, что именно
айзера ведут такой образ жизни. К ним пошла такая непри-
язнь. Вот цыгане, например. У кого-то есть неприязнь к
цыганам. Но я считаю, что хоть это не наша националь-
ность, но они в основном ведут себя более-менее прилично.
Можно даже сказать, что цыгане – и то более мирный на-
род. Более придерживаются закона. Потому что айзеры –

они просто безбашенные. Они творят то, что им нравится. Поэтому к ним есть такое недолюбство. И хотелось бы, если честно, вообще их искоренить. По крайней мере, из моего города. То есть, я вот хочу, чтобы в моем городе их не было». Подобное отношение к азербайджанцам «распространено во всех субкультурах; по крайней мере – неформальных».

При этом целенаправленное преследование «айзеров» молодежью не ведется: «Ну, возможно, если вот, например, компания тусуется, и где-то рядом находятся, допустим, те же азербайджанцы, то могут быть какие-то вздоры. Но, в принципе, специально никто их не выискивает». Провоцироваться «вздоры» могут и со стороны русских, и со стороны азербайджанцев, «настолько укрепились эти негативные представления».

В то же время (как и выше, касаясь цыган) неприязнь к указанной национальности не распространяется на иностранцев вообще. «К туркам, например, не имею никакой предвзятости (но они выглядят примерно одинаково, если честно, что азербайджанцы, что турки). (...) По-моему, как раз негры себя ведут супер, они приспосабливаются к нашей жизни, они работают на наших работах, так же само как мы, они не собираются ночью организациями какими-то, не убивают людей, не воруют. Может, они это делают тоже, но не в таком массовом порядке, то есть они приезжают в эту страну и делают то, что им нужно. И никого при этом не трогают».

Не любят гомосексуалистов. «[Держимся от них] подальше. Просто думать об этом не хочется. В принципе, если где-то там по улице он будет идти, его мало кто будет трогать, но у многих будет к нему отвращение». Не исключается возможность дежурства около гей-клубов: «Такое может быть. Не постоянно, но такая идея может быть. Мы несколько раз говорили об этом, тоже так, в приколы. Эта тема для разговора, возможно, поднималась, но такой ситуации не возникало».

Система денежных поборов Ремню известна только понасльшке. «В смысле крышевания или вымогания денег? Кто-то

может другому человеку давать деньги за то, что тот будет его защищать. Но вот чтобы кто-то кому-то отдавал деньги, чтобы его не трогали, в компаниях такого не бывает. Это бывает там, во дворе, то есть там какие-то старшие пацаны могут вымогать у младших. Но внутри компании, по крайней мере в нашей, я такого не встречал. Я и сам мог дать кому-то денег, чтобы меня кто-то защитил. Но отдать денег, чтобы меня не побили, я такого никогда не делал и [с таким] не встречался. Может быть, к кому-то ночью пристали несколько человек, чтобы его не побили – он им сразу отдал деньги. Но я не думаю, что возможно такое постоянно».

6. Межгрупповые конфликты.

Противостояния между субкультурами довольно распространены. «В основном они проходили между субкультурами абсолютно разного направления».

Противостояние наблюдается между «рэперами и роке-рами, скинхедами и хиппи, эмо, готами. Готов, эмо вообще все не любят. Большая часть субкультур их не любят. [Потому что] они абсолютно другие. Они ведут себя абсолютно нестандартно по отношению к обществу. К любому обществу. Готы носят черную одежду... [М.М.: А панки – белую?] Панки носят другой стиль. И то не всегда черный. У них нету такого выбора [именно] черной одежды. А готы – они считают себя детьми ночи, они придерживаются черного цвета, абсолютного спокойствия или, наоборот, беспокойствия. Но... они не похожи на другое общество. Как это объяснить вообще... они ведут себя по-другому. Делают другие поступки. По-другому мыслят».

Столкновения между группами происходят «как говорится, наудачу. Сегодня может быть [да], завтра нет. Или наоборот. Так как там могут находиться сегодня одни люди, а завтра другие; или одни и те же, но у них может быть разное настроение; очень много факторов поведения человека, которые трудно просчитать под какой-то алгоритм. Поэтому

это абсолютно непредсказуемо. Конечно, возможны стычки. И они происходят в разных местах каждый день. Причем не только между парнями, но и между девчонками тоже, в данном случае пол не имеет значения. Просто у людей бывают такие стычки. И так как в Одессе много разных субкультур, постоянно можно найти того, кто тебе приятен на вид, и наоборот, того, кого ты не любишь».

Критерием завязывания конфликтов между субкультурными группами, по оценке Ремня, является внешний вид. «Так как есть разделение на субкультуры, само собой есть разделения на какие-то критерии вида человека. [М.М.: И вот внешний вид является причиной, почему один человек может атаковать другого?] Да, это самая распространенная причина. Почему? Потому что своим внешним видом каждый может показать, кто он. То есть, сразу, не зная человека, можешь начать с ним общаться, потому что ты видишь, что ему нравится по его одежде или по его поведению. И поэтому необязательно со всеми знакомиться. Достаточно просто подойти к какой-то группе, и ты там уже можешь общаться. Потому что уже видят по твоей одежде, кто ты, а ты видишь, кто они. Этим отличается неформальная группа от гражданской группы людей. Гражданская группа может быть одета как им удобно, как им красиво, и так далее, по ним сложно определить, что они любят в жизни. А в этом случае вид одежды очень многое решает. [Ориентируясь по внешнему виду,] например, скинхеды могут пристать к рокерам, металлистам, любят очень приставать к эмо, готам, могут даже к рэперам, но это бывает редко».

Как уже говорилось, агрессивными группами в городе являются гопники и рэперы. «Там, где есть рэперы, в основном еще бывают гопники, ну, гоп-стоп. И они уже, само собой, могут тоже приставать почти к каждому». Рэперы и гопники не вместе, но «они просто более вместе тусуются. В гопников свободный вид одежды. Он похож на рэперовский очень даже. И у них похожи взгляды на мир. Вот, например, [если] рэпер,

[то] не исключено, что гопник. И наоборот. Хотя есть много исключений, но есть и такие. Это распространено, так скажу. И, само собой, гопник может пристать к любому – к цивильному, к неформалу, к металлисту, к эмо, к кому угодно, кто ему больше понравится, по его выбору. Гопник – это тот, кто занимается кражей. Насильственным или не насильственным методом забирает у людей деньги. Или какие-то ценности, которые находятся при человеке. В основном они все уважают блатной стиль, тюремный стиль. Где-то так».

В то же время существует практика «найма» гопников для тех или иных силовых действий. Так, выше упоминалось, что Ремень в некоторых ситуациях платил, чтобы его защитили. «Наемников» он «в основном находил через знакомых, тех же гопников или каких-то зэков или еще кого-то, каких-то страшных людей, которым нужны деньги за то, чтобы они пошли и побили других людей. Была ситуация, когда к нам пристали рэперы. Нас было немного. Я позвонил знакомым, чтобы приехали несколько пацанов. Они большие, они этим зарабатывают, они этим занимаются. Через своих знакомых я им дал немного денег, там, на выпивку и карманные. Но часто я такого не делал. Не было таких ситуаций».

В пространстве города компании неформалов вырабатывают коллективную стратегию взаимодействия. Существует негласное правило – на Соборной площади (Соборке), где тусуется большинство неформальных групп, конфликтов не заводить.

Места частных тусовок находятся в отдалении друг от друга. «Например, те же рокеры, все, кто слушают рок, они могли себе в одном месте находиться. Те, кто слушают рэп, они могли находиться в другом месте. Вместе они очень редко могли где-то вообще тусоваться, только в каких-то общественных местах, например, на той же Соборке».

Тем не менее, конфликты могли происходить из-за мест тусовки: «И то много бывает эксцессов. Если кому-то не подходило, что это место занято кем-то, могли быть какие-

то разборки. Но в основном на месте общего сборища могут выгнать группу ненадолго. Вот сегодня что-то кому-то не понравилось, они друг друга побуцкали, и кто-то само собой ушел. Кого побили, тот и ушел, само собой. Завтра они могут вернуться. Они могут завтра прийти еще большей группой и набить тех, прогнать их, или больше не тусоваться, или туда прийти, а больше такого конфликта не будет возникать, потому что он возник из-за какой-то сегодняшней ссоры, а не идеологической – ситуативная разборка».

Бывают случаи решения конфликтов через драки в специально назначенном месте. «Вот фильмы видели? То же самое. Время назначается, встречаются в таком-то месте. Если люди, которые пришли, еще могут говорить, то есть у них остался мозг какой-то, то сначала выходит тот, кто считается главным, или тот, кого выбирают для переговоров, один-два человека, они выходят и говорят с другими двумя или одним. И обсуждается вся эта ситуация, вопросы, там «за» и «против», и само собой решается, что дальше делать. В основном из-за большого количества народа невозможно точно выяснить эксцесс, из-за чего возник конфликт, не всегда можно понять, кто прав, кто виноват. Само собой, тот, кто виноват, выбирает себе несколько вариантов: либо он доказывает свою правоту силой, либо платит деньги или еще что-то, либо уходит... Может и не получится уйти. Зависит от двух сторон.

Коллективные драки могут предполагать жертвы: «Если будет 50 на 50 [человек], то один из ста точно умрет. Точно. Вот, один из ста точно умирает. От царапин, синяков... до... как повезло. Не знаю, в первые же минуты ударили по голове, он может просто упасть и через час встать, а может не встать. Но это бывает только когда серьезные драки. Не все ж драки очень серьезные... На них приходят люди, которые хотят убить. Бывает, что просто вот из-за денег, кто-то хочет деньги выудить, просто нападают – побили, деньги забрали и убежали. Или из-за каких-то конфликтов, пришли, побили и ушли, то есть у них нет цели убить. Бывают раз-

ные ситуации. Но если большое скопление людей, то в основном такое бывает. Обычно – вывихнутые конечности, синяки, раны чаще всего».

Бывают и драки «спортивного» характера: «Просто бывают такие махачи, просто собираются, чтобы выяснить, чья команда сильнее. Ну вот, например, я участвовал в историческом фехтовании. Там происходит всё с мечами, с броней и так далее, мне это больше нравится. Снижается вероятность получения травмы. Но бывают и такие, когда просто вот.... Допустим, завтра мы идем туда-то, и там дерутся. Они друг друга не стараются калечить, но могут быть выбитые зубы, разбитые носы, царапины...»

7. Закономерности проведения драки.

О начале драки: «В основном у нас было так, что мы начинали горланить какую-то песню, призывающую, относящуюся к бою. Это, возможно, были групповые ранние песни... Держали друг друга за плечи или еще каким-то образом, то есть становились в какие-то стенки, узоры, шахматный порядок, не знаю, в какой-то прядок все-таки становились, и орали песни, шли вперед. То есть, как бы такое моральное давление. Но это было не всегда. В основном просто бросались в бой, вперед, без таких подготовок».

В драках использовалось оружие: «Кожаные перчатки, штаны, цепи – это всё использовалось. Можно было наматывать на руку цепь, можно было использовать как средневековое оружие: гиря, цепочка и рукоять – вместо гири использовался замок или что-то вроде этого. Ножи, всякое такое – использовались редко. Чаще цепь, арматура, молоток... дубина, может быть. Кто был побогаче, но в наших кругах таких людей было мало, покупали электрошоки.

Хотя Ремень и носил с собой цепь постоянно, но он настаивал, что это не оружие, что цепь имеет для него другое символическое значение: «Просто у многих это вошло в при-

вычку и часто используется в бою. Но, например, для меня цепь означает совсем другое. То есть это для меня не средство оружия, это символ, [способ] показать, что, как у “Наутилуса”, “мы все скованы одной цепью”. Это символ нашей свободы, что мы все пока на цепи. Мы носим цепь, потому что она в нас присутствует, только она незрима. Это цепь нашего правительства, государства, еще чего-то. То, что нас держит, то, что нам не дает быть свободным. Что-то, что не дает человеку свободу, означает эта цепь».

8. Внешний вид.

У компании, ориентированной на неформальность, был соответствующий стиль одежды. «Джинсы в основном, металлические цепи. Кожаная одежда. Косуха. Штаны. Металл и кожа. Какие-то феньки с названиями групп и певцов, пирамидки (то есть браслеты всякие с пирамидками, шипами)». Спортивную одежду не носили, а вот военная иногда встречалась: «Не у всех, но такое бывало. Камуфляжная одежда вместе с цепью, чаще штаны. Берцы. Кроссовки тоже одевались, тапки тоже одевались, но было прикольно одеть берцы или какую-то тяжелую обувь, высокую с шнуровкой или с металлическим пластинами внутри, или с шипами. Шапки вообще не одевались, шарфы тоже».

«Очень часто обменивались одеждой. То есть можно было обменять что-то на что-то. Например, вот у меня есть кепка, на ней написано “Сектор газа”, а у него есть футболка, и у него написано еще что-то, “Виктор Цой”, и мы могли этим обменяться. Или просто друг у друга попросить. Конечно же, не все этим занимались, но это очень и очень часто делали. Можно было найти себе бесплатную одежду. При этом очень четко обговаривалось, на всё ли время меняемся или временно».

Существовали собственные формы приветствий. Также «движения – мотание головой, размахивание волосами, у кого длинные волосы. Там, размахивание ирокезами, у кого иро-

кез. Даже у кого короткие волосы – резкие движения головой, с большой амплитудой».

Жесты: «Вилка вот эта вот [раздвинутые указательный и средний пальцы подняты вверх – прим. сост.], другие жесты, более неприличные. Пис. Когда вилка – в основном используется слово “Хай!”. “Хай!” – это как бы такое слово международное, используется всеми рокерами. Это как “Йо!” Что значит “Йо”?»

9. Пацанские понятия.

«Для пацана недопустимо отказать в помощи. От всего остального, в принципе, можно отказаться. У разных людей – разные принципы. Но, в принципе, думаю, только от этого нельзя отказаться. То есть, если ты не можешь, ты можешь не приехать на драку. Но если у тебя есть возможность – ты должен помочь, У тебя нету возможности – ты не можешь. А если есть возможность, но ты сказал, что нет возможности – вот тогда ты не пацан. Если у тебя есть возможность – об этом и так узнают, так как мы общаемся тесно, мы друг о друге много знаем, само собой».

Действительно, существует запрет на агрессивность против определенных людей, например, против младших по возрасту.

Существует ли правило, что нехорошо проявлять агрессию против меньшей по количеству группы? «Не всегда. Иногда бывает такое, что сегодня кого-то из наших побили, вся наша группа злая. Она может не найдет обидчика, но найдет кого-то, кто подпадает под это описание. Например, меня сегодня побили гопники. Если они найдут сегодня гопника, они его побьют. То есть, даже если они не найдут конкретных обидчиков, они могут побить, ну или просто разобраться с теми, кто просто похож по описанию».

Существует ли запрет на бесцельную агрессивность? «Запрета как такового нет, Это, опять же, выбор каждого. Но в

моей компании было агрессии меньше, чем в остальных. Может, не меньше, но не много».

Если кто-то нарушил правила группы, то наказывают ли его? «Ну, все правила существуют для того, чтобы их нарушать. Конечно, никакой похвалы за это не будет. Само собой, меняется отношение к человеку. Всё строится на отношениях. Если сильный какой-то проступок, то могут и побить. Зависит от поступка. И от человека. Если у него хорошие отношения, но он сделал маленький проступок – этого никто не заметит, завтра это уже забудется. А если, опять же, хороший человек, нормально общается в компании, вдруг совершил какие-то там серьезные нарушения, то к нему отношение сразу же меняется, могут не побить, но не общаться с ним из-за этого – какие-то меры наказания присутствуют».

10. Гендерные установки и отношения.

Отношение к девушкам в компании – равноправное. Есть девушки, у которых есть свои парни, а есть и «свободные». «Были те, которые просто с нами гуляли, наши подруги, с которыми мы просто общались, а были с парнями, с которыми мы тоже общались. Парень с девушкой общались со всей компанией. И компания общалась с ними. То есть не было никакого разделения, если девушка без парня, то с ней беспонтово общаться».

Влиял ли на отношение к девушками их внешний вид? «Ну, само собой, внешность очень многое делает. Мальчики же не ищут себе жену в компании, они ищут себе девушку, которая бы им нравилась и так далее. Чтобы она то же самое слушала, имела похожие интересы. Эти отношения могут перейти в женитьбу, но в основном эти отношения могут быть и на месяц, могут быть и на год. Этого никто не знает. Встречаются для того, чтобы встречаться. В наше время у большинства есть комплекс, что если он ни с кем не встречается, то он какой-то отсталый. В принципе это не так, но

многие хотят иметь девушку или парня и находиться постоянно с ним».

Как должна выглядеть девушка, чтобы она была престижная? «На вкус и на цвет товарища нет. Эта девушка должна была не встречаться с каждым пацаном».

На девушек распространяется защита компании. «Если к девушке (то есть она с парнем или без парня, но она в нашей компании) пристают парни из другой компании, само собой, можно начать с того, что они просто должны уйти, при хорошем случае; при плохом случае их можно побить. Мягко говоря. Если это были какие-то парни из нашей же компании, то самой собой, они понимали, когда им говорят “нет, не надо”, они могли просто это перестать делать из уважения или еще из-за каких-то критериев... Но если это были люди из этих же компаний, то такие стычки встречаются редко, то есть в принципе, все решалось словами».

Нет такого, чтобы на парня возлагалась ответственность за поведение девушки: «Если девушка себя ведет неправильно, то к ней и вопросы. Нет, ну само собой, возможно даже первый вопрос будет: “Вася, почему твоя девушка ведет себя неправильно?”. И Вася может ответить, а может и не ответить. Каждый отвечает сам за себя. Все вместе, но каждый отвечает сам за себя. Но не может быть, что кто-то в ответе за кого-то. Эти отношения могут быть у родителей и ребенка, но не у людей одного возраста, одного положения в обществе. Они не должны быть в ответе друг за друга».

В принципе, парень мог бы делать девушке внушения, но общие «вредные привычки», как правило, в наличии и у парня, и у девушки. «Если, допустим, он курит, пьет и матюкается, и она то же самое делает, в принципе, он мог бы с ней поговорить, или попросить, или заставить ее каким-то образом этого не делать, но в основном девушки и парни приобретают общие вредные привычки. Или они оба не ругаются матом, или еще что-то. Так, что один курит, один нет – это редко, потому что рядом с курящим человеком

некурящему находиться сложно. Из этого следует, что либо и один, и другой начинают курить, либо оба бросают».

«Любая девушка может попросить общество не ругаться матом. Допустим, если она просит не курить при ней, то конечно же ей все скажут: отойди и не нюхай. И то же самое могут сказать, если она попросит не ругаться матом. Но, в основном... не то, чтобы она высокопоставленная, но просто она имеет хорошие отношения с тем кругом, с которым она общается, хотя бы чуть-чуть, то, конечно, она может попросить, чтобы при ней не матюкались. Но на сегодняшний день, по статистике, по-моему, 70 или 80 процентов молодежи ругаются матом, что девушки, что парни. В нашей компании все 100 ли 90 общались через раз матом.

Во время межгрупповых конфликтов «девушка девушку очень часто может побить». Ударить девушку в драке можно было разве что в процессе обороны. Что касается обыденной жизни, «для меня это неприемлемо. Существуют парни, у которых это не за правило. В нашей компании это было редко».

Пространств, куда девушек не допускали, практически не было, разве что при каких-то специфических ситуациях.

«Это бывает на каких-то сборищах, какие-то важные решения когда принимают. Но такое не очень часто бывает. Например, когда мы хотели решить какие-то наши вопросы, даже вот с теми же межсубкультурными войнами или еще что-то. Не все девушки и не все парни присутствовали. Там присутствовал избирательный круг людей, которым больше доверяешь. В данном кругу было мало девушек. Мало, они присутствовали, но... не все люди одинаковые. И девушки тоже в таких кругах присутствовали.

Или это мог быть какой-то праздник. На нем могли не присутствовать девушки. Даже день рождения мог быть у какого-то парня, он не приглашал девушек вообще. В общении это мало прослеживалось. Но в каких-то интересах, возможно, присутствовало. Когда общались, то общались со всеми

на равных. Но в какое-то конкретное дело девушки могли не допускаться».

«Общих» девушек в группе нет, но Ремень знает такой случай у наркоманов («ну как, может быть не такие, которые на игле сидят, но по которым видно, что они наркоманы»).

Сексуальная жизнь у участников компании начинается в 14–15 лет: «Я думаю, лет с 15 ни у кого с этим не было уже проблем».

У панков отношение к сексуальным связям несколько отличается от общего отношения к этому молодежи: «Они немножко другие. Я тоже немножко панковал как бы, было такое. Вот, например, у панков есть такой престиж – не заниматься сексом. Это не хорошо, потому что эмоция “любовь” у панка – это не прикольно. Это не его. [Но] такое было скорее ближе к 90-ым, 80-ым, сейчас это уже сгорает. Сейчас уже престижно иметь сексуальные связи. Но есть такие люди среди панков, они не уважают секс, потому что это эмоция “любовь”».

11. Дальнейшая судьба.

Как уже говорилось, на настоящий момент отношения в группе изменились – из-за появления новых проблем (обусловленных возрастом) общаться стали намного меньше.

«В те дни, когда я был занят школой, мы встречались на 6–7 часов. Если это был выходной или более-менее свободный день, то мы уже с 10–11 утра могли встретиться и гулять до ночи. У нас находились интересы. А сейчас все разбежались в разные стороны. У каждого или учеба, или работа занимает как минимум полдня. Сейчас сложно найти работу на полдня. В основном, работа на весь день, зарплата помесечно. То есть, стационарная работа, на которую нужно ходить, надо быть при виде, опрятным, трезвым и так далее, и так далее. На всех работах есть какие-то требования, которые надо выполнять. При таком раскладе остается несколько часов в день, и каждый уже тратит это время на

свою маленькую компанию. То есть, времени собрать это большое сборище, там, 50–100 человек, уже просто нету. Но каждый остается при своих – своих 15–20 человек может оставаться. При желании мы можем созвониться, встретиться и так далее. То есть, возможно, потерялось людей 10, все остальные 40 еще в отношениях, чтобы общаться. То есть, они никуда не делись. Просто с ними общение уже меньше происходит».

Большинство участников компании ушли из школы после 9 класса и поступили в средние специальные учебные заведения (техникумы). Работающих среди бывших участников больше, чем учащихся.

Примечание

- ¹ Появление данного материала в сборнике является для составителя некоторой неожиданностью. Дело в том, что одним из начальных положений для нас было то, что пацанская среда и представители неформальных объединений молодежи – это два достаточно разных слоя, которые хоть и могут сближаться (например, уличные пацаны могут увлекаться различными стилями «неформальной» музыки), но в целом являются антагонистами. Однако материал, предоставленный украинской исследовательницей М.С. Маерчик, показывает нам компанию одесских «неформалов», которая имеет довольно ярко выраженные черты молодежной уличной группировки (например, специфический моральный кодекс, склонность к межгрупповым конфликтам). Мы видим группу, которая находится на пересечении двух стилевых направлений – «пацанского» и «неформального». Насколько такие группы типичны (и для Украины, и для России; и для современности, и для более ранних лет) – вопрос, требующий дальнейшего прояснения. Привлечение подобного материала позволяет лучше понять, в чем же специфика собственно рассматриваемого нами слоя – молодежных уличных группировок.

ИЭА РАН

Научные исследования, посвященные молодежи
современного города, представлены на сайте:

«Молодежь современного города:
исследования в ИЭА РАН»
<http://molod.iea.ras.ru>

Здесь представлены книжные серии и
отдельные издания, подготовленные
в Институте этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая
Российской академии наук:
«Москва многонациональная» (2005–2007 годы),
«Молодежные субкультуры Москвы (2009 год),
«Молодежные уличные группировки (с 2009 года)
и др.
Представлена обширная библиотека
научных текстов по данной тематике.

Научное издание

**Молодежные уличные группировки:
введение в проблематику**

Составитель

Д.В. Громов

Ответственный редактор

Н.Л. Пушкарева

Подписано в печать 16.12.2009. Формат 60×84/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Гарнитура Journal.
Усл. печ. л. 21,25. Тираж 800. Заказ

Институт этнологии и антропологии
Российской академии наук
119991 Москва, Ленинский проспект, 32а